

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

С. С. НОВИКОВ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Учебное пособие

Владимир 2019

УДК 327
ББК 66.4
Н73

Рецензенты:

Доктор юридических наук, профессор
зав. кафедрой теории и истории государства и права
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
И. Д. Борисова

Доктор юридических наук, доцент
зам. директора Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Владимирский филиал)
А. В. Кудрявцев

Новиков, С. С.

Н73 Теория и история международных отношений : учеб. пособие / С. С. Новиков ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. – 320 с.
ISBN 978-5-9984-0921-9

Приведены наиболее известные идеи, концепции и теории международных отношений с древних времен до современности. Прослеживаются эволюция классической политической философии, европейской миротворческой деятельности, возникновение геополитики, марксистские взгляды, становление науки о международных отношениях на Западе после Второй мировой войны. Рассмотрены вопросы глобализации. Проанализированы новейшие подходы зарубежных и российских специалистов в области международных отношений, юристов, историков, политологов к изучению международных отношений в СССР и России.

Предназначено для студентов вузов 1-го курса направления подготовки 38.05.02 «Таможенное дело» всех форм обучения, а также для студентов других направлений подготовки, изучающих теорию и историю международных отношений, историю политических и правовых учений, всеобщую историю и политологию.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Ил. 79. Библиогр.: 25 назв.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9984-0921-9

© ВлГУ, 2019

© Новиков С. С., 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	9
§ 1. Зарождение политической мысли в период античности, Средневековья и Возрождения	9
§ 2. Политико-правовая мысль XV – XVIII вв.	21
§ 3. «Классические» подходы к изучению международных отношений в XVI – XVIII вв.	39
§ 4. Влияние революционного мировоззрения на международные отношения в конце XVIII – начале XIX в.	49
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	63
Глава 2. ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIX – НАЧАЛА XX в.	65
§ 1. Германские ученые XIX в. о войне и мире	65
§ 2. Переход от географического детерминизма к концепциям геополитики	73
§ 3. Взгляды марксистов и их оппонентов на теорию империализма и внешнюю политику в конце XIX – начале XX в.	80
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	93
Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	95
§ 1. «Политический реализм»	95
§ 2. Взгляды Раймона Арона на международные отношения	106
§ 3. «Традиционализм» и «модернизм»	110
§ 4. Другие зарубежные теории международных отношений ...	128
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	138

Глава 4. РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.	140
§ 1. От «реализма» и «модернизма» к постбихевиоризму и глобальному моделированию	140
§ 2. Критический анализ международной политики и взглядов Генри Киссинджера	149
§ 3. Новейшие подходы в западных исследованиях по международным отношениям.....	153
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	162
Глава 5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА МИРОПОНИМАНИЯ XXI в.	164
§ 1. Глобализация как универсальное явление международной жизни.....	164
§ 2. Российская внешнеполитическая стратегия XXI в.	180
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	197
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	200
ПРИЛОЖЕНИЯ	202

ВВЕДЕНИЕ

Прошло более трех десятилетий с того времени, как в результате развития и сближения с общемировыми школами российских исследований международных отношений теория международных отношений (ТМО) перестала считаться «идеологическим криминалом» и превратилась в нашей стране в самостоятельную научную дисциплину. Важнейшим событием наметившегося процесса стало включение истории международных отношений в стандарт высшего профессионального образования. Вслед за этим в некоторых университетах нашей страны, и в первую очередь на кафедре новой и новейшей истории МГУ им. М.В. Ломоносова, открылась специальность по истории международных отношений, а затем был образован факультет мировой политики. Необходимо подчеркнуть, что до 1996 г., когда в рамках программы «Высшее образование» появилось первое учебное пособие П.А. Цыганкова «Международные отношения», в Российской Федерации не было учебной литературы по данной дисциплине, и ситуация стала заметно улучшаться. В настоящее время существует достаточное количество разнообразной учебной литературы по дисциплине «Теория и история международных отношений» (Смотри список литературы).

Автор настоящего учебного пособия стремился дать достаточно цельное представление о современных теориях и концепциях международных отношений, вначале кратко проследив многовековую историю накопления знаний о международной сфере. Вероятно, интересно будет узнать, что идеи, лежащие в основе создания многих современных международных организаций, начиная с ООН, были высказаны несколько столетий назад, что правила рационального поведения правителей, изложенные в сочинениях политических мыслителей прошлого, в общем смысле мало изменились за многие века. Конечно же, современные исследования международных отношений весьма усложнились, сформировавшись в самостоятельную научную дисциплину.

Автор счел нецелесообразным объяснять во введении многие определения международных отношений, содержащиеся в научной

литературе. Различные толкования их раскрываются в основном содержании работы.

Следует сделать акцент на два момента.

Во-первых, понятие «теории» употребляется в настоящем пособии в широком, даже условном смысле, объединяя собой не только развитые научные теории и концепции, но и совокупность философских или экономических взглядов, политических идей, в которых содержатся теоретические представления о взаимоотношениях народов и государств.

Во-вторых, в работе дан обзор теорий, идей, подходов и концепций европейских и американских ученых, российских специалистов-международников, государственных и политических деятелей.

Теория и история международных отношений, не представляет собой некой целостности - для нее присущи непрерывная соревновательность и взаимная критика разных исследовательских парадигм, методологических подходов, многообразие тем, выделяемых в качестве основных, разное представление о предмете теории и ее объекте. Приверженцы разнообразных точек зрения либо понимают под данной дисциплиной совокупность концептуальных обобщений, понятийного аппарата и методологических подходов, принимаемых определенной частью научного сообщества за основу дальнейшего изучения международных отношений (теория политического реализма, неолиберальная теория и т.д.), либо рассматривают ее как определенную систему взглядов, развиваемую в рамках той или иной известной парадигмы (теории национального интереса, естественного состояния, баланса сил, конфигурации-полярности международной системы; неолиберальные теории демократического мира, международных режимов, и др.). Фактически мы рассматриваем множество теорий, выстраиваемых к тому же по разным основаниям и призванных отвечать разным критериям. Но это не означает необходимости отказа от научно-теоретического исследования международных отношений. Их изучение предполагает обязательное применение теории, наблюдений, сравнительных анализов, математических расчетов и других строгих методов. Осмысление международных отношений представляет собой не только строгую науку, но и искусство, а потому предполагает обязательное использование интуиции и воображения, способности к восприятию парадоксов и нахождению аналогий и т.д.

Под теорией и историей международных отношений необходимо понимать совокупность имеющегося знания, достигнутого и развиваемого в рамках соперничающих парадигм. Данное понимание предполагает не только критическое, но и внимательное, конструктивное отношение к достигнутым в каждой из них результатам, которые не следует рассматривать как несопоставимые и отрицающие друг друга.

Определяющей чертой международных отношений остаются отношения авторитета, конфликта и согласования интересов, ценностей и целей или, иначе говоря, политические отношения, что обуславливает применимость к нашей дисциплине термина «международно-политическая наука».

Международная или *мировая политика* является ядром международных отношений. Мировой политикой называют процессы выработки, принятия и реализации решений, затрагивающие жизнь мирового сообщества.

Что из себя представляет мировая политика:

- Как научное направление она возникла во второй половине XX в., в рамках неолиберальной теоретической традиции.
- Истоки мировой политики просматриваются в исследованиях международных организаций, международных политико-экономических процессов, теоретических исследованиях международных отношений.
- Участниками международного взаимодействия являются не только государства и межправительственные организации, но и негосударственные акторы (неправительственные организации, транснациональные корпорации (ТНК), внутригосударственные регионы и т.п.)
- Мировая политика рассматривает международные проблемы во взаимосвязи друг с другом и в едином общемировом контексте.

Международные отношения — это составная часть науки, включающей дипломатическую историю, международное право, мировую экономику, военную стратегию и множество других дисциплин, которые изучают различные аспекты единого для них объекта. Теория и история международных отношений является и очень старой, и очень молодой дисциплиной. Еще в древности политическая философия и история ставили вопросы о причинах конфликтов и

войн, о средствах и способах достижения порядка и мира между народами, о правилах их взаимодействия и т.п., — и поэтому она является старой. Но в то же время она является и молодой — как систематическое изучение наблюдаемых феноменов, призванное выявить основные детерминанты, объяснить поведение, раскрыть типичное, повторяющееся во взаимодействии международных акторов. Только после окончания Второй мировой войны «теория международных отношений» начинает превращаться в самостоятельную дисциплину и освобождаться от давления со стороны чистой истории и юриспруденции.

Следовательно, осмысление теоретических источников и концептуальных оснований международных отношений предполагает обращение к взглядам предшественников современной международно-политической науки, рассмотрение наиболее влиятельных сегодня теоретических школ и направлений, а также анализ современного состояния международных отношений.

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

§ 1. Зарождение политической мысли в период античности, Средневековья и Возрождения

Когда мы начинаем изучать дисциплину «Теория и история международных отношений» сразу же возникает вопрос где и в каких исторических условиях возникали идеи и представления о сфере международных отношений, как давно они превратились в систему знаний?

Историки и философы, государственные деятели и военачальники извечно задумывались о природе политики и секретах мудрости во взаимоотношениях политических сообществ. Уже многие века в мировой истории доминирует Запад, и, к сожалению, идейные и политические течения великих древних цивилизаций Востока¹ остаются в Европе и Америке чаще всего пропущенными в изучении истории мировой политической мысли. В европейской же цивилизации основные идейные истоки, понятия и традиции восходят к классическому периоду античной Греции, расцвету полиса как формы организации древнегреческих городов-государств, средняя численность свободных жителей которых не превышала несколько десятков тысяч человек.

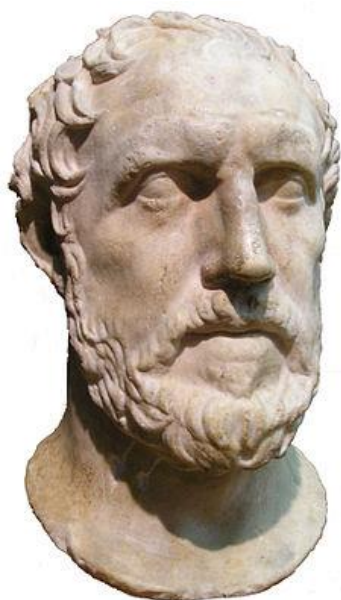
Древнегреческие мыслители в основном размышляли о внутреннем устройстве полисов, достижении и сбережении свободы граждан как высшей общественной ценности и гораздо меньше времени посвящали рассуждениям о взаимоотношениях полисов. Афинский оратор Исократ, противник демократии, призывал к политическому объединению Греции под главенством Македонии, но, как писал известный французский историк Жан Тушар, в определенной мере из-за постоянной боязни и заботы о сохранении автономии каждого полиса в Древней Греции отсутствовали значительные идеи об отношениях между полисами и даже о крупном государстве, не ограниченном рамками полиса.

По мнению Ж. Тушара, никакое идейное течение, никакая достойная политическая доктрина не приветствовали возникновение афинского морского союза или пелопоннесской лиги под эгидой

¹ См, напр.: Артхашастра, или Наука политики. М. Л., 1959.

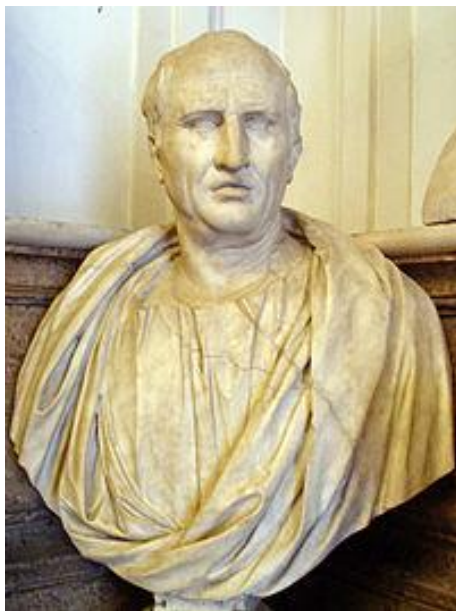
Спарты, «военные союзы на практике никогда не приобретали политической формы»².

В Древней Греции зародились две идейные традиции, два течения политической мысли, которые будут олицетворять на протяжении всей мировой истории противостояние двух начал политического и

государственного поведения во взаимоотношениях с другими сообществами: войны и мира, силы и права, национального эгоизма и универсальной организации.

Первая традиция отражается в «Истории» знаменитого древнегреческого историка Фукидида. Многие специалисты-международники считают, что Фукидид в V веке до н.э. первым из античных авторов предвосхитил основные положения современной школы «политического реализма», описывая события Пелопоннесской войны между Спартой и Афинами (431 – 404 до н. э.). Интересуясь вопросом о причинах, конфронтации двух самодостаточных и успешных полисов начать долгий конфликт, он сделал вывод, что война была порождена «избытком

могущества» Афин. Применение силы По мнению Фукидида, использование силы – это основа политического поведения сильнейшего, а конфликты - естественное состояние отношений между полисами, вытекающее из человеческой природы, иррациональной, побуждающей к наращиванию власти и могущества.

Вторая, противоположная традиция, проявилась позже и она основана философами школы стоиков, основателем которой считается Зенон из Китиона (ок. 335-264 до н.э.). Стоики не оставили потомкам оформленной политической доктрины, но выдвинули в эпоху эллинизма идею «космополиса», т.е. всемирного по масштабам древ-

² См: Touchard J. Histoire des idées politiques. T.I. Des origines au XVII Isiecle. P., 1988, P. 44-45.

негреческих представлений государства. Они развивали идеи Платона, размышляли о едином мире и едином полисе (государстве), устроенном и живущем по законам универсального Разума, а все граждане без различия их расовой и национальной принадлежности, религиозных верований станут равными по мере их мудрости, постижения ими Разума. Идея «космополиса» означала выход мысли Древней Греции из облака представлений, очерченных замкнутыми рамками автономных полисов, к осознанию морального единства человеческого рода, тем более что в античную эпоху связи между политическими сообществами оставались случайными, периодическими и ограниченными.

Идея «космополиса» оказала влияние на римского мыслителя Цицерона (106-43 до н.э.), который в своем сочинении «Об обязанностях» писал о существовании всемирного полиса, объединяющего все другие сообщества: «Те, кто утверждает, что надо считаться с согражданами, но не с чужеземцами, разрывают всеобщий союз человеческого рода, а с его уничтожением уничтожаются в корне благотворительность, щедрость, доброта, справедливость; людей, уничтожающих все это, надо признать нечестивыми также и по отношению к бессмертным богам»³.

Согласно Цицерону, во всемирном сообществе должно царить свое естественное право – «право народов» (*jus gentium*). В Римском праве его также называли peregrинским правом (от *peregrini* - чужеземец, но свободный человек). Под «правом народов» понимались созданные судебной практикой в спорах между чужеземцами нормы имущественного права, правовые институты, общепринятые для того времени, а также совокупность правил взаимоотношений Рима с остальными государствами, которые основаны на естественном праве божественного происхождения. В философском смысле естественное право понималось как всемирное, надгосударственное, идеальное право всех людей, что составляло идеи космополиса.

Таким образом, Древний Рим заложил основы фундаментальных норм и понятий современного международного права, которые развивались теоретически, но в реальности Рим фактически пропагандировал и осуществлял в отношениях с варварами «право войны». К тому же, «право войны» (*jus ad bellum*) являлось неотъемлемым элементом римского права. Цицерон писал, что его надо соблюдать строже все-

³ Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974. С. 130-131

го: «Так как существует два способа разрешать споры, один - путем обсуждения, другой - силой, причем первый свойствен человеку, второй – диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно»⁴.

Однако нормы «права народов» Цицерона и других римских мыслителей фактически замещалось всеобщим презрением римлян ко всему, что не являлось римским. Римские военные походы и победы подпитывали дух превосходства как у патрициев, так и у плебеев. Древнегреческие и древнеримские стоики, Цицерон осознали единство человеческого рода, но в античной цивилизации вплоть до ее увядания остальной мир воспринимался варварским, чужеродным и соответственно стоящим на самой низшей ступени развития и естественно предназначенным для господства над ним Вечного Рима.

Христианство привнесло в античную эпоху представление о единстве вселенной и человеческого рода, равенстве всех рас, народов и национальностей и призывало к добру и справедливости во Христе, «где нет ни Елины, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание святого апостола Павла к Колоссянам)⁵.

В книгах Нового Завета содержались и упоминания о богоизбранности народа Израиля, но дух христианского учения утверждал идею универсальной общности и братства людей, следующих божьим путем. Христианское учение в религиозной форме развивало космополитические идеи философов-стоиков.

Распространение христианской веры во всеобщее единство людей на Земле, созданных по образу и подобию божьему, совершило моральную революцию. Античные представления о мировом порядке, замкнутом в рамках города-государства, разрушались, границы мира раздвигались. Но первоначальное христианство в соответствии с заповедью «богу-богово, а кесарю-кесарево» отделяло христианство от политического миропорядка. Становление же христианской религии как главенствующей, а затем официальной церкви и идеологической основы Римской империи после Миланского эдикта императора Константина (313 г.) привело к более чем тысячелетней эпохе притязаний и борьбы «наместников христовых» на Земле за

⁴ Цицерон. Указ. Соч. С.66-67

⁵ Новый завет. Послание к Колоссянам святого апостола Павла, глава 3,11.

высшую власть в христианском мире. *Святой Амбруаз*, архиепископ Миланский, в 390 г. публично осудил императора Феодосия за совершенные по его указу убийства в Фессалониках. Тем самым впервые в истории римской церкви ее глава открыто признал призрачность евангелической границы, отделявшей духовную сферу от светской власти.

Аврелий Августин, епископ Гипонский, (354-430) в трактате «О граде божьем» (413-426) изложил на основе библейских положений христианскую концепцию истории человечества, разделенного на «два града»: *град земной* (живущих во плоти), где все социальные, государственные и правовые учреждения представлялись средством греховности человека, и *град небесный, божий*, град духовной общности, основанный на любви к богу. Поскольку лишь божий град истинный и вечный, то духовная власть представлялась превыше светской.

Аврелий Августин не изложил политической доктрины римско-католической церкви, но он заложил ее теократические основания: всякая истинная власть идет от Бога и, таким образом, представители светской власти должны получать ее от «наместников божьих» - римских понтификов. В «Граде божьем» содержатся также рассуждения о новом мироустройстве, где вместо мировой римской державы возникли бы малые по масштабам «правления народов», живущих в мирном соседстве. Во взглядах Аврелия Августина просматривается прообраз международного порядка европейского средневековья.

Долгие столетия христианские теологи и отцы римско-католической церкви предлагали доказательства ее превосходства и суверенитета в отношении светской власти в Европе, однако они не отказывались от фабрикация фальшивых документов в частности подготовленного в 755-756 гг. папой Стефаном III или кем-то из его приближенных документа под названием «Константинов дар», представлявшего собой грамоту, якобы данную императором Константи-

ном Сильвестру I о предоставлении высшей власти над Римом, Италией и всей западной частью Римской империи⁶.

Образование папского государства со столицей в Риме и возросшие политические претензии и политическое влияние пап укрепились коронацией папой Стефаном III франкского короля Пипина Короткого (714-768 гг.), незаконно захватившего власть и вознаградившего папу завоеванными франками землями в обмен на освящение его трона «божественной основой». Через сто лет после этого события архиепископ Реймский Гинкмар (806-882 гг.) уже оформил ясную политическую доктрину: *короли возглавляют светскую власть, но над ними возвышается Король королей, т.е. папа*. Гинкмар ввел в 869 г. в церемонию коронаций клятву короля, нарушение которой каралось отлучением от церкви. Символом победы папского престола в соперничестве со светскими властями стало преклонение императора Священной Римской империи Генриха IV перед папой Григорием VII, совершенное в замке Канноса графини Матильды Тосканской, куда в январе 1077 г. отлученный от церкви, и низложенный император явился вымаливать прощение у наместника божьего.

Победа папского суверенитета получила выражение в 1075 г. в 27 статьях «Диктата папы», документа, авторство которого приписывают папе Григорию VII, но, вероятнее всего, подготовленного его приближенными и провозглашавшего единоличное право папы назначать и смещать епископов, налагать на императора и его подданных церковные наказания, освобождать их от присяги «неправедному» императору и т.д. и т.п. Папа объявлялся неподсудным, а князья были обязаны только ему, а не императору целовать ноги в знак полного повиновения.

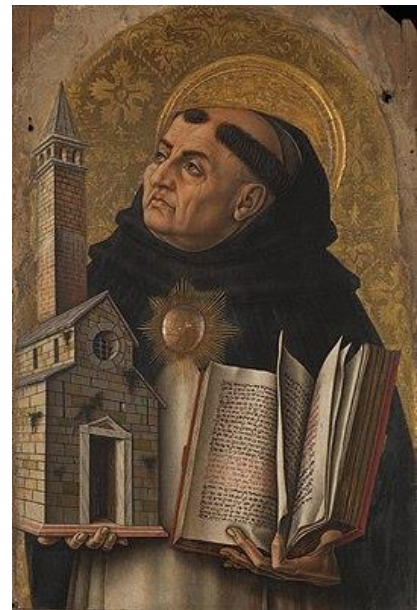
В XII в. папская власть достигла вершины своего могущества в христианском мире. Французский теолог *Бернар Клервосский* (1090-1153), вдохновитель второго крестового похода, в теории «двух мечей» ясно выразил политическую идеологию католицизма, развивавшуюся на основе воззрений Аврелия Августина. Согласно его теории, апостол Петр владел двумя мечами, символизировавшими власть духовную и власть светскую. Меч светской власти, писал Бернар

⁶ Ее подлинность была подвергнута сомнению в XV в. Николаем Кузанским, а подложность доказана другим видным итальянским гуманистом XV в. Лоренцо Балла. Подробнее см.: Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.С. 56-57.

Клервосский, отдан государю папой - преемником Петра, но продолжает принадлежать церкви.

Однако в реальности папству так и не удалось добиться абсолютного верховенства над светской властью. В 1080 г. император Генрих IV объявил о низложении Григория VII, в 1083 г. он занял Рим, а в начале XIV в. французский король Филипп IV Красивый установил господство над папством. Его столица с 1308 г. по 1378 г. была перенесена во французский город Авиньон. Становление европейских национальных государств подрывало моральные и духовные основы единства христианского мира.

Фома Аквинский (1225-1274), являлся крупнейшим богословом средневековья, который предвосхитил наступление эпохи Возрождения, обогащая схоластику обращением к античному наследию, прежде всего к учению Аристотеля о политике. Исследователи наследия Ф. Аквинского полагают, что он осознал утрату перспективы «всемирной и однородной политической системы», основанной на идее «божественного сообщества», так как она не соответствовала реально происходившим изменениям в отношениях между странами христианского мира. Ф.

Аквинский синтезировал в своих политических представлениях теологию и античную мысль, в частности, римское естественное право. Подтверждая божественный характер государственной власти, он считал, что народ, политическая общность людей является ее основным первичным источником, и за это мыслителю приписывают авторство теории народного суверенитета.

Его взгляды явились отражением признания прав государств и политических сообществ на автономное существование на основе естественного права божественного происхождения.

Многолетние разногласия между папством и светскими монархами средневековой Европы больше всего отразились на Италии. «... папы то из ревности к религии, то из личного честолюбия беспрерывно вызывали в Италию чужеземцев и затевали новые войны»⁷. Рим-

⁷ Макьявелли Н. История Флоренции. М., 1987. Изд. 2-е. С. 34

ско-католическая церковь все еще безраздельно преобладала в духовной жизни европейского общества, но в ней уже воскресали идеи гуманизма античной философии и науки. Через два столетия именно Италия подарила всему миру эпоху Ренессанса.

Творчества великого поэта *Данте Алигьери* (1265 - 1321) и выдающегося политическо-го писателя Никколо Макиавелли (1469-1527) символизируют переход социально-политической мысли от средневековой схоластики к рационализму Нового времени. Два великих флорентийца черпали вдохновение своих размышлений из одного источника - истории Древнего Рима. Каждый из них продолжал один из двух противоположных подходов к объяснению природы политических отношений и всемирного порядка.

Данте Алигьери отказался от средневекового постулата о греховной природе светского государства, как и всех человеческих учреждений. Он рассматривал его как результат добровольного стремления людей к политической ассоциации, но, из-за их эгоистического стремления к богатству, не видел возможности достижения счастья, справедливости без какой-то надгосударственной силы.

Данте считал такой силой вселенскую монархию. «Необходимо, чтобы вся земля, и чтобы все, чем дано владеть человеческому роду, было Монархией, то есть единым государством, имело одного государя, который... удерживал бы остальные государства в пределах их владений, чтобы между ними царил мир..., учитывал различные условия в мире, обладал бы для распределения различных и необходимых повинностей всеобщим и непререкаемым правом повелевать членами этого союза. Такой высокий долг называется не иначе, как Империей... Тот же, кто поставлен выполнять эту обязанность, именуется императором»⁸.

Империя, в понимании Данте необходима для достижения свободы всех людей. В своих работах «Пир» и «Монархия» он предлагал устройство государственных институтов и установление мира между

⁸ Цит по: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 41.

народами-государствами и королевствами на основе этики - науки о совершенном поведении, законности, морали, идеальной организации. Высшей точкой политической философии Данте является его учение о мире и гармонии как основе счастья человека. Данте идеализировал роль римского права. В его идее всемирной монархии одни исследователи видят проект федерации, другие - конфедерации, а третьи - стремление автора к национальному единству Италии.

В своих политических размышлениях Данте предложил утопический проект всемирного государства, но утверждал преимущества светской власти над духовной. Как отмечают исследователи Данте, весь мир в его представлении становится более человечным, однако в его размышлениях о нравственных основаниях всемирной монархии, явственно просматривались средневековые представления.

Около двух столетий спустя другой великий флорентинец *Никколо Макиавелли* отказался от теологии, но вообще отказался от утопий и умозрительных спекуляций в пользу анализа и обобщения фактической истории. Таким образом он совершил настоящий прорыв в изучении политики и политических отношений. Христианству, как и вообще религии, в политической философии Н. Макиавелли определено место полезного орудия в управлении людьми. Он отказался

от теологических представлений о политике и праве и теоретически обосновал подход к политике как эмпирической, проверяемой опытом, науке. Мыслитель сделал грандиозный для своего времени вывод, что в основе политики и политических отношений лежат в первую очередь сила и интересы, но никак не христианская мораль. Основоположники марксизма отметили, что, начиная с Макиавелли, «сила изображалась как основа права, тем самым теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали, и, по сути дела, был выдвинут лишь постулат самостоятельной трактовки политики»⁹. Рас-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б.Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков.* Т.1. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б.Бауэра и Штирнера // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 314.

пространено мнение о том, что Н. Макиавелли является патриархом и создателем современной политологии. Он ввел в науку о политике фундаментальное понятие - *государство*, являющимся одним из ключевых терминов в политической науке. Его политические воззрения были крайне откровенны и разносторонни, а исторический контекст, сильно определял их смысл. Наследие Н. Макиавелли оказалось предметом различных интерпретаций, и даже таких, как определение макиавеллизма как учения о захвате власти, в основе которого лежит постулат «цель определяет средства». При рассмотрении политических взглядов Н. Макиавелли следует анализировать историческую эпоху, в которую были написаны его основные труды: «Государь» (1513 г.), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513 – 1516 г.) и «Истории Флоренции» (1520 – 1525 гг.).

Ученый родился в 1469 г. во Флоренции в семье юриста, Н. Макиавелли с 1498 г. по 1512 г. состоял на государственной службе, был секретарем в правительстве республики Флоренция - Совете Десяти. В 1512 г. республика пала, Флоренция перешла в руки тиранов Медичи и полностью попала в зависимость от папского престола. Он прошел через средневековые пытки и тюремное заключение, был сослан в деревню. Назакате жизненного пути Н. Макиавелли много размышлял о причинах падения флорентийской республики и потере ее независимости. Основываясь на своем политическом опыте, ученый преодолел стадию конкретно-исторического анализа и создал истинно классические произведения, посвященные политической философии. Говоря о логике межгосударственных отношений, он подчеркивал, что государства неоднородны и различаются по своей форме. Государства находятся в естественном, природном состоянии, в котором нет ни законов, ни силы, которые стояли бы над государством. Соответственно Н. Макиавелли первым в Новое время проанализировал основные принципы, которые лежат в основе реалистической теории: принцип отсутствия международной власти или иерархии, развитый в XVIII в. английским мыслителем Т. Гоббсом в теорию «естественного состояния» международного сообщества, и принцип верховенства государства, предвосхитивший теорию государственного суверенитета Жана Бодена (1530 - 1596).

Н. Макиавелли полагал, что сила и состояние войны являются важнейшими в отношениях между государствами, но никак не мир:

«Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность - беспорядок, а беспорядок - гибель, и - соответственно - новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее истекает слава и благоденствие. Мудрецы заметили также, что ученость никогда не занимает первого места, оно отведено военному делу, и в государстве появляются сперва военачальники, а затем уж философы»¹⁰. Это рассуждение служило историкам политической мысли основанием для утверждения, что, «по представлениям Макиавелли, мир не является наилучшим состоянием человеческого общества», что, «он не рассматривал мир в качестве цели международных отношений и не призывал государства к тому, чтобы они боролись за упрочение мира и безопасности в его время или когда-нибудь в будущем»¹¹.

Данная интерпретация взглядов Макиавелли на проблемы мира и войны предполагает уточнение. В «Истории Флоренции» он говорит об относительно мирном состоянии Италии и отмечает, что «среди этого всеобщего мира Флоренцию раздирали распри ее же собственных граждан.»¹²

Таким образом Н. Макиавелли объективно не является сторонником войны, однако, являясь реалистом, мыслитель был уверен в неизбежности войн и не мог найти возможности их искоренения. Не обоснованно считать Н. Макиавелли апологетом войны также потому, что в его воззрениях на внешнюю политику явно просматриваются главные принципы «равновесия сил», которые будут развиты Дэвидом Юмом до концептуальной степени в XVIII в, а в XIX-XX вв. войдут в политическую практику и превратятся в развитую теорию¹³. Рассматривая в работе «Государь» причины успехов древнеримского империализма, Н. Макиавелли отмечал: «Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу;

¹⁰ Макиавелли Н. Указ. соч. С. 181

¹¹ См., например: Ермошин В.В. Проблема войны и мира в политико-правовых учениях Нового времени. М., 1989. С. 19.

¹² Макиавелли Н. Указ. соч. С. 293

¹³ понимания «равновесия» и «стабильности» в разные эпохи, начиная с античной Греции до середины XX в., см. работу Ф.Дессауэра - Dessauer F. Stability.N.Y.,1949.

обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев»¹⁴.

Те, кто не соблюдал эти принципы, был обречен на провал, что Макиавелли наглядно проиллюстрировал описанием итальянской политики Людовика XII: «Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам: многочисленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог папе Александру захватить Романью. И не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной»¹⁵.

Он заключал: «Итак, Людовик совершил общим счетом пять ошибок: изгнал мелких правителей, помог усилению сильного государства внутри Италии, призвал в нее чужеземца», равного себе могуществом, не переселился в Италию, не учредил там колоний»¹⁶. Основное правило Н. Макиавелли, совершенно соответствующее теории «баланса сил», гласило: «Отсюда можно извлечь вывод, многократно подтверждавшийся: горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается»¹⁷.

Мыслитель глубоко выражал гуманистический дух эпохи Возрождения. Вероятно, Н. Макиавелли, является, один из самых неординарных политических деятелей всемирной истории. В эпоху Нового времени ученый предложил идеи, на которых основана «классическая» школа, или школа «политического реализма» в теории международных отношений.

¹⁴ Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. М., 1982. С.307

¹⁵ Там же. С.309

¹⁶ Там же. С.310

¹⁷ Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. М., 1982. С.311

§ 2. Политико-правовая мысль XV – XVIII вв.

Н. Макиавелли возобновил интерес к рассмотрению вопросов войны и мира в духе Фукидида, предложил принципы реалистического гуманизма - духовного освобождения политической мысли от теологических догм. Его принципы противостояли универсальному гуманизму, традиции которого от стоиков и Цицерона через христианскую мораль передались плеяде блестящих мыслителей XV – XVIII вв.

Самый знаменитый из них – *Эразм Роттердамский*. Рядом с ним необходимо назвать имена таких политических писателей, теологов и юристов, как голландец Г. Гроций, испанцы Ф. Де Витория и Ф. Суарес, французы Э. Крюсе и Ш.-И. де Сен-Пьер, англичанин Джон Локк. Эти замечательные мыслители высказали в эпоху Нового времени многие идеи о мироустройстве, установлении достойного международного порядка, которые только через столетия станут основополагающими для современного международного сообщества.

Именно эти ученые первыми в истории политико-правовой мысли предсказали и развили идеи, лежащие в основе устава ООН 1945 г., именно они были высказаны европейскими гуманистами в XV – XVII вв.

Основная черта сходства их взглядов в сравнении с политической философией «реализма» заключается в противоположном ему подходе к вопросам соотношения морали и политики, к природе, целям и возможностям политических действий, особенно в межгосударственных отношениях. *Во-первых*, некоторые гуманисты, вопреки Макиавелли, отстаивали идею неразрывности политики и морали, *во-вторых*, вместо его метода наблюдения, анализа и обобщения того, что «есть» на самом деле, предпочитали теорию того, что «должно быть», исходя из идеалов. В раннее Новое время впервые проявилось условное разделение, но существующее, между реалистической, «классической» парадигмой в исследовании международных отноше-

ний и этико-правовой парадигмой. Этико-правовую парадигму можно считать и идеалистической парадигмой, так как она исходит из принципа долженствования, идеи совершенствования реальности. Эразм Роттердамский (1469-1536 гг.) - виднейший представитель этой традиции в западноевропейском Возрождении. Весьма оправдано то, что главнейшим в его самом знаменитом труде «Похвала глупости» является тезис о непонимании людьми того значения, которое идеалы, социальные нормы и ценности, имеют для гармоничного развития общества. Н. Макиавелли раскрывал и констатировал роль силы в политических отношениях. Эразм Роттердамский понимал силу и угрозу ее применения как «способы существования глупости». Таким образом, противоположным был и подход голландского гуманиста к международным отношениям. Он считал возможным ограничить в них роль насилия установлением международных законов, которые были бы приняты всеми государствами на основе соблюдения ими во внешней политике тех же социально-этических норм, на которых основывается внутренняя жизнь государства. Осуждая развязывание войн «недостаточно просвещенными государями» и считая справедливыми лишь оборонительные войны, Эразм просто и ясно говорил, что мир - это «источник, отец, кормилец, умножитель и защитник всего самого лучшего, что когда-либо существовало на земле»¹⁸. Знаменитой стала его фраза о том, что «нет такого худого мира, который был бы хуже самой удачной войны»¹⁹.

В трактате «Жалоба мира» он первым из мыслителей Нового времени, предложил договорным порядком закрепить существовавшие тогда границы: «Надо найти средства к тому, чтобы границы государств перестали подвергаться изменениям и сделались устойчивыми, потому что изменения государственных границ ведут к войне»²⁰. Это было сделано более чем за сто лет до подписания Вестфальского мирного договора, закрепившего границы европейских государств после кровопролитной тридцатилетней войны. Он предложил преодолеть «естественное состояние» международных отношений, состояние анархическое и перевести их в стабильное положение.

¹⁸ Эразм Роттердамский. Жалоба мира. Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 40

¹⁹ Там же. С.53.

²⁰ Там же. С.55.

Эразм Роттердамский понимал, что этого нельзя достичь, не ограничив права верховной власти, государства. Это предложение, как и вообще предложение о придании стабильности международного порядка в эпоху ученого и позже, были неосуществимыми, что является основанием в оценке их как утопических или практически пацифистских. Но голландский мыслитель предвосхитил один из основополагающих принципов устава ООН, современного международного права о нерушимости границ.

Эразм Роттердамский не создал законченного политико-правового учения о государстве или межгосударственных отношениях, тем более что во всех своих рассуждениях он исходил из анализа положения индивидуума, а не социальных или политических общностей. Гуманизм его представлений о международных отношениях, осуждение войны проистекали из «философии Христа», раннего христианства, обогащаемого обращением к античному наследию и идеям итальянского Возрождения. Эразм не только не порвал с христианской моралью, как это сделал его современник Н. Макиавелли, но, напротив, он желал установления единых христианско-нравственных оснований для внутренней и внешней политики государства. Через три года после того, как из-под пера опального флорентийского политика и дипломата появился «Государь», великий мыслитель из Роттердама написал трактат «Воспитание христианского государя» (1516 г.).

К сожалению, слабо изучен оригинальный вклад в теорию международных отношений двух испанских авторов XVI в.: теолога-доминиканца *Франсиско де Витория из Саламанки* (1486-1546 гг.) и теолога-иезуита *Франсиско Суареса* (1548 – 1617 гг.). Франсиско де Витория в своей работе «Об индейцах и праве войны», написанной на латыни, рассуждал о проблемах, возникших в связи с великими гео-

R. P. FRANCISCVS SVAREZ Granatensis
E SOCIETATE IESV DOCTOR THEOLOGVS
et in Compendiensi Academia primarius Professor
Obijt anno 1617. 25. Septembris. aetate 69. 70.

графическими открытиями и началом испанской колонизации. Верность христианской религии, под знаменем которой завоевывали новые земли конкистадоры, не помешала ему поставить вопрос о законности присоединения новых территорий к испанской короне и о природе отношений, которые должны были существовать между метрополией и колониями.

Ф. де Витория утверждал принцип «права народов», который должен был определять взаимоотношения между государством и социальными общностями, причем интерпретировал его в пользу естественной общности людей во всемирном масштабе: «Сообщества, города и государства происходят и находят основы своего существования не в искусственных комбинациях, но в самой природе, которая побуждает людей к самосохранению и обеспечению их безопасности... Ибо в общественном начале заложена естественная неразделимость, то есть существование инстинктивного сообщества людей; разделение земель пришло с появлением государств и разделение людей по государствам подчинено первоначальному принципу естественной неразделимости»²¹. Государства установили границы, они изменяют их новыми завоеваниями, но границы, по представлению Ф. де Витория, искусственны относительно первичной естественной неразделимости планеты, принадлежащей всему человечеству.

Из этих весьма абстрактных посылок, испанский теолог извлек принцип «*jus communicationis*», т.е. естественного права каждого человека на свободное передвижение. Фактически, была сформулирована идея «гражданина мира», космополита, возрождавшая традицию «космополиса» и в чем-то предвосхищавшая современные концепции мондиализма. Ф. Суарес также задумывался о высшем единстве человеческого рода, но он реалистичнее подходил к проблеме разделения человечества на государства, обращая внимание на столь же естественные национальные различия людей. Поэтому, утверждая в своих общих политических воззрениях примат духовной власти по отношению к светской, он соответственно видел политическое и моральное единство человеческого рода исходящим из христианских наставлений милосердия и любви к ближнему, которые должны распространяться на всех, даже иностранцев, откуда бы они ни происходили.

²¹ Цит. по: Huntzinger J. Introduction aux relations internationales. P., 1987. P. 30

Наиболее значимой во взглядах Ф. Суареса была его идея взаимозависимости. В работе «О законах» он писал: «В самом деле никогда сообщества не могут обходиться собственными средствами так, чтобы они не нуждались во взаимной помощи, в ассоциации, в союзе ради улучшения их благополучия и их большей выгоды или по необходимости, или моральной потребности, в чем убеждает опыт. В соответствии с этими мотивами они нуждаются в каком-то праве, которое руководило бы ими и располагало бы их в порядке, соответствующем данному типу отношений и общества»²². Ф. Суарес предопределил линию развития «прав людей» в международных отношениях в международное право на основе обычаев, складывавшихся во взаимоотношениях государств. Обосновав идею взаимозависимости государств и необходимость установления международного права, Ф. Суарес стоял у истоков современного либерального или плюралистического направления в теории международных отношений.

В первой половине XVII в. голландский политический мыслитель, юрист и дипломат *Гуго Гроций*²³, (1583 – 1645 гг.) оказал столь заметное влияние на развитие международного права, что его называют творцом международного права. Он также считается одним из основателей школы естественного права. Основопологающие положения и международного и естественного права восходят к античной Греции и Риму.

Гуго Гроций был первым, кто в работе «О праве войны и мира» (1625 г.) систематизировал международное право. XVII век был веком европейского научного рационализма, выдающихся открытий Ньютона, Паскаля, Галилея, Кеплера. Точное естествознание сообщало более рационалистическое толкование естественному праву, самым

²² Там же. С.31.

²³ Гуго де Гроот. В 1598 г. - член голландского посольства к французскому королю Генриху IV. В 1604 г. занимался урегулированием спора между голландской Ост-Индской компанией и Португалией. В 1609 г. издал трактат «Свободное море». В 1621 г. бежал во Францию после приговора к пожизненному заключению, полученного в итоге политико-религиозных распрей в Голландии. В 1634-44 гг. - посол Швеции во Франции.

ярким выразителем которого и стал Гуго Гроций. Он следовал основным идеям Эразма Роттердамского об установлении мирного международного порядка, устранении силы из международных отношений и тщательной регламентации правомерности войны. Он полагал, что несправедливы любые войны, развязываемые ради «государственного интереса», назвал разбойником Александра Македонского и, хотя он был истовым христианином, считал несправедливыми войны с целью распространения христианства. Он высказал идеи международного сотрудничества и мирного урегулирования споров, основанных на принципах коллективной взаимопомощи народов.

Особого внимания среди европейских авторов XV-XVIII вв. - предшественников современной либеральной традиции в науке международных отношений заслуживает имя француза *Эмерика Крюсе* (1590-1648 гг.). Считая главной целью разумной внешнеполитической деятельности искоренение войн, он одним из первых в эпоху Нового времени предположил создание постоянной международной организации, действующей на основе договора между государствами, согласно которому все участники независимо от их могущества и географического положения должны быть равны. Э. Крюсе включал в организацию государства Европы, Азии и Африки. Для разрешения

международных споров по его замыслу предполагалось созвать Совет с правом соответствующих рекомендаций государствам-членам, втянутым в конфликт. Его проект явственно напоминает ООН с Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей.

Примечательно, что Э.Крюсе изложил эти идеи в иносказательной форме в книге «Новая Кинья», где как бы представил себя в роли арбитра-миротворца при дворе короля Пирра (319-272 гг. до н.э.). «Новая Британская

энциклопедия» называет его «первым адвокатом международного арбитража»²⁴

²⁴ The New Encyclopedia Britannica. Vol. 3. 15 Th. Ed., P. 761-762

Прогрессивность идеи Э. Крюсе о создании международной организации в особенности проявлялась в утверждении равенства ее членов. В 1648 г., в год смерти Э. Крюсе, завершился первый в истории международный конгресс - Вестфальский, положивший конец Тридцатилетней войне и оформивший принципы юридического равенства «цивилизованных государств». Вестфальский мир²⁵, который дал импульс движению международного сообщества к созданию универсальной международной организации, предложенной Э. Крюсе. В первой половине XVIII в. подобную идею разовьет другой французский исследователь проблем войны и мира - *аббат де Сен-Пьер* (полное имя - Шарль Ирине де Сен-Пьер), а в конце того же столетия вновь выдвинет английский философ и юрист Иеремия Бентам и русский ученый В. Ф. Малиновский. Эти авторы относятся к либеральной традиции политико-правовой мысли, испытавшей особенное влияние английской эмпирической философии, принципов утилитаризма и прагматизма. Здесь важно напомнить имя наиболее известного ее представителя, английского философа *Д. Локка* (1632-1704 гг.).

Д. Локка можно назвать отцом либерального индивидуализма в духовной культуре Нового времени. Им не было создано специальных работ о международных отношениях, но ряд положений его политической философии имеют фундаментальное значение в эволюции теоретических представлений о международных отношениях в Европе XVII в. Продолжая миротворческую традицию, Д. Локк, как и Т. Гоббс, считал, что основным законом развития природы, является стремление к самосохранению. Цель политики, как и философии, согласно Локку заключается в поиске счастья, которое неотделимо от свободы и воплощается в «мире, гармонии и безопасности».

Для того, чтобы достичь этого, народ должен стать «верховным сувереном», а его интересы в сфере международных отношений должны основываться на соблюдении равенства как общего мерила и

²⁵ Вестфальский мир 1648 г. - два мирных договора, подготовленных в Оснабрюке и Мюнстере (Вестфалия), завершили Тридцатилетнюю войну в Европе между коалицией испанских и австрийских Габсбургов, католических князей Германии, поддержанных папством и Речью Посполитой, и антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Голландией, Англией и Россией). Вестфальский мир разрушил надежды Габсбургов на создание «мировой империи» под сенью католичества и усилил политическую раздробленность Германии. Значение Вестфальского мира для международных отношений состояло в том, что он закрепил процесс национально-государственной организации Европы

соблюдении закона природы, который «требуется мира и безопасности для всего человечества»²⁶. Согласно Локку война – «сила без права». Более чем за два века до Нюрнбергского процесса, вынесшего международное наказание нацистским преступникам, английский философ поставил вопрос об ответственности правителей, виновных в развязывании войны и объявил войну не только преступлением против народа или отдельных лиц, но и против человечества.

В 1693 г. в Лондоне был опубликован проект организации Европы с очень длинным названием: «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств». Его автор *Уильям Пенн* (1644-1718 гг.) – один из руководителей квакерского движения и основатель английской колонии в Северной Америке, впоследствии один из штатов был назван в его честь Пенсильванией, привнес своему сочинению эпиграф, составленный ци-

татами из Библии и Цицерона: «Блаженны миротворцы» (Евангелие от Матфея, 5, 9); «Пусть оружие уступит место тоге» (Цицерон). У. Пенн предложил свой проект в период очередной европейской войны 1688 - 1697 гг.²⁷, когда, по его словам, «надо было быть не человеком, а статуей из меди или камня, чтобы оставаться бесчувственным, наблюдая кровавую трагедию»²⁸. В истории политической мысли труд У. Пенна примечателен тем, что в нем впервые обосновывалось устройство Европейского парламента, который будет создан два с половиной века спустя в рамках Римского договора 1957 г. об образовании Европейского экономического сообщества. Интересны замечания У. Пенна о психологических причинах войны, когда «в условиях мира

²⁶ Локк Д. Избранные философские произведения в 2-х т. М., 1960. Т. 2. С. 8

²⁷ Война 1688-1697 гг. - война Франции с Аугсбургской лигой - тайным оборонительным союзом, заключенным в 1686 г. между Голландией (и по ее инициативе), германским императором, Испанией, Швецией, Баварией, Пфальцем, Саксонией с целью противостоять территориальным притязаниям Людовика XIV.

²⁸ Пенн У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств. // Трактаты... С. 83.

- таково несчастье человечества - мы слишком часто испытываем пресыщение, подобное тому, как полный желудок не переносит сладости»²⁹. Квакер-пацифист, У. Пенн был реалистом в отношении истории войн, отмечая, что «агрессоры гораздо больше побуждаются честолюбием, захватническими притязаниями господствовать, чем сознанием права»³⁰. Право, приобретенное завоеванием, рассматривалось им «с нравственной точки зрения сомнительным»³¹. Политический реализм У. Пенна вынуждал его признать, что «завоевание, подтвержденное договором и заключением мира, является приемлемым правовым установлением», хотя и искусственным, но обеспечивающим «надежность более важных правовых понятий»³¹. Он обратил внимание на до сих пор столь непростою в международной теории и практике вещь: «С какого времени эти понятия должны иметь силу или как далеко назад мы можем идти, чтобы принять их или отвергнуть?»³².

Принимая во внимание, что У. Пенн являлся добропорядочным христианином, он верил, что из любви к миру и порядку правители должны собраться на всеобщем Конгрессе, в Палате государств или в Парламенте и предложить послать туда 70 представителей от европейских государств сообразно «ценности территории, в которую включаются все доходы в целом, в том числе и правителей». Получалось, что Германская империя должна была послать 12 представителей, Франция - 10, Испания - 10, Италия - 8, Англия - 6, Португалия - 3, Швеция - 4, Польша - 4, Дания - 3, Венеция - 3, семь голландских провинций - 4, тринадцать швейцарских кантонов - 2, герцогство Голштинское и Курляндское - 1. В проекте отмечалось следующее, «если же будут приняты также турки и москвиты, было бы достойно и справедливо, если бы они послали еще по десять человек», и «всего было бы девяносто»³³.

Автор плана подробно расписывал порядок заседаний Палаты государств, хитрый порядок хранения документов, на каких языках должны вестись заседания (латинском или французском), даже учи-

²⁹ Там же. С. 83

³⁰ Пенн У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств. // Трактаты... С. 85

³¹ Там же. С. 90

³² Там же. С. 90, 91

³³ Там же. С.91

тивал, что зал заседания должен быть круглым и иметь различные двери для входа и выхода с целью предупреждения обид. Доказательно отводились возможные возражения против данного плана и, напротив, говорилось о реальных выгодах, вытекающих из него, среди коих назывались «предотвращение обильного пролития человеческой, христианской крови» и восстановление доброго имени христиан в глазах нехристианских народов, избавление от военных расходов и развитие науки и образования. Любопытно, что последним называлось *«еще одно очевидное преимущество»*: Государи «должны были выбирать себе в жены тех, кого они любят, а не руководствоваться выгодой или низкими побуждениями, редко порождающими и сохраняющими ту доброжелательность, которая должна царить между мужем и женой»³⁴. У. Пенн утверждал: «Какая ненависть, какая кровная вражда, сколько войн и опустошений в течение столетий порождалось антипатией государей и их жен»³⁵. Ученый не пренебрегал вниманием к матримониальным делам как фактору международных отношений, но и обращал пристальное внимание фактору силы: «И если какая-либо держава, участвующая в этом верховном органе, откажется подчиниться его желаниям и требованиям или не станет дожидаться и в точности исполнять принятое им решение, если она вместо этого прибегнет к помощи оружия или станет откладывать выполнение решения за пределы установленного срока, то все другие державы, объединенные в единую силу, должны принудить ее к подчинению и соблюдению решений с возмещением ущерба, нанесенного пострадавшей стороне, и с оплатой издержек тех держав, которые принудили ее подчиняться»³⁶.

У. Пенн считал, что «образование этой Европейской Лиги, или конфедерации», приведет к утрате государствами их суверенитета³⁷, «и если это называется ослаблением их мощи, то только в том смысле, что большая рыба более не может пожирать малую и что любая держава равным образом защищена от несправедливости, и сама не способна совершать их»³⁸.

³⁴ Там же. С. 92

³⁵ Там же. С. 102-103.

³⁶ Там же.

³⁷ Это подтверждает реальность современного Европейского Союза

³⁸ Пенн У. Указ. Соч. С. 88-89

Проект У. Пенна, несмотря на критику автором сомнений по поводу реальности его осуществления, все же страдал теми же иллюзиями, которые Жан-Жак Руссо увидит позже в проекте «вечного мира» аббата де Сен-Пьера.

В 1713 г. французский аббат *Шарль-Ирине де Сен-Пьер* (1658-1743 гг.) предложил Утрехтскому конгрессу, завершившему войну за испанское наследство³⁹, проект «вечного мира». Ш.-И. де Сен-Пьер исходил из возможности прогресса в международной политике на основе усовершенствования правового урегулирования отношений между государствами. Утверждая приоритет правовых международных норм, он критиковал европейское публичное право того времени, отмечая отсутствие общности принципов, внутреннего единства, противоречивость правовых систем государств. В таких условиях, писал аббат де Сен-Пьер, государства вроде бы следуют правовым нормам, но, поскольку они противоречивы, «война становится еще более неотвратимой». Он предложил ряд принципов установления «вечного мира»:

- гарантию государствам их территориальных владений,
- уважение территориальной целостности государств,
- использование арбитража международных судебных трибуналов,

³⁹ Притязания Франции на Испанское королевство не прекращались после вступления в 1660 г. молодого Людовика XIV в брак с инфантой Марией-Терезией, дочерью короля Испании Филиппа IV, умершей в 1683 г. Борьба французских Бурбонов за испанское наследство разгорелась после того, как еще при жизни бездетного испанского короля Карла II Габсбурга Людовик XIV заключил с английским королем Вильгельмом III Оранским соглашение о разделе наследства между тремя претендентами на престол: внуком Людовика XIV герцогом Филиппом Анжуйским, сыном германского императора Леопольда Габсбурга эрцгерцогом Карлом и сыном курфюрста Баварского. После смерти Карла II в 1700 г. Людовик XIV, вопреки договорам с Англией и Голландией, передал его завещание престола одному Филиппу Анжуйскому, но против выступили император Леопольд, Вильгельм III и немецкие князья. Так началась война за испанское наследство (1701-1714 гг.).

- ограничение вмешательства государств в дела друг друга.

Он предложил отказаться и от принципа *jus ad bellum* - права на войну - исконного права государства на применение силы, ввести в международные законы положение об ответственности государств за подготовку и развязывание войн, и применение коллективных санкций, включая военную силу.

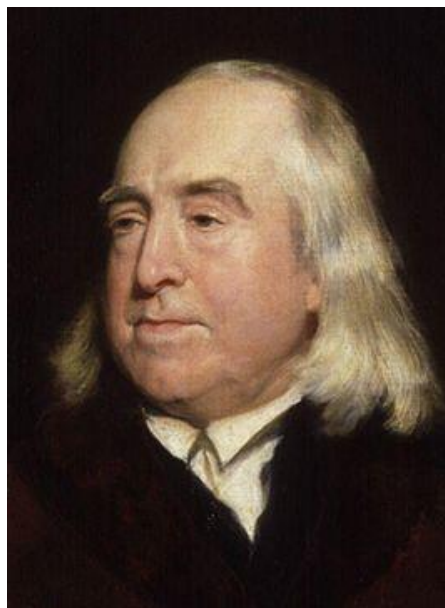
Развивая ранее высказанную Ф. Суаресом идею о прогрессирующей взаимозависимости государств, Ш.-И. де Сен-Пьер пришел к выводу о том, что возникновение в результате взаимозависимости общих интересов государств ведет к необходимости и целесообразности договорного создания международной организации в виде «федерации». Участие в ней всех крупных держав было бы обязательным, а право выхода - ограниченными полномочиями федерации. подчинением государств-членов общему решению об участии в международных действиях, что должны были гарантировать международный судебный трибунал и международная армия. Он оправдывал принудительные меры соблюдения государствами правил «федерации» тем, что они исходят не от одного правителя, а от сообщества. Учитывая цель этого проекта - создание универсальной организации с надгосударственной властью, сложно согласиться с мнением о том, что его идеи вписываются в «реалистскую парадигму».

Рассматривая вопрос соблюдения норм международного права государствами в настоящее время, фактически пророческими стали утверждения Ш.-И. де Сен-Пьера о том, что международное право может принести вред тому, кто его соблюдает, если другие нарушают его, ибо, как он писал, «быть разумным в толпе безумцев - тоже род безумия». В проекте «вечного мира», представленного Утрехтскому конгрессу, Ш.-И. де Сен-Пьер, например, предусматривал совместные действия 14 европейских государств против членов Европейского союза, которые нарушат его постановления и будут готовиться к войне или развяжут ее без объявления.

Идеи французского аббата-миротворца не могли реализоваться в международной практике XVIII в.; они намного превосходили даже то, что смогла сделать за несколько десятилетий Организация Объединенных Наций. Но сильной стороной рассуждений Ш.-И. де Сен-Пьера была забота о средствах обеспечения договоров в эпоху, когда средневековые гарантии - такие, как клятва, выдача заложников, залог

территории или ценности со становлением национальных государств, - исчерпывали себя.

В международном праве наряду с древним, получившим свое закрепление на Карфагенском соборе 462 г. принципом *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), существовала и оговорка *rebus sic stantibus* (буквально - неизменность обстоятельств), которая позволяла каждому суверену ссылаться на нее весьма произвольно. Аббат де Сен-Пьер искал эффективное средство гарантии договоров взамен тех, что утрачивали силу.

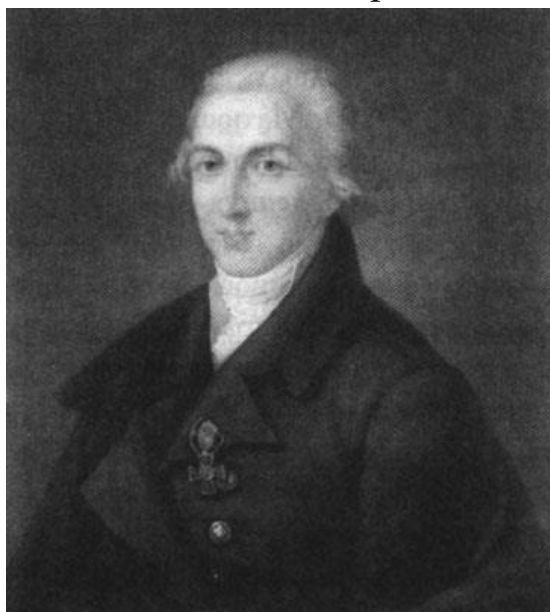

Три четверти века спустя английский философ и юрист *Иеремия Бентам* (1748-1832 гг.) предложил план воцарения международного мира, во многом сходный с проектом Ш.-И. Де Сен-Пьера. Размышляя об «общем благосостоянии цивилизованных наций» И. Бентам говорил о возможности рациональной политики, сочетающей собственную пользу и интересы других с помощью нравственности. Из всех известных европейских мыслителей Нового времени, кроме И. Канта, он, безусловно, был наибольшим моралистом в политической философии и, оспаривая взгляды Н. Макиавелли, замечал, что из «дурной нравственности» вытекает «дурная политика». Он призывал ограничить применение силы в международных делах и предлагал совершенствовать право с целью предупреждения международных разногласий. Рационализация внешней политики государств, избавление ее от страстей, личных амбиций и ошибок правителей и министров предполагали открытость межгосударственных отношений, более широкий обмен информацией и отказ от тайной дипломатии.

В проекте «европейского мира» И. Бентам предлагал в рамках международной организации учредить постоянный конгресс на основе равноправного представительства государств, общий суд и международные вооруженные силы, сократить вооруженные силы. Он призывал отказаться от колоний, установить всеобщую свободу торговли, преодолевать национальную и религиозную нетерпимость. Мораль и

принцип пользы сочетались во взглядах И. Бентама на международные отношения.

Последующая история доказала, что воплощение подобных принципов в реальной политике становилось более скрытой и совершенной формой международной экономической зависимости. Мораль и нравственность И. Бентама, в сущности, вдохновлялись его заботой о национальных интересах Великобритании.

Одновременно с планом международной организации И. Бентама подобный проект выдвинул русский просветитель *Василий Федорович Малиновский* (1765-1814 гг.), директор Царскосельского лицея (с 1811 г.). В возрасте 25 лет он опубликовал работу «Рассуждение о мире и войне».

Исследователь проблемы мира и войны в политико-правовых учениях Нового времени В. В. Ермошин оценивает этот труд как «один из наиболее глубоких проектов решения этой проблемы»⁴⁰. Обличение своекорыстия правителей и дипломатов, убежденность во взаимобусловленности благоденствия народов, демократические взгляды на права народов судить свое правительство в международных конфликтах, осуждение невежества и суеверия, способствующих вражде народов - все эти элементы рассуждений В. Ф. Малиновского близки или совпадают с политической философией И. Бентама.

Вместе с тем русский просветитель следовал традиции Г. Гроция, считая, что государства должны соблюдать общие нормы и придерживаться правового понимания международной политики. В вопросах поддержания мира он отвергал оговорку *rebus sic stantibus* (неизменность обстоятельств) и выдвинул принцип императивного обязательства соблюдения договоров. Как и его предшественники - искатели «вечного мира» - В. Ф. Малиновский поддерживал идею постоянной международной организации во главе с Советом и совмест-

⁴⁰ Ермошин В.В. Указ. соч. С. 170

ными вооруженными силами, чтобы сохранять общую безопасность и собственность».

Великий немецкий философ *Иммануил Кант* (1724-1804 гг.) написал небольшое сочинение «К вечному миру» (Кенигсберг, 1745), отдав дань миротворческим исканиям европейских мыслителей. Эта работа обозначала непримиримый разрыв с «классическим реализмом» Н. Макиавелли и Т. Гоббса и сформировавшееся начало идеалистической традиции в теориях международных отношений. Политические идеи И. Канта, высказанные им в последние годы жизни, отражали философию «критического» или «трансцендентального» идеализма («Критика чистого разума») и этику нравственного императива («Основоположения к метафизике нравов»).

Полагаем неверным механически распространять философский идеализм Канта на его видение международных отношений. Он был близок Т. Гоббсу в обосновании их природы: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т.е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза»⁴¹. Кант не строил иллюзий насчет правителей, которые «никогда не могут пресытиться войной»⁴², говорил о «порочности человеческой природы, которая в своем настоящем виде проявляется в свободных отношениях государств»⁴³, и считал, что политик-практик «с гордым самодовольством, свысока смотрит на теоретика как на школьного мудреца, совершенно не опасного своими пустыми идеями для государства, которое исходит из принципов, достигнутых в опыте»⁴⁴.

Приведем цитату из его сочинения, которая вне контекста совершенно созвучна политической философии Н. Макиавелли: «Госу-

⁴¹Кант И. К вечному миру //Трактаты... С. 156

⁴² Там же. С. С. 150

⁴³ Там же. С.160

⁴⁴ Там же. С.150

дарство, имеющее возможность не подчиняться никаким внешним законам, не будет ставить в зависимость от суда других государств тот способ, каким оно отстаивает по отношению к ним свои права; и даже целая часть света, если она чувствует свое превосходство над другой, ни в чем ей, впрочем, не препятствующей, не замедлит ограбить или даже поработить последнюю для усиления своего могущества... Конечно, если нет свободы и основанного на ней нравственного закона и все, что происходит или может происходить, есть исключительно механизм природы, то политика (как искусство управления людьми) воплощает в себе всю практическую мудрость, а понятие права есть бессодержательная мысль»⁴⁵.

Как раз в этом месте рассуждений философ, сформулировавший категорический императив в качестве универсального нравственного закона, отвергал макиавеллистский подход и доказывал, что понятие права, «безусловно, необходимо соединить с политикой и возвысить его до ограничительного условия последней»⁴⁶. Он делал свой выбор в пользу «морального политика» (курсив Канта - С. Н.), т.е. такого, который устанавливает «принципы государственной мудрости, совмещающиеся с моралью», и отвергал «политического моралиста, который приспособливает мораль к потребностям государственного деятеля».

Кант - поклонник Ж.-Ж. Руссо верил, в отличие от своего вдохновителя, и в возможность установления с помощью всеобщей воли общественного договора между государствами, но признавал, что «на практике нельзя рассчитывать на иное начало правового состояния, кроме *принуждения*»⁴⁷. В этом пункте обнаруживалась слабость его проекта вечного мира в части гарантии его реализации.

План содержал шесть прелиминарных статей (в сокращенном изложении):

1. Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении была сохранена открытая возможность новой войны.

⁴⁵ Там же. С. 175-176

⁴⁶ Кант И. К вечному миру //Трактаты... С 175-176

⁴⁷ Там же. С. 175

2. Ни одно самостоятельное государство (большое или малое, это безразлично) ни путем наследования или обмена, ни в результате купли или дара не должно быть приобретено другим государством.

3. Постоянные армии... со временем должны полностью исчезнуть.

4. Государственные долги не должны использоваться во внешнеполитической борьбе.

5. Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопросы правления и государственного устройства других государств.

6. Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время, как, например, подсылка убийц..., отравителей..., нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене... в государстве неприятеля и т. д.⁴⁸

Таким образом, налицо демократический характер идей Канта о вечном мире. В комментариях к прелиминарным статьям он высказался как сторонник национального суверенитета, саркастически заметив, что монархические браки рассматриваются в Европе «как новая отрасль промышленности, позволяющая без затраты сил благодаря родственным союзам увеличить свое могущество, либо как средство расширить свои владения»⁴⁹.

Состояние мира должно быть установлено на основании названных условий с помощью международной системы, предусмотренной тремя дефинитивными статьями вечного мира:

1. гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским, основанным, «на принципах свободы членов общества (как людей), на принципах зависимости всех (как подданных) от единого общего законодательства и, на законе равенства всех (как граждан)»;

2. международное право должно быть основано на федерализме свободных государств, союзе народов, «который, однако, не должен был бы быть государством народов»;

⁴⁸ Там же.С.151-154

⁴⁹ Там же.С.152

3. право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства, которое «означает право каждого иностранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался бы с ним как с врагом»⁵⁰. Кант доказывал объективную реальность идеи федерации, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру.

Идея всемирной федерации являлась оригинальным отличием идей Канта от большинства проектов вечного мира, в которых его гарантом выступала универсальная международная организация. Возможно назвать утопической его идею всемирного «федеративного объединения государств», которая выдвигалась как альтернатива слиянию государств в «единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию».

Кант убеждал, что гарантию вечного мира «дает великая в своем искусстве *природа* (*natura daedala rerum*), в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность того, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли»⁵¹, и что объективно мир развивается по пути морального совершенствования: «Моральное зло имеет то неотделимое от своей природы свойство, что по своим собственным целям оно внутренне противоречиво и саморазрушительно (особенно в отношении других, держащихся того же образа мыслей); и, таким образом, хотя и медленно, но уступает место моральному принципу добра».

Кант отмечал, что «*объективно* (в теории) не существует спора между политикой и моралью», оно существует «*субъективно*, в эгоистических склонностях людей»⁵². Он видел в согласии политики с моралью основу трансцендентального публичного права и будущего вечного мира, но не забывал и меркантильный фактор: «*Дух торговли*, который рано или поздно подчиняет себе каждый народ, - вот что не может существовать рядом с войной. Так как из всех сил (средств), подчиненных государственной власти, *сила денег является*, пожалуй, наиболее надежной...»⁵³.

⁵⁰ Кант И. К вечному миру //Трактаты... С. 156-165

⁵¹ Там же. С. 171

⁵² Там же. С. 165-166

⁵³ Там же. С. 183-184

Главное значение идей Канта о вечном мире заключалось не в конкретных предложениях его устройства, но в философском обосновании международного права и движения международного сообщества к «общечеловеческому государству», всемирной федерации, устроенной по «праву всемирного гражданства». Утверждая идею морального прогресса человечества, совершаемого «по велению практического разума», Кант утверждал противоположное политической философии Макиавелли соотношение цели и средств: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства (цель может быть какой угодно)». Кант разошелся с Ж.-Ж. Руссо в рассмотрении перспектив международного сообщества: автор «Общественного договора» защищал идеи национального суверенитета, службу в национальных армиях на началах всеобщей воинской обязанности. Кант же призывал распустить в будущем постоянные армии и установить общечеловеческое гражданство.

Его космополитические представления выходили за пределы христианского мировоззрения и философии естественного права, обращаясь к общечеловеческой морали и идее прогресса. Канта, конечно же, можно причислить к утопистам в теории международных отношений. Но его идеалистические построения возвещали приближение новых мировых эпох, либерализма XIX в. и пацифистских проектов Лиги Наций.

§ 3. «Классические» подходы к изучению международных отношений в XVI – XVIII вв.

В XVI-XVIII вв. в европейской политико-правовой мысли сложились основные элементы тех теоретических подходов в изучении международных отношений, которые в научной литературе принято называть «классическими». Они предшествуют школе «политического реализма», сформировавшейся после Второй мировой войны. Главным признаком «классического» подхода является видение в международных отношениях сферы столкновений и действий государств, определяющимися собственными национальными интересами и прибегающих к применению силы как главному фактору межгосударственного общения.

Теория государственного суверенитета *Жана Бодена* - краеугольный камень классического государственного права, фундамент

классических теорий международных отношений, так как здесь раскрыта сущность политического поведения государства как субъекта международных отношений. Профессор юриспруденции в Тулузского университета, адвокат в Париже, а затем королевский прокурор в Лионе, Жан Боден представил свою теорию в «Шести книгах о республике» (1576 г.). Он понимал под термином «республика» государство в целом.

На взгляды Ж. Бодена о государстве оказали главенствующее влияние исторические события, происходившие во Франции XVI в. Это и гражданские и религиозные войны между католиками и гугенотами, раздираемая на части экономика страны, постоянно подвергавшаяся грабежам простолюдинов и дворян. Местные вельможи вели себя как сюзерены, абсолютно игнорируя королевскую власть. Ватикан и иностранные государства пытались привлечь Францию на свою сторону. Выходом из данного кризиса могли стать лишь крайне жесткие реформы абсолютной монархии. Ж. Боден делает заключение о том, что необходима верховная общенациональная власть, которая может воплотиться в государственном суверенитете.

Жан Боден утверждал о том, что «суверенитет есть постоянная и абсолютная власть государства». Именно он впервые в истории политической мысли предложил доктрину суверенитета как сущности и одного из основных признака государственной власти. Он полагал, что без суверенитета нет государства. Ученый отметил важность двух обязательных признака суверенитета:

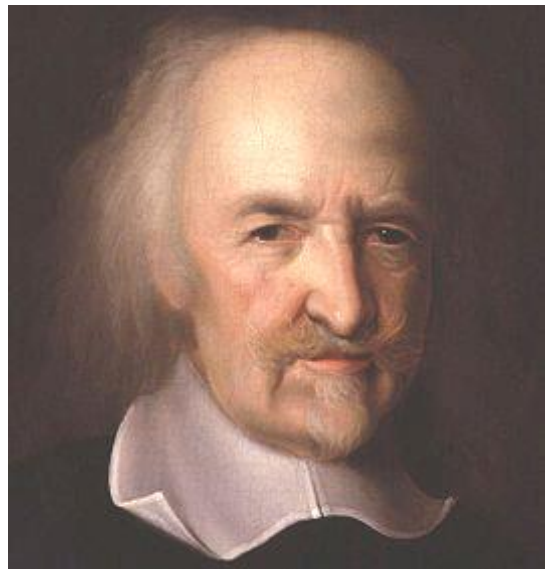
Первое – это не ограниченное временными рамками постоянство государственной власти.

Второе - это абсолютный характер суверенитета, который не может быть подвергнут какими-либо ограничениями.

Тезис Ж. Бодена о неограниченности суверенитета во времени был положен в основу современного толкования международным правом принципа непрерывности государства при смене правительств и политических режимов.

Положение об абсолютизме юридически выражалось в принципе верховенства государственной власти, над которой нет никакой другой власти внутри государства и вне его пределов. Ж. Боден уточнял, что «все государи на земле подчинены законам бога и природы и многим человеческим законам, общим всем народам»⁵⁴. Хотя такая оговорка свидетельствовала о том, что мыслитель рассматривал вопрос о соотношении абсолютизма и международного права, он рассматривал его в пользу суверенного государства с отсутствием разделения власти и преимущественно монархии. Некоторые французские юристы высказывают другое мнение. «В целом для Бодена суверенитет был основным принципом внутреннего права, предназначенного привести в порядок политическое сообщество. Он никоим образом не означал, что государство ставилось выше любого закона»⁵⁵, - пишет, например, французский юрист-международник Д. Карра.

Английский философ *Томас Гоббс* (1589-1679 гг.) продвинулся намного дальше в утверждении принципов государственного суверенитета. Он привнес ему значение абсолютной власти, стоящей в межгосударственных отношениях над любым законом. Эти взгляды он изложил в знаменитом трактате «Левиафан, или материя, формы власть государства церковного и гражданского».

«Левиафан» - признанный шедевр политической философии, в котором государство – «смертный бог», сравнивалось автором с мифическим библейским чудовищем. По Гоббсу социальные и политические отношения predeterminedены несовершенной природой челове-

⁵⁴ Цит. по: История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. С. 337.

⁵⁵ Carreau D. Droit international. P., 1986. P. 1-6

ка, в которой он отмечал такие черты, как эгоизм, алчность, желание господствовать: «Соперничество, взаимное недоверие, жажда славы или репутации оборачиваются непрекращающейся войной каждого против каждого, всех против всех. Война означает не только тот факт, что воюют, но и безусловную волю вести войну. И пока существует эта воля, будет война, а не мир, а человек человеку - волк: «*homo homini lupus*»⁵⁶.

Такие человеческие качества как инстинкт самосохранения, боязнь смерти и разум, предопределили деятельность человечества на поиск мира и безопасности. Общественный договор был заключен в связи с необходимостью и в соответствии с их интересами. Таким образом люди вышли из естественного состояния и появилось сообщество, государство Левиафан, или высшая власть, которой люди жертвовали свою свободу в обмен на мир и безопасность. Между народами не существует договора, нет Левиафана, и продолжается естественное состояние, анархия: «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех»⁵⁷.

Гоббс считал, что «корнем всякого несчастья и всех зол» является война, и он без оптимизма говорил о всех попытках государственных деятелей установить мир и перестроить отношения, которые всегда отражают фактическое соотношение сил в данный момент.

В работах по международным отношениям высказывается мнение о том, что «Томас Гоббс доводит до логического конца анализ Макиавелли о естественном состоянии и абсолютной анархии международных отношений»⁵⁸. Но взгляды Гоббса явно сложнее.

Ученый сформулировал «естественные законы» ради достижения социального мира: добиваться мира, отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, не делать другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе, необходимость договоров и соблюдения их. Эти законы имели, скорее, морально-философский характер, чем значение политических рекомендаций.

⁵⁶ Гоббс Т. Избр. произведения. В 2-х т. М., 1965. Т. 1. С. 152

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Гоббс Т. Избр. произведения. В 2-х т. М., 1965. Т. 1. С.152

Т. Гоббс высказал умозаключение об избавлении от войн и конфликтов - идею надгосударственной организации («общей власти»), что, можно связать с некоторыми идеями юристов-миротворцев его эпохи. Полагаем, научный реализм автора «Левиафана» в том и проявляется, что он нашел теоретически верное решение, но в отличие от авторов проектов «вечного мира» ясно понимал его утопичность и нереализуемость. Т. Гоббс считал монархию единственным регулятором хаоса «естественного состояния» в международном сообществе. В этом смысле он действительно развивал подход к теории политики и международных отношений, выработанный Н. Макиавелли.

Абсолютная монархия достигла в XVII в. своего пика в Западной Европе, и особенно во Франции при короле Людовике XIV. Реформация добилась отказа верховенства Ватикана над суверенитетом христианских народов, войны между католиками и протестантами постепенно сходили на нет, нации-государства становились основными составляющими новой международной системы в Европе. Образование данной системы проходило параллельно со столкновением монархий в распространении своего влияния и могущества. Война за испанское наследство сконцентрировала главные противоречия формировавшейся в конце XVII - начале XVIII в. европейской системы, что отразилось в Утрехтском мире 1713 г.⁵⁹ Эта система была основана на принципах «баланса сил», которые и ранее применялись во внешней политике государств. Но, именно в Утрехтском мире была сформулирована ясно выраженная цель сохранения мира в Европе посредством равновесия сил на континенте.

Влиятельнейшим вдохновителем этой политики был английский лорд *Болингброк* (1678 – 1751 гг.). Он является инициатором и разработчиком Утрехтского мирного договора; занимал должности военно-

⁵⁹Утрехтский мир - система мирных договоров между Францией, Испанией и другими европейскими государствами, которыми завершилась война за испанское наследство

го министра и государственного секретаря Англии. Во второй половине 1730-х гг. он написал «Письма об изучении и пользе истории», опубликованные в 1752 г. В них в эпистолярном жанре, содержится первое в политической философии подробное обоснование концепции «баланса сил» на примере европейской истории начала семнадцатого столетия и предшествующих веков. Лорд Болингброк с презрением относился к внешней политике английского двора в XVI в., обличал слабого Генриха VI, безответственного Генриха VII, которые во многом помогли укрепить и расширить монархию во Франции. Он пишет о том, что же надо было им делать: «Можно было извлечь выгоду из религиозных распрей, поддержка протестантской партии во Франции позволила бы обуздать королевскую власть и лишить ее возможности действовать, что в какой-то степени напоминало бы положение, в котором она находилась раньше вследствие отчуждения многих ее территорий и чрезвычайной силы ее вассалов»⁶⁰. Как считал Болингброк, «роковой принцип компромисса с Людовиком Четырнадцатым» со стороны соседних с Францией государств, в то время как претензии французского короля, его сила росли и угрожали всей Европе, а другие государства слабели, привел к тому, что Бурбоны должны были «однажды предъявить в противовес всей Европе выдуманные права» на Испанское королевство. Тем самым узость взглядов, ложные представления, порочность государственных деятелей «не только вовремя не предотвратили рост этой державы, но и вскормили ее, сделав почти епреодолимой для любой будущей конференции»⁶¹.

Для Болингброка призрак объединения Французского и Испанского королевств виделся «роковой угрозой перед человечеством» со стороны «современного Карфагена»⁶², которую, наконец, осознали все державы: «Правители и государства, которые не придавали значения или способствовали росту этого могущества, что по очереди делал каждый из них, осознали свою ошибку, осознали необходимость ее исправить и поняли, что если они не смогут ограничить мощь Франции путем объединения сил, превосходящих ее, будет невоз-

⁶⁰ Болингброк. План для всеобщей истории Европы. Письмо 1 // Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 241

⁶¹ Там же. С.102

⁶² Там же. С.95.

можно воспрепятствовать осуществлению ее грандиозного замысла, связанного с Испанским наследством»⁶³

Это высказывание из «Писем об изучении и пользе истории» концентрирует суть его рассуждений:

1. проекты «вечного мира» путем создания общей власти утопичны;
2. мир, достигнутый лишь посредством договоров утопичен;
3. мир может быть достигнут только на основе сдерживания самой сильной державы объединенным сопротивлением росту ее могущества со стороны других держав.

Лорд Болингброк рассматривал международные вопросы как реалист, продолжатель идей Н. Макиавелли. Но основываясь на собственных интересах государств Европы он рассмотрел превращение их в международную систему. Взгляды Болингброка были развиты швейцарским юристом-международником, дипломатическим советником саксонского короля *Эмером де Ваттелем* (1714-1767 гг.) в его работе «О праве народов»⁶⁴. Этим трудом пользовался Джордж Вашингтон, первый американский президент (1789—1797 гг.), взявший книгу в библиотеке Нью-Йорка 5 октября 1789 г. и не вернувший ее. Э. де

Ваттель во главу угла ставил интересы отдельного государства. По его мнению «всякий гражданин имеет право покинуть свою страну, если это ни в коей мере не затрагивает интересы отчизны». Каждое «государство-нация» вправе делать все, что служит его интересам. В Европе уже была создана международная политическая система и собственные национальные интересы, вступая в контакт, вызывают к поддержанию общего порядка, и европейским государствам необходимо политическое равновесие, которое могло бы нивелировать силу и могущество, претензию на гегемонию любой страны. Согласно Э.

⁶³ Болингброк. План для всеобщей истории Европы. Письмо 1 // Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 108-109.

⁶⁴ См.: Ваттель Э. де. Право народов. М., 1960

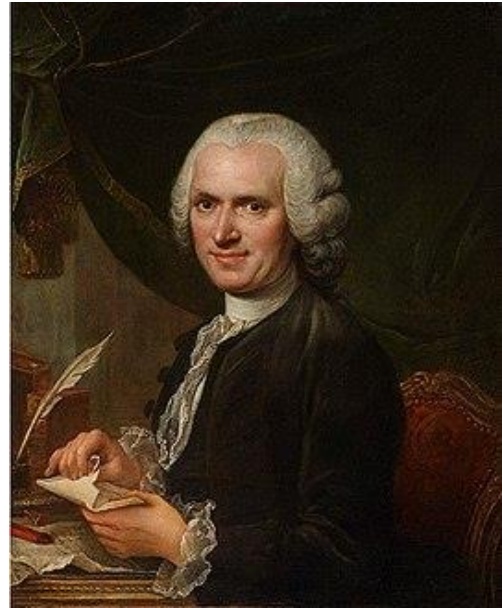
де Ваттеля только баланс сил и равновесие гарантировать независимость каждого государства. Только дисбаланс сил может оправдать превентивную войну.

Концепция «равновесия сил» являлась реальным компромиссом между соперничеством стремящихся к мировому господству и влиянию европейских держав и оправданной необходимостью регулирования противоречий между странами, ради реального самосохранения всех заинтересованных сторон.

Классическое выражение концепция «баланса сил» оформилось в работах шотландского философа Д. Юма (1711-1776 гг.). Особенно в небольшой работе, которая называлась: «On the balance of Power» («О равновесии сил»). Эта работа была посвящена отношениям Англии и Франции. Оппонируя Т. Гоббсу, Д. Юм считал, что нации не обречены жить в международном сообществе, которое бы угрожало слабой стране развалом и уничтожением. Просвещенный эгоизм предлагает им возможность регулирования непримиримых противоречий в соответствии с принципами равновесия, которые являются правилами здравого смысла. Поэтому, полагает Д. Юм, идея равновесия имеет долгую историю, о ней упоминал еще Фукидид, постоянно использовалась монархами; а те, кто от нее отступал, в результате теряли свою власть. Д. Юм определил самое важное правило межгосударственных отношений: «...политика сводится на самом высоком уровне обобщения к действию, имеющему целью воспрепятствовать любому государству аккумулировать силы, превосходящие коалиционные силы его соперников». Таким образом, правила политики «равновесия сил» предлагают государствам вместо максимальной выгоды гарантируемый минимальный риск.

Великий мыслитель Просвещения *Жан-Жак Руссо* (1712-1778 гг.), автор знаменитых книг «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» и «Об общественном договоре» не написал обобщающих работ по международным отношениям. Но его «Суждение о вечном мире» (1761 г.), которое было рецензией на проект аббата де Сен-Пьера, обладает целым каскадом оригинальных мыслей, которые актуальны и для сегодняшнего времени.

Самый известный гражданин Женевы недолго с 1743 по 1744 гг. прослужил в сфере дипломатии и состоял в должности секретаря французского посольства в Венеции, и это обстоятельство естественно оказало серьезное влияние на его замечаниях на проект аббата де Сен-Пьера. В 1760 г. были опубликованы отдельные фрагменты его проекта. Он оценил труд аббата о вечном мире как «основательную и разумную книгу», но «бесполезную для создания европейского альянса» и, в общем, как «проект достаточно абсурдный»⁶⁵. В чем же смысл такой оценки?

Ж.-Ж. Руссо отрицал, что, «если система аббата де Сен-Пьера не была осуществлена, значит, она была нехороша». Он полагал, что «она была слишком хороша, чтобы быть принятой, ибо зло и злоупотребления, выгодные стольким людям, входят в жизнь сами собой, то же, что полезно обществу, внедряется только силой, так как частные интересы тому почти всегда противостоят»⁶⁶. Новаторство взглядов ученого осуществляется в комплексе: демократизм сочетается с реалиями в рассмотрении международных событий.

Для Ж.-Ж. Руссо план аббата де Сен-Пьера хотя и «очень разумен, средства его воплощения в жизнь свидетельствуют о наивности автора», так как «все заботы королей или тех, кому они передоверяют свои функции, направлены на достижение двух целей: расширение их

⁶⁵ Руссо Ж. -Ж. Суждение о вечном мире // Трактаты о вечном мире. С. 139,149

⁶⁶ Там же. С. 148.

власти вовне государства и превращение ее в еще более абсолютную внутри страны»⁶⁷.

Мыслитель в противовес проекту аббата предлагал рассмотреть проект христианской республики короля Франции Генриха IV, автором которого был его министр герцог Сюлли.

Руссо отмечал реалистичность этого плана, который был подготовлен для нейтрализации влияния испанской короны на европейском континенте, полагая, что «помимо общего желания ослабить надменную державу» имел своей целью «учитывавшиеся французской дипломатией особые выгоды каждого участника европейского союза», «которые Генрих сумел всем изобразить в самом привлекательном виде»⁶⁸. Важно, что с опорой на могущество и силу, отстаивая собственные интересы, можно добиться мирного договора.

Современники Руссо восхищались демократическим настроением его теории «общественного договора», однако при рассмотрении международных отношений ученый с крайним скептицизмом относился к гармонии, взаимодействию интересов и наличию доброй воли, «которой самодержцы и их министры никогда не проявят». А «раз нет такого сочетания, его может заменить только сила, а тогда дело уже не в увещеваниях, а в принуждении, и не книги надо писать, а собирать войска»⁶⁹.

Ученый безусловно является первооткрывателем тезиса о том, что всеобщий мир напрямую зависит от формы государственного устройства, а также от социальной природы государств, то есть предопределил взгляды Карла Маркса. Руссо отмечал, что «войны и завоевания, с одной стороны, и процесс деспотизма - с другой, взаимно содействуют друг другу; что в рабски покорном народе можно вдоволь черпать деньги и людей, чтобы поработать другие народы»⁷⁰.

Ж.-Ж.Руссо, будучи сторонником демократических идей, однако, рассуждая о международном сообществе поддерживал идею «естественного состояния» Т. Гоббса. Он выступал против идей космополитизма и надгосударственности. В последние годы жизни, мыслитель обращал особое внимание на вопросы, связанные со сферой

⁶⁷ Там же. С. 140.

⁶⁸ Там же. С. 146

⁶⁹ Там же. С. 143

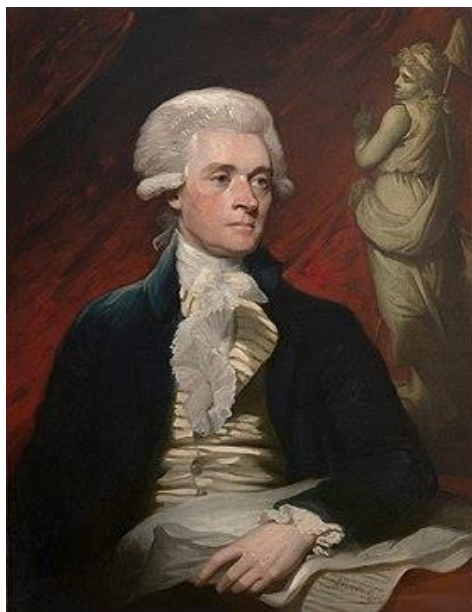
⁷⁰ Там же. С. 141

собственных национальных интересов и национальной обороны, солидаризируясь с Гоббсом в неверии в возможность общественного договора между нациями. Называя суждения аббата де Сен-Пьера о способах обеспечения международного мира детскими, Руссо сам предлагал иллюзорные проекты реформирования международного сообщества (например, предложение расчленения государств и создание большого количества маленьких стран для дарования им развития по пути демократии и поддержания всеобщего мира.

§ 4. Влияние революционного мировоззрения на международные отношения в конце XVIII – начале XIX в.

4 июля 1776 г. в Филадельфии состоялся Конгресс 13 английских колоний⁷¹ североамериканского континента, принявший «Декларацию независимости» и провозгласивший Соединенные Штаты Америки свободными и независимыми штатами. В конце XVIII века европейский континент был на передовых позициях в экономике, военной и научно-технической сферах. Революционные события в Северной Америке позволили оппонировать могуществу Европы и определили основы современного миропонимания XIX - начала XX вв.

Автором «Декларации независимости» стал богатый землевладелец из штата Вирджиния, адвокат и архитектор *Томас Джефферсон* (1743-1826 гг.), подготовивший ее по поручению Конгресса. В этом документе, получившем название «Декларацией представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс»,

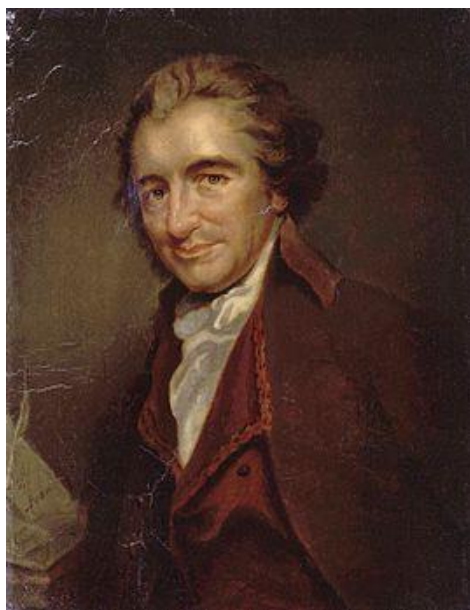
Т. Джефферсон подчеркивал: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом *определенными* [врожденными и] неотъемлемыми правами, среди которых - право на

⁷¹ В июле 1776 г. «Декларацию» одобрили представители Виргинии, Делавэра, Джорджии, Коннектикута, Массачусетса, Мэриленда, Нью-Гемпшира, Нью-Джерси, Пенсильвании, Северной Каролины, Род-Айленда, Южной Каролины и Нью-Йорка.

жизнь, на свободу и на стремление к счастью... Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасностью»⁷².

Джефферсон рассматривается всеми слоями американского общества как создатель демократии по-американски. Его взгляды, суждения, миропонимание и мировоззрение тесно связаны европейской социально-политической мыслью, теориями естественного права, либеральными взглядами Джона Локка и учением Жан-Жака Руссо, работами английского философа Френсиса Бэкона, французского просветителя Кондорсе. Именно эти произведения были настольными книгами Т. Джефферсона⁷³.

Он перефразировал формулу Д. Локка «жизнь, свобода и собственность» на «жизнь, свобода и стремление к счастью», полагая, что это придает документу особое понимание.

Идеи выдающегося английского мыслителя *Томаса Пейна* (1737-1809 гг.), безусловно соотносятся европейской либеральной традицией и ее практического выражения в целях революций в Северной Америке и Франции конца XVIII в. В этих революциях Т. Пейн принимал активное участие.

В 1774 г. в Филадельфии он написал и издал яркое произведение против британской монархии. По мнению Т. Джефферсона, этот памфлет «наэлектризовал» английские колонии в Северной Америке. Т. Пейн критиковал всю пагубность монархизма, стремящегося к ведению международных дел на основе воинствующего милитаризма. Оба мыслителя были солидарны в том, что будущее независимости и республики напрямую соотносятся с моральным совершенствованием населения, то есть они были последователями учения Ш.Л.-де Монтескье. Т. Пейн возлагал надежды на правую составля-

⁷² Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Вирджиния. Л., 1990. С. 34

⁷³ Джефферсон Т. Указ соч. С. 85

ющую, которая может лишь остановить насилие, но не удалить его с корнем, что возможно только исправлением нравов⁷⁴. В «Автобиографии» Т. Джефферсона есть фраза: «Именно нравы и дух народа хранят республику в силе»⁷⁵.

Несмотря на схожесть взглядов по фундаментальным вопросам, Т. Пейн и Т. Джефферсон размежевались в видении внешней политики молодого государства. Это явилось проявлением начала двух концепций внешнеполитического курса США в XIX - первой половины XX вв., а именно:

- принятия обязательств и ответственности США в мировых делах вне американского континента;

- и изоляционизма.

Т. Пейн предложил образовать союз не только ради стран-участников (США, Англия, Франция и Голландия), но и для благоденствия и мирного развития международных отношений в Европе. Такая идея стала следствием генезиса международного порядка Запада, что привело позднее созданию Атлантического союза. Т. Джефферсон стоял на противоположной позиции, настаивая на отказе Соединенных Штатов в деятельности каких-либо союзов и это должно стать сутью североамериканского внешнеполитического курса.

В конце XVIII в. Европа была центром общемировых связей. Революция и сама американская идеология США не смогли подорвать евроцентризм. Американская революция была пропитана европейскими либеральными воззрениями, и она же стала предвестником Великой Французской буржуазной Революции 1789 г., которая подточила основы монархического миропорядка. В «Декларации независимости» понятие «международные отношения» получило действительное значение, так как в Средние Века это понятие означало лишь характер межмонархических отношений.

Эти два выдающихся мыслителя (Т. Пейн и Т. Джефферсон), декларируя и обосновывая независимость бывших британских колоний в Северной Америке, заложили фундамент для национально-освободительной и антиклерикальной идеологий.

Революции в США и Франции провозгласили республиканское национально-государственное устройство в этих странах. Идеи евро-

⁷⁴ См.: Пейн Т. Избр. соч. М., 1959. С. 120

⁷⁵ Джефферсон Т. Указ. соч. С. 232

пейского либерализма, сподвигнувшие освободительное движение британских колоний в Северной Америке, во Франции приобрели классические формы в «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным собранием 26 августа 1789г.

Одним из авторов Декларации был аббат *Эммануэль Жозеф Сиейес* (1748 – 1836 гг.), ставший широко известным в предреволюционный период благодаря сочинению где он заявил, что только третье сословие, т.е. простой народ, составляет истинную нацию, а дворянство - это злокачественное образование в народном организме. В первой статье Декларации состояла из 17 статей, а в первой было сказано: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

Статья № 3 упраздняла монархический строй в государстве: «Источником всякой верховной власти является нация: ни одно учреждение, ни одно лицо не может осуществлять власть, если она не исходит непосредственно от нации». Таким образом, «принцип всей верховной власти находится существенным образом в нации». Декларация прав человека и гражданина провозглашала основополагающие принципы государства. Уничтожение монархического строя, провозглашение республики, военная интервенция европейских монархий против революционной Франции привели к подъему национально-патриотических чувств, привели к установлению диктатуры радикального крыла революционеров - якобинцев во главе с Максимилианом Робеспьером. Понятие «патриот» приобрело новое революционное значение – так стали называть только противников монархической аристократии.

Якобинцы не рассматривали понятие как нечто связанное с шовинизмом или ксенофобией. Призывы якобинцев «Отечество в опасности!», «Нация к оружию!» призывали на защиту республики от иностранной военной монархической интервенции. Внешнюю политику якобинской диктатуры можно определить лозунгом - «Мир хижинам - война дворцам!».

Якобинские лидеры создали новую, третью революционную тенденцию в международных отношениях⁷⁶. Эта тенденция идет от «классического», объясняя суть международных отношений как столкновение и взаимодействие независимых государств, в тоже время использует идеи легальности использования на другие государства принципов свободы, равенства, братства.

В идеях республиканских лидеров межгосударственные отношения отходили в тень, преимуществом обладало международное противоречие между монархическим порядком и Республикой. Это проявилось в годы французской революции в революционных войнах страны против европейских монархов, пытавшихся, по мнению командующего армией интервентов герцога Брауншвейгского, «положить конец анархии во Франции... и восстановить законную власть короля»⁷⁷.

Патриотизм в «войне против тиранов» привел революционные слои Франции 20 сентября 1792 г. к их первой победе при Вальми. «С этого места и с этого дня начинается новая эра в истории мира», - так высказался о ней очевидец сражения великий немецкий поэт Гете.

С приходом к руководству государством Наполеона Бонапарта, превращение Франции в Консульство, а после превратили французские революционные войны в агрессивные. Несмотря на это, идеи Революции 1789-1794 гг. оказали важнейшее влияние на международное право, на регулирование вопросов войны и мира.

23 апреля 1795 г. Французский Конвент одобрил Декларацию прав народов, проект которой был подготовлен и внесен аббатом Грегуаром. Декларация, ее называют также, «Кодекс аббата Грегуара», состояла из 21 статьи, провозглашала новые принципы международного права, основная часть ко-

⁷⁶ Первые две это: «классический» подход Фукидида – Н. Макиавелли и мировая творческая традиция сторонников «вечного мира»

⁷⁷ История Франции. В 3-х томах. Т. 2. М., 1973. С. 36

торых до сих пор составляют его основу. Перечислим самые важные статьи Декларации:

- «Народы по отношению друг к другу независимы и суверенны, каково бы ни было количество составляющих их лиц и размер занимаемой ими территории» (ст. 2);

- «Каждый народ должен действовать по отношению к другим народам так, как он хочет, чтобы действовали по отношению к нему» (ст. 3);

- «Народы должны во время мира делать друг другу как можно больше добра, а во время войны - как можно меньше зла» (ст. 4);

- «Ни один народ не имеет права вмешиваться в правление других» (ст. 7);

- «Только те правительства соответствуют правам народов, которые основаны на равенстве и свободе» (ст. 8);

- «Каждый народ - хозяин своей территории» (ст. 10);

- «Посягательства на свободу одного народа являются покушением на всех» (ст. 15);

- «Каждый народ может предпринять войну для защиты своего суверенитета, своей свободы, своей собственности» (ст. 17);

- «Договоры между народами священны и нерушимы» (ст. 21)⁷⁸.

Многие юристы-международники считают, что эта «Декларация прав народов» является первым опытом кодификации международного права⁷⁹. Французская Революция признала субъектом международного права суверенный народ, осуществляющий свою волю через представительные учреждения. Таким образом, в законодательном воплощении Революции сочетались идеи Ж.-Ж. Руссо и Ш.Л. де Монтескье, выдвигавших весьма различные принципы организации власти. Законодательство революционной Франции свергло феодально-монархический подход к юридическим проблемам территориального верховенства, основав принцип, согласно которому оно являлось одним из фундаментальных элементов «народного суверенитета» и не могло передаваться, отчуждаться вне выявления общей воли народа.

⁷⁸ Французская буржуазная революция 1789 - 1794 гг. / Волгин В.П., Тарле Е.В. М.-Л., 1941. С. 537-538

⁷⁹ Курс международного права. В 7 томах. Т. 1. М., 1989. С. 55

Вводился принцип плебисцита (референдума) на данной территории как обязательной предпосылки изменения границ.

Впервые этот принцип был реализован 14 сентября 1791 г., когда французское Национальное собрание декларировало присоединение к Франции Авиньона (папской области) на основании результатов голосования всех мужчин, достигших 25-летнего возраста, не находившихся в услужении и плативших не менее 1 франка 50 сантимов налога. (52 коммуны голосовали за присоединение, 19 - против, 10 - воздержались)⁸⁰. Что касается акваторий, то революционная Франция от Учредительного собрания до Империи Наполеона последовательно отстаивала принцип «свободы морей» и «свободы рек», протекающих на территории нескольких государств, «как общей и неотчуждаемой собственности всех стран, омываемых их водами».

Революционное законодательство внесло важные изменения в международно-правовой статус населения Франции. Французы перестали быть просто «подданными» государства (*sujet*), с их односторонними обязанностями по отношению к государству, но стали «гражданами» (*citoyen*), в равной степени обладавшими правами участвовать в выражении «общей воли» нации. Упразднились все прежние ограничения гражданской правоспособности иностранцев, касавшиеся преимущественно их наследственных прав. Декрет от 6 августа 1790 г. устанавливал, что «свободная Франция должна открыть свое лоно всем народам земли, приглашая их воспользоваться, под свободным правлением, священными и неотчуждаемыми правами человечества», и, что интересно, этот закон не обуславливал расширение прав иностранцев требованием взаимности. Именно в годы Революции 1789 г. Франция основала право политического убежища, впоследствии ставшее одним из краеугольных элементов западной демократии.

Изначально мотив установления права убежища для политических изгнанников исходил из интересов защиты революции против монархической Европы. В объявлении войны «тиранам» от 20 апреля 1792 г. говорилось, что «французская нация заранее принимает всех иностранцев, которые отрекутся от дела ее врагов и станут под ее знамена, посвятив свои усилия защите ее свободы»⁸¹. Само объявление

⁸⁰ Французская буржуазная революция. С. 539

⁸¹ Там же. С. 541

ние войны декретом Законодательного собрания вводило в международную практику правило предварительной нотификации войны, формального ее объявления до начала военных действий путем выражения «общей воли» народа через парламент, что служило критерием «справедливости и законности» войны. Тогда как античное и феодальное право рассматривали врагами всех подданных государства, оказавшегося объектом военного насилия, революционная Франция восприняла положение Ж.-Ж. Руссо о том, что «война не является отношением человека к человеку, но отношением государства к государству». Соответственно комбатантом, т.е. участником войны, считался только вооруженный боец: «Каждый французский гражданин имеет право на обращение с ним как с солдатом, в том случае, если он взят неприятелем с оружием в руках»⁸².

Военно-уголовный кодекс предусматривал суровое наказание за насилие над мирным населением. Декрет Законодательного собрания от 4 мая 1792 г. провозглашал, что «пленный должен быть неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье», и объявлял их находящимися «под охраной нации и под особым покровительством закона». Пленным даже устанавливалось жалование и содержание, равное соответствующим нормам чинов французской пехоты, раненым, захваченным в плен, полагалась медицинская помощь и заботу со стороны государства, гражданином которого являлся пленный.

Режим военной оккупации в революционном законодательстве ограничивался строгими правилами, французская армия объявлялась временным носителем государственного принуждения, которое в отношении мирных граждан будет употребляться только для обеспечения их спокойствия и для поддержания их законов. Реальность войны, когда особенно при Наполеоне она приобретала крайнее напряжение и общеевропейский масштаб, не обошлась без нарушений со стороны французской армии. Но важнейшие принципы войны, законодательно установленные Революцией 1789 г., оказали решающее влияние на последующую эволюцию международного права по вопросам войны и мира, по делам военнопленных.

⁸² Там же.

Расцвет немецкой философии, историко-правовой и политической мысли в конце XVIII - начале XIX вв. неотделим от идей французской Революции 1789 г. Главным образом влияние революционных, патриотических и гуманистических идей сказалось на философской и политической мысли классиков немецкого идеализма *Иоганна Готлиба Фихте* (1762 – 1814 гг.) и *Георга Вильгельма Фридриха Гегеля* (1770 – 1831 гг.). Ученые не написали специальных работ по международно-правовой тематике, за исключением рецензии И. Фихте на рассуждения И. Канта о «вечном мире». Но в их сочинениях по философии, истории, праву излагались фундаментальные взгляды на мировое развитие. Особенно это заметно у Г. Гегеля в его «Философии истории» и «Философии права», которые, фактически, вобрали в себя и абстрактное представление о международных отношениях как подуровне движений «мирового духа». Таким образом, в обзоре европейской политической мысли конца XVIII - начала XIX вв. следует назвать немецких философов.

Во-первых, потому что их идеализм явил собой одну из вершин не только немецкой, но и всей европейской философской мысли своего времени.

Во-вторых - и, это наиболее значимо в изучении теоретических основ будущей германской внешней политики - немецкий идеализм от Фихте до Гегеля, единый по истокам их воззрений, удивителен той метаморфозой, которая уже в «Философии истории» Гегеля обернулась, опровержением веры в «вечный мир» И. Канта и его ученика И. Фихте и которая содержала философское обоснование будущей германской агрессии.

Сопоставление взглядов молодых И. Фихте и Г. Гегеля с их поздними работами выявляет эту метаморфозу лучше всего. Оба философа в молодости с искренним восхищением отнеслись к Французской революции. В 1793 г. Фихте обратился со своим первым политическим манифестом «Требование к государям Европы возвратить свободу мысли, которую они до сих пор подавляли» и в том же году опубликовал памфлет под названием «К исправлению суждений публики о Французской революции».

Гегель, будучи студентом Тюбингенского университета восторгался ею как высшим проявлением духа. Основатель французской социалистической партии Жан Жорес заметил, что не стоит приписывать французской революции слишком большую роль в философских достижениях Фихте, Шеллинга, Гегеля, так как «их учения возникли из глубоких источников немецкой мысли»⁸³. Но великие события во Франции стали их катализатором. Идея свободы у Фихте, звучала не столько как ключевая философская категория, сколько как призыв к действию, вдохновленному революцией, этой, по его словам, «великолепной картиной» на тему «Права человека и человеческое достоинство»⁸⁸.

Он писал: «Французская революция, как мне кажется, имеет огромное значение для всего человечества. Я не говорю о ее политических последствиях для всех стран, а также для соседних государств, которых она не имела бы без ничем не оправданной интервенции и без самой легкомысленной самоуверенности этих государств. Эти последствия очень велики, но они малозначительны в сравнении с другой, гораздо более важной вещью... Цель этой трагической картины не в том, чтобы чему-то научить и наставить кучку привилегированных. Учение об обязанностях, о правах и назначении человека не школьная игрушка: должно прийти время, когда воспитательницы наших детей будут объяснять обязанности и права человека юным существам, едва научившимся говорить, когда это будут первые слова, произнесенные ими, когда наибольшим наказанием будут слова: «Это несправедливо».

Основываясь на опыте начавшихся революционных войн, Фихте отмечал, что, «пока Германия еще спокойна, пока бурлящий поток

⁸³ Жорес Жан. Социалистическая история французской революции. Т. IV. Революция и Европа. М., 1981. С.144

еще не вышел из берегов, поспешим внедрить в сознание понятие о праве»⁸⁴. Ученый был ярким сторонником якобинского отношения к тиранам: «Там, где существует полная свобода мысли, не может существовать абсолютная монархия». Однако он отвергал оправдания с помощью права войны, которая «вообще не является правовым состоянием», и писал, что «вряд ли можно найти что-либо более несуразное, чем понятие право войны». Французская революция, духом свободы привлекая к себе восхищенные взоры всех прогрессивных Европы, а затем кровавым террором и войнами не только вызывала страх и ужас монархов, но и разочарование ее сторонников.

Идея национального суверенитета, централизованного «государства-нации» породила, говоря словами Жана Жореса, конфликт в душе немцев. Одни видели в ней угрозу Германской империи, основанному на суверенности входивших в нее мелких государств, и угрозу немецкой свободе. Иные рассматривали Революцию во Франции пример для подражания и стимул революционного преобразования Германии. Ранний Фихте относился как раз к этой категории людей.

Постепенно в его рассуждениях произошел поворот от восславления идеалов свободы к утверждению того, что немецкая нация наделена великой судьбой. В «Патриотических диалогах» (1799 г.) уже просматривается национализм его политической философии, пангерманизм и дух милитаризма. Фихте превратился в убежденного сторонника пангерманизма, полагая, что немецкая нация лучше других предрасположена к выражению общечеловеческого духа. В «Речах к немецкой нации» (1807 г.) претензии на ее превосходство уже были облечены в развитую форму: «Подлинная философия, философия независимая и сложившаяся, та, что посредством явлений проникает в суть вещей, не исходит из той или иной индивидуальной жизни: она, напротив, исходит из чистой и божественной абсолютной жизни, которая остается вечной и существует в вечном единстве... Эта философия, собственно говоря, является немецкой, то есть, если кто-то действительно становится немцем, он не может мыслить иначе».

Свои философские взгляды Гегель считал венцом всей западной истории философии. Его систему можно охарактеризовать как синтез греческой философии и христианского субъективизма. Абсо-

⁸⁴ Фихте И. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта //Трактаты. С. 199

лют, по Гегелю, должен мыслиться не только как субстанция, но и как субъект. Гегелевскую систему можно считать завершением философии Нового времени.

Согласно Гегелю, у философии и религии один тот же предмет - абсолют. Абсолют - Бог - есть во всем, но лишь в чистом мышлении он выступает в своей адекватной форме. «Абсолютное знание», т. е. философия, нашедшая своё завершение в системе Гегеля, является поэтому «самосознанием Бога» в человеке; но сущность Бога - т. к. является духом - есть не что иное, как именно такое самосознание, мышление

Система Гегеля состоит из трех частей: логики (онтологии), натурфилософии, и философии духа. В конце снова оказывается логика - на этот раз, совершаемая Богом в человеке, но отличающаяся по содержанию от первой.

У Гегеля идея нации и немецкой национальной исключительности соединилась не просто с оправданием, но с апологией войны. Он разделял взгляды Гоббса о «войне всех против всех», придавая им утонченную философско-правовую интерпретацию: «Принцип *международного права как всеобщего*, которое в себе и для себя должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит, в отличие от особенного содержания позитивных договоров, в том, что *договоры*, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу, *должны выполняться*. Однако так как взаимоотношения государств основаны на принципе суверенности, то они в этом аспекте находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу и их права имеют свою *действительность* не во всеобщей, конституированной над ними как власть, а в их особенной воле. Поэтому названное всеобщее определение остается *долженствованием*, и состояние между государствами колеблется между отношениями, находящимися в соответствии с договорами и с их снятием»⁸⁵.

Гегель был противником проповеди вечного мира И. Канта, доказывая, что его невозможно достичь, и что он вреден, так как в мирное время «люди погрязают в болоте повседневности; их частные особенности становятся все тверже и окостеневают»⁸⁶, между тем как «для здоровья необходимо единство тела, и, если части его затверде-

⁸⁵ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С 366

⁸⁶ Там же. С. 360-361

вают внутри себя, наступает смерть»⁸⁷. Творец диалектики выступал против возможности всемирно организованной идиллии, поскольку «если известное число государств и сольется в одну семью, то этот союз в качестве индивидуальности должен будет сотворить противоположность и породить врага»⁸⁸.

Обращаясь к одной из своих работ в «Философии права», Гегель высказал мнение о войне, которое резко контрастирует с общегуманистическими принципами: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира»⁸⁹.

Таким образом Гегель приветствовал насилие в истории народов как «великую акушерку нового человечества». Гегелевский разрыв с миротворчеством нравственного прогресса Канта очевиден в рассуждениях Гегеля о развитии мирового духа, венчавших его философскую систему.

Народ как государство есть дух в своей субстанциальной разумности и непосредственной действительности, поэтому он есть абсолютная власть на земле,⁹⁰ писал он. Мировой дух совершает восхождение в осознании свободы, исторически воплощаясь в нациях. Народы, по Гегелю, есть общности, сообщества, связывающие индивидуумов с мировым духом. Дух народа формируют география, климат, религия, порождая неравенство в историческом развитии. К примеру, Африку Гегель вообще рассматривал как «детскую страну, лежащую за пределами для самосознательной истории». Он утверждал: «Африканец в своем не знающем различий сосредоточенном единстве еще не дошел до этого отличения себя как единичного от существенной всеобщности, вследствие чего совершенно отсутствует знание об абсолютной сущности, которая была бы чем-то иным, более высоким по сравнению с ним самим. Негр, как уже было упомянуто, представ-

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 361

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 360

ляет собой естественного человека во всей его дикости и необузданности: следует совершенно отрешиться от благоговения и нравственности, от того, что называется чувством, чтобы правильно понять его; в этом характере нельзя найти никакой гуманности».

Являясь сторонником пангерманизма, он отмечал, что Германия избрана провидением стать пристанищем абсолютного, мирового духа, примирить «как явившую себя внутри самосознания и субъективности объективную истину и свободу, осуществить которую было предназначено северному началу *германских народов*».

Сравнивая народы Восточной и Западной Европы, Гегель соглашался с тем, что «часть славян приобщилась к западному разуму», однако, по его теории, «вся эта масса» народов Восточной Европы «до сих не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире»⁹¹. Напротив, со времен Римской империи «назначение германских наций заключалось в том, чтобы быть носителями христианского принципа и осуществлять идею как абсолютно разумную цель»⁹².

Вся гегелевская философия истории и права получила яркий националистический оттенок. В гегелевской философии уже просматривается обоснование будущей «миссии» Германии. Взгляды Гегеля на международные отношения не вписываются ни в одну из традиций. У Канта политический идеализм гармонично сочетался с идеализмом философским, проистекал из него. Разумеется, оправдывая войну как проявление «здоровья» народа, Гегель, соприкасаясь с классическим «реализмом» Макиавелли и Гоббса. Но смешивать их воззрения было бы неправильным упрощением. Гегелевские рассуждения о войне исходили не из материалистического понимания определяющего значения силы (как у Макиавелли) или инстинктов самосохранения (как у Гоббса) во взаимоотношениях сообществ. Они основывались на понимании земной реальности как проявления развития абсолютной идеи, мирового разума. Гегелевская методология мировой истории слишком оригинальна, чтобы ее можно было классифицировать исходя из критериев политической науки.

⁹¹ Гегель Г. Философия истории // Соч. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 88

⁹² Гегель Г. Философия права. С. 377

Гуманная проповедь «вечного мира» И. Канта у Гегеля и Фихте была заменена посылом о свободе проявлений высшего духа в отношении низшей «варварской» субстанции.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите две традиции политической мысли, зародившиеся в Древней Греции.
2. В чем суть идеи «космополиса»?
3. В чем состоят основы важнейших норм и понятий современного международного права, заложенные в Древнем Риме?
4. Как повлияли Ватикан и папство на политическое развитие светских государств?
5. Кто был главным идеологом Второго крестового похода?
6. Как Вы понимаете христианскую концепцию истории человечества Аврелия Августина, разделенного на «два града»?
7. Подтверждая божественный характер государственной власти, Фома Аквинский считал ее первичным источником.....(закончите фразу).
8. Проанализируйте концепцию Данте Алигьери о «вселенской монархии».
9. Предпочитая анализ и обобщения фактической истории, что отвергал Николло Макиавелли?
10. В чем заключается вклад в развитие международных отношений Эразма Роттердамского?
11. Назовите имена двух испанских авторов XVI в., внесших весомый вклад в политическую мысль.
12. Кого называют творцом международного права?
13. Назовите имя ученого, который впервые в истории предложил создать постоянную международную организацию, действующую на основе договора между государствами, согласно которому все участники независимо от их могущества и географического положения должны быть равны.
14. Кто является патриархом либерального индивидуализма в духовной культуре Нового времени?
15. В чем состоит заслуга для политической мысли Уильяма Пенна - одного из руководителей квакерского движения и основателя

английской колонии в Северной Америке, впоследствии названной в его честь?

16. Кто является автором концепции возможности прогресса в международной политике на основе усовершенствования правового урегулирования отношений между государствами?

17. Назовите основные черты проекта «европейского мира» И. Бентама.

18. Кто из российских просветителей Нового времени поддерживал идею постоянной международной организации во главе с Советом и совместными вооруженными силами?

19. Кто из великих немецких ученых Нового времени сформировал начало идеалистической традиции в теориях международных отношений?

20. Перечислите заслуги Жана Бодена.

21. Кто из ученых утверждал принципы государственного суверенитета, придав ему значение абсолютной власти, стоящей в межгосударственных отношениях над любым законом?

22. Почему английского лорда Болингброка называют вдохновителем политики сохранения мира в Европе посредством равновесия сил на континенте.

23. Кто из швейцарских юристов был автором концепции «равновесия сил»?

24. В трудах какого ученого из Шотландии получила свое классическое выражение концепция «баланса сил»?

25. Кто является автором автор знаменитых книг «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» и «Об общественном договоре»?

26. Как звали автора «Декларации независимости» США?

27. Кто предлагал создать союз между США, Англией, Францией и Голландией не только ради заинтересованных сторон, но и для благополучия всей Европы (прообраз Атлантического союза)?

28. Назовите авторов «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным собранием Франции 26 августа 1789г.

29. Что общего и в чем различия в концепциях международных отношений Иоганна Готлиба Фихте и Георга Вильгельма Гегеля?

Глава 2. ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIX – НАЧАЛА XX в.

§ 1. Германские ученые XIX в. о войне и мире

Прусский генерал *Карл Филипп Готфрид фон Клаузевиц* (1780-1831 гг.), военный теоретик и ученый. Он создал крупнейший труд по философии войны «О войне»⁹³. Этой работой увлекались и зачитывались многие государственные столпы: и Отто фон Бисмарк, и Вудро Вильсон, и В.И. Ленин, и Уинстон Черчилль. По своим взглядам он был монархистом и будучи еще молодым человеком Клаузевиц участвовал в битвах против Наполеона Бонапарта (как в прусской армии, так и в русской), являлся участником Бородинской битвы 1812 г. Когда он на закате жизненного пути стал директором военной школы в Берлине, он решил обобщить все свои мысли о военном искусстве, но так и не сумел закончить свою работу, и она вышла в свет лишь после его смерти. Будучи крайне самокритичным к себе, К. фон Клаузевиц называл свою книгу «бесформенной грудой мыслей, из которых, могла возникнуть целая революция в общепринятой теории»⁹⁴.

Работа Клаузевица развила различные аспекты теории военного искусства, а также рассмотрела войну с точки зрения межгосударственных отношений. Можно констатировать, что ученый являлся сторонником классицизма в изучении международных отношений, так как давая собственное определение войне, он называл ее «крайней степенью применения насилия»⁹⁵, что становится результатом политических действий. «Война в человеческом обществе, - война целых народов, и притом народов цивилизованных,- всегда вытекает из политического

⁹³ Клаузевиц К. О войне. Т. 1 - 11. М., Изд. пятое. 1941. На русском языке издана его работа, посвященная одной из военных кампаний Наполеона, - Клаузевиц К. Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 г. М., 1939.

⁹⁴ Клаузевиц К. О войне. Т.1. Пояснения Клаузевица- С. 17-18

⁹⁵ Там же. С.26.

положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт»⁹⁶.

К. фон Клаузевиц не был идеалистом и связи с этим был не согласен с лидерами пацифистских движений, которые мечтали всеобщем и вечном мире. Говоря о природе военных конфликтов и войн он отмечал следующее: «Было бы бесполезно, даже неразумно, из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства... Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд»⁹⁷.

Ученый дал крайне точное и лаконичное объяснение войны, которое стало наиболее цитируемым исследователями: «Война есть продолжение политики другими средствами».

Говоря о военной теории, Клаузевиц определенно был и неплохим военным психологом, рассматривая роль национального самосознания, национального характера, особенности правосознания и морального состояния различных народов и стран на политические цели войны: «Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть... Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе повод к войне вызывает такое напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв»⁹⁸.

В данном монументальном труде автор предоставил свои комментарии по поводу проведения в прошлом военных кампаний, в том числе по вопросам стратегии и тактики, рекогносцировки, фортификации, переправ, тылового обеспечения и т.д. Фактически это было настольное пособие для военачальников и полководцев как периода Первой и Второй мировых войн, так и последующих поколений. Конечно, он не мог преугадать как научно-технический прогресс отразится на военной теории через пятьдесят или сто пятьдесят лет, но и

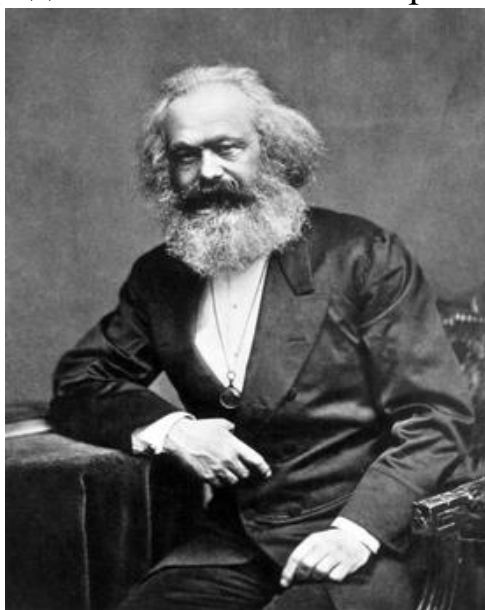
⁹⁶ Там же. С.42.

⁹⁷ Клаузевиц К. О войне. Т.1. Пояснения Клаузевица С. 26-27

⁹⁸ Там же. С. 41.

даже сегодня некоторые его комментарии весьма актуальны, например, мысли Клаузевица о дилемме безопасности, которые превратились в одну из концепций доктрины национальной безопасности Соединенных Штатов в 1950-1970 –е годы. Уmozаклучение ученого-военного о военных действиях как симбиоз действий политиков с вооруженными действиями получило развитие в работах французского социолога и философа Раймона Арона.

После развала мировой системы социализма у многих возникает вопрос: существует ли вклад основателей марксизма в изучение международных отношений и мировой политики?

Карлом Марксом (1818-1883 гг.) и Фридрихом Энгельсом (1820-1895 гг.) не было подготовлено какого-либо специального монументального труда по межгосударственным отношениям, но существует много статей, посвященных вопросам истории вооруженных конфликтов, колониализма, международной политики, дипломатии. Несмотря на это, достаточное число современных исследователей полагают, что в марксизме отведено определенное место и теоретическим аспектам международных отношений. Французский специалист М. Мерль – один из них: «марксистская методология представляет собой наиболее широкое и наиболее цельное из детерминистских толкований международных отношений», а также «марксизм для многих остается лучшим, если не единственным возможным объяснением международных явлений»⁹⁹.

⁹⁹ Merle M. Les relations internationales //Encyclopaedia Univerealis 1985. T.5. P. 57.

В самой известной своей работе, где декларируются основные положения коммунистической концепции – «Манифесте коммунистической партии» - основоположники марксизма провозгласили о себе как об интернационалистах, о том, что они против национальной закрытости. Они говорили о генезисе капитализма как в связке со стремлением человеческого общества к созданию всемирной организации: «Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента... Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки... Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров, она вырвала из-под ног промышленности национальную почву»¹⁰⁰.

Рассматривая переход от феодального строя к капиталистическому было отмечено, что этот процесс неразрывно связан изначально со становлением суверенных государств, а позже - с процессом социально-экономической интернационализации, и, следовательно, «буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль». К. Маркс и Ф. Энгельс предложили достаточно оригинальную формулу развития международных отношений: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни. Господство пролетариата еще больше ускорит их исчезновение»¹⁰¹.

Соответственно, любая эксплуатация одних народов другими будет изжита в той же степени, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, и «вместе с антагонизмом классов

¹⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т.4. С. 425-427.

¹⁰¹ Там же. С.444

внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой»¹⁰². По их мнению, у пролетариата не существует отечества, произойдет объединение всех трудящихся и во вселенском измерении исчезнут и поводы для развязывания военных конфликтов. Как видим, мыслители марксизма фактически объединили социально-экономические и трудовые отношения с международными.

Ранее Ж.-Ж. Руссо говорил о зависимости межгосударственных отношений от общественной составляющей государств, включенных в процесс международных отношений. В теории марксизма проблемы международных отношений растворялись теории общественных формаций. Капиталистический способ производства уничтожал границы национальных суверенных государств, и всячески препятствовал революции трудящихся, являлся инициатором национальной розни, так как буржуазия становится главенствующим классом. Данные непримиримые противоречия накладывают свой отпечаток на все международные отношения эпохи капитализма. Несмотря на то, что буржуазия и пролетариат существуют в границах национальных государств, по мере развития мирового рынка они становятся двумя противоборствующими классами в мировом масштабе. Пределенный антагонизм присутствует в отношениях между представителями национальных буржуазий различных государств в противоборстве за рынки сбыта, сырья и колонии, но этот вопрос не стоит так остро, как отношения с пролетариатом. Так как пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, их везде подвергают эксплуатации, то логично, что они будут объединяться, но для осуществления этой цели необходимо, во-первых, добиться политического превосходства. Противопоставляя себя философии прошлого, Маркс и Энгельс пытались доказать, что главным субъектом человеческого сообщества являются общественные классы, а не нации и народности.

Ф. Энгельс написал статью «Празднество наций в Лондоне», которая была посвящена годовщине Великой Французской буржуазной революции 1789-1794 гг. и в ней с классовых позиций рассмотрел международные отношения: «Наконец, братание наций имеет в наши дни, более чем, когда бы то ни было, чисто социальный смысл. Пустые мечты о создании европейской республики, об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации стали так

¹⁰² Там же. С.445

же смешны, как и фразы об объединении народов под эгидой всеобщей свободы торговли; и в то время как все сентиментальные химеры подобного рода совершенно теряют свою силу, пролетарии всех наций без шума и громких фраз начинают *действительно брататься* под знаменем коммунистической демократии». Поскольку «пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и все их духовное развитие и движение по существу гуманистично и антинационалистично»¹⁰³.

Сегодня мы можем точно определить просчеты и недостатки выводов классиков марксизма, в частности: утопичность исторической миссии трудящегося пролетариата, мирового развития, упрощения исторического фактора, недооценка понятия нации, забвение проблем федерализма и другие. Так они полагали, что «мечтания о всеобщем братстве народов, о федеративной республике Европы и вечном мире, по существу прикрывали только безграничную растерянность и бездеятельность ...»¹⁰⁴.

Маркс и Энгельс возможно были последователями пангерманизма, немецкого национализма и шовинизма. Говоря о «демократическом панславизме» они с иронией высказывались о «так называемых «правах» австрийских славян», предполагая, что если бы они добились своих «прав», то «восточная часть Германии была бы искромсана, как обглоданный крысами хлеб!», вместо «благодарности за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев». Справедливости ради стоит отметить, что они нелестно отзывались и о «германской империи прусской нации» как «истинной представительнице милитаризма».

К. Маркс и Ф. Энгельс даже классифицировали различные нации на «жизнеспособные» и «нежизнеспособные». В частности, к «жизнеспособным» среди славянских народов они определили «поляков, русских, и самое большое, турецких славян», полагая, что все остальные славяне относятся к тем народам, которые были *насильственно* подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность»¹⁰⁵.

¹⁰³ Энгельс Ф. Празднество наций в Лондоне (В связи с годовщиной провозглашения Французской республики 22 сентября 1792 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 590.

¹⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Демократический панславизм // Соч., Т. 6. С. 289

¹⁰⁵ Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 159

Фридрих Энгельс говорил об отличительных особенностях «принципа *национальностей*» и «старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских *наций* на отдельное и независимое существование», делая вывод, что «нет страны в Европе, где под управлением одного правительства не было бы различных национальностей»¹⁰⁶.

Следовательно, основоположники марксизма размежевали вопросы о границах между крупными историческими народами и вопросы о праве на суверенитет многих мелких остатков тех народов, которые существовали в историческом процессе, но впоследствии стали частью более мощной нации. Они заостряли акцент на поддержке российским царским правительством вопроса защиты белорусских и украинских меньшинств с целью «*уничтожения Польши*». Они называли Россию «темной азиатской державой», «последним оплотом против поднимающейся волны рабочего движения», предполагая, что она будет уничтожена «только путем восстановления Польши на демократической основе», и в этом «нет решительно никакого противоречия в том, что *интернациональная*» рабочая партия добивается восстановления польской нации».

В теоретическом плане это могло выглядеть следующим образом:

-во-первых, энергия Польши скована борьбой против внешнего врага;

-во-вторых, как только она освободится, в стране начнется борьба рабочего класса за социальное освобождение;

в-третьих, географическое, военно-стратегическое и историческое положение Польши таково, что, освободившись, она разорвет связь России, Пруссии и Австрии - трех военных деспотий, стоящих «на пути к социальному освобождению Европы»¹⁰⁷. Карл Маркс, проживая в Лондоне и выступая на одном из митингов в поддержку Польши заявил: «Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами

¹⁰⁶ Там же. С. 161,160

¹⁰⁷ Энгельс Ф. За Польшу // Там же. Т. 18. С. 555

героев, чтобы выиграть время для завершения своего социального преобразования».

Создание 1-го Интернационала и польское восстание 1863 г. заставили Маркса и Энгельса подкорректировать свои взгляды на международные отношения. В учредительном документе 1-го Интернационала сказано, что «бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие», (именно так по их мнению, говоря современным языком, европейский истеблишмент наблюдал за захватнической внешней политикой Российской империи, «указали рабочему классу на его обязанность - самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность - объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы прочные законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами»¹⁰⁸.

Уже после смерти Карла Маркса Фридрих Энгельс сокрушался на то, что они «недостаточно подчеркивали» роль царской России как «главного оплота», «резервной армии европейской реакции». Кстати выдержка из его статьи «Внешняя политика русского царизма» в XXI в. может быть взята на вооружение современными бездоказательными критиками Российской Федерации... «своим постоянным вмешательством в дела Запада эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития и делает это с целью завоевания для себя таких географических позиций, которые обеспечили бы ей господство над Европой и тем самым сделали бы невозможной победу европейского пролетариата»¹⁰⁹. Не правда ли, свучит современно. В той же статье просматривается и дух прорицательности в оценке мировых событий начала XX века, в частности, предсказание начала Первой мировой войны: «с возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны невиданных масштабов и силы».

¹⁰⁸ Маркс К. Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 г. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 208.

¹⁰⁹ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22. С. 13.

Подводя итог, несмотря на отсутствие крупных фундаментальных работ по мировой политике и международным отношениям К. Маркс и Ф. Энгельс уделили определенное внимание теоретическим вопросам межгосударственных отношений. Основываясь на их размышлениях отмечаем их тезис о том, что в результате революционных войн и переворотов вместо национальных государств возникнет коммунистическая организация мирового масштаба. Все это возможно при условии победы *западного* пролетариата и после уничтожения царской России, как оплота европейской реакции. О них можно сказать, как о неоякобинцах, которые поддержали и развили революционную концепцию в теории международных отношений. Существует лишь одна отличительная черта марксистского подхода от якобинцев – они заменили нации и государства капиталом и пролетариатом. К. Маркс и Ф. Энгельс пытались объяснить тенденции межгосударственных отношений и мирового политического процесса в основном преломляя социальные (общественные) отношения на международные отношения.

§ 2. Переход от географического детерминизма к концепциям геополитики

В СССР геополитика практически отсутствовала как научное направление, о ней говорили, как о лженауке и только в критическом ключе. После его развала в 1991 г. на первый план стали выходить пограничные, территориальные, межэтнические и дезинтеграционные конфликты и именно тогда вспомнили об этой науке. Стали появляться научные статьи, научные дискуссионные клубы по геополитическим проблемам и в 1993 г. в Институте мировой экономики и международных отношений РАН был издан под редакцией академика АЕН Э. А. Позднякова сборник статей «Геополитика: теория и практика», который является первым реальным вкладом в становление и становление отдельной и востребованной временем научной дисциплины¹¹⁰.

¹¹⁰ Геополитика: теория и практика. Сб. статей под ред. Э.А.Позднякова. М., 1993.

Размышления о влиянии географической среды на политическое и социальное развитие народов существуют в трудах античных

философов и историков. Многие мыслители античности¹¹¹ отмечали важность влияния географических факторов на политическую и социальную жизнь государств. Н. Макиавелли рассматривая важнейшие характеристики государства, отмечал стремление к увеличению территории. В сочинении «О духе законов» (1748 г.) Шарля Луи де Монтескье (1689-1755 гг.) назвал географию и природу факторами, непосредственно влияющими на форму правления и сферу принятия законов. По его мнению равнинные участки террито-

рий способствуют развитию деспотий, гористые территории – стремлению к свободе. Считают, Ш.Л. де Монтескье является основоположником *географического детерминизма, т.е. определяющего влияния географии на историю и политику*, получившему развитие в европейском научном сообществе в XIX в. и на рубеже XIX - XX веков подтолкнувшего к формированию теории геополитики, тесно связанным с теорией международных отношений. Все это не случайно, так как в этот исторический период происходит раздел всей территории Земли на колонии и сферы влияния великими державами; ощущается дыхание мировой войны; быстрыми темпами в объединенной Германии происходит резкий подъем военного и экономического потенциала страны, что привело к разбалансированию международного порядка; появляется и приобретает сторонников германская доктрина «жизненного пространства».

¹¹¹ Геродот, Платон и Аристотель, Страбон, Цицерон

Наиболее известным ее представителем стал географ *Фридрих Ратцель* (1844-1904 гг.). Именно он стал основателем новейшего направления в духе географического детерминизма – «политической географии». Такое же название получила одна из главных его работ, увидевшая свет в 1897 г. Будучи поклонником Т. Гоббса, Ф. Ратцель рассматривал государство как живой организм, развитие которого зависит от среды обитания. «Биогеография понимает государство как форму распространения жизни на земной поверхности. Государство испытывает те же воздействия,

что и всякая жизнедеятельность... Бесперывные изменения государств свидетельствуют о их жизни. Границы являются не чем иным, как выражением органического и неорганического движения; элементарные государственные образования, очевидно, имеют структуру клеточной ткани»¹¹², - подчеркивал ученый, выделяя понятие пространства, которое, в его понимании есть понятие как географическое, так и политическое. Любое государство, априори борется с внешним миром, с целью защиты своего пространства.

Согласно Ф. Ратцелю, расширение государственного пространства происходит в связи с развитием культуры, а наиболее сильные и могущественные страны, поглощая слабые и меньшие по размерам государства, увеличивают свою территорию за счет рек и их бассейнов, береговых зон и земель, богатых природными ресурсами. По мере роста населения страны естественно остро встает вопрос о присоединении новых территорий. Подразделяя государства на великие и малые, он приходит к выводу, что территория первой должна быть не менее пяти миллионов квадратных километров. Ратцель подчеркивал закономерность начала войн за приобретение новых пространств, так как эти пространства придают силу и могущество заинтересованным странам. Ученый предсказал объединение в будущем нескольких

¹¹² Цит. по: Morgeau-Defarges Ph. Introduction a la geopolitique. P., 1994, P. 27

стран в единое пространство, с целью доминирования в международной сфере, например, как он называл в районе «океана будущего» - Тихого океана.

Примерно в тоже время оригинальную теорию предложил английский географ *Хальфорд Маккиндер* (1861-1947 гг.). Она была вы-

сказана впервые в лекции «Географическая ось истории» в Британском королевском географическом обществе в 1904 г. Суть, следующая.

Наиболее обширное сухопутное пространство планеты включает в себя Европу, Азию, Африку, объединенных между собой и образуют Мировой остров. Именно здесь и происходили важнейшие события мировой истории. Впоследствии ее влиянию подверглись Северная и Южная Америки, Австралийский континент, Океания и т.д. Мировой остров обладает Сердцевинной землей, по-английски она звучит как Хартленд (Heartland), расположенная с запада на восток от Европы до Сибири и Монголии, а с севера на юг - от побережья Арктики до среднеазиатских пустынь и гор Тибета.

Посмотрев на карту, становится очевидным что в Хартленде расположены огромные самые плодородные равнины, обладание которыми позволяет диктовать свою волю всему Мировому острову, т.е. фактически это означает ничем и никем не контролируемое мировое могущество и господство. Уже упоминавшийся советско-российский ученый Э. А. Поздняков скрупулезно проанализировал эволюцию геополитической теории Х. Маккиндера и отметил, что британским ученым не проведены четкие западные Хартленда, подмечая, что данный термин был впервые введен в научный оборот британским географом Фэргривом в 1915 г. – именно тогда, когда бушевала Первая Мировая война между великими государствами, в частности, между Великобританией и Германией¹¹³.

¹¹³ Поздняков Э.А. Концепция геополитики//Геополитика: теория и практика. С. 26.

Особого внимания заслуживает самый известный тезис его теории: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром».

Объективно, что главная часть Хартленда у России, и соответственно, у России существует определенное выгодное геополитическое положение, что и определяет ее политическую судьбу. По мнению Х. Маккиндера, необходимо не допускать какого-либо сближения Германии и России, препятствовать усилению германского влияния на Востоке, так как все это могло отразиться на геополитическом положении «самой яркой жемчужины в британской короне», ее крупнейшей колонии – Индии. Исторические факты подтверждают, что Великобритания всегда придерживалась данного курса (от организации заговора и убийства российского императора Павла I, который лишь задумал повлиять на положение дел вокруг Индии, до Мюнхенского сговора, развязывания «холодной войны» против СССР и современного скандала с так называемым нервнопаралитическим газом «Новичок»).

Х. Маккиндер и его последователи считали важнейшим признаком мирового могущества обладание сухопутного, континентального пространства, другие полагали, что приоритет должен быть у обладателей морской мощи.

Наиболее известным теоретиком морского доминирования был адмирал военно-морского флота США, *Альфред Мэхэн* (1840-1914 г.). Он изложил свое видение проблемы в работах «Влияние морской мощи на историю. 1660-1783», увидевшей свет в 1890 г., и «Морская мощь и ее роль в войне 1812 г.» (1905 г.). Он несомненно был апологетом национально-государственных интересов Соединенных Штатов, ставших супердержавой в экономическом и военном плане. Географическое положение государства, огромные морские границы (три океана), естественно поставили во-

прос о морском могуществе и роли военно-морского флота в защите границ, мировом доминировании в целом.

Благодаря морской мощи А. Мэхэн полагал, что захватив инициативу в развитии политических процессов в Восточной Азии, Латинской Америке, в зоне Карибского бассейна и аннексировав Гавайи и Филиппины, можно добиться мирового господства. Рассмотрев и проанализировав действия британской короны по созданию колониальной империи в предыдущие века, он пришел к выводу, что его концепция «маринизма», т.е. решающей роли морской силы в истории, является наиболее приемлимой. Поддерживая Ф. Ратцеля, адмирал полагал, что важность азиатско-тихоокеанского региона в международных отношениях будет возрастать, и в связи с этим был написан специальный труд «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику». История подтверждает правильное определение практических действий американцев по усилению собственной экспансионистской политики в данном регионе после Второй мировой войны, ярким проводником которой был генерал Д. Макартур. Он также «подтолкнул» конгрессменов США на принятие решения по

выделению огромных средств на активное создание и модернизацию военно-морского флота, «никому не уступающего первенства»¹¹⁴.

Рассмотрев теории вышеназванных ученых, можно констатировать, что именно они заложили фундамент современной геополитики. В научной литературе есть мнение, что термин «геополитика» впервые ввел в научный оборот шведский государственный деятель, политолог, *Рудольф Челлен* (1864-1922 гг.).

Его работа «Государство как форма жизни» (1911 г.), развивает концепцию Ф. Ратцеля. В ней он говорит о геополитике, как об уче-

¹¹⁴ Оценивая влияние Мэхэна на политических деятелей США, американский историк Ч.Бирд назвал его «наиболее успешным пропагандистом в истории США», а более поздний исследователь У.Лафебер заметил, что «его влияние может быть измерено в таких зримых величинах, как 15-тысячетонные морские суда» (Цит. по: История США. Т. II. 1877-1918. М., 1985, С. 163)

нии о государстве как географическом организме. Но Р. Челлен полагал, что у геополитики есть отличительные черты от политической географии: «Это наука о государстве как географическом организме, каким он проявляется в пространстве; о государстве как стране, территории или, что более значимо, как империи. Эта политическая наука имеет в качестве постоянного предмета исследований цельное государство, она призвана изучать его глубокую природу, тогда как политическая география наблюдает планету как обитель человеческих сообществ вообще». Челлен был сторонником теории социалдарвинизма он перенес принципы естественного отбора на международные отношения. Проявлением борьбы за самосохранение государств, считал ученый, есть колонизация.

Пика немецкая геополитика добилась после Первой мировой войны в сочинениях *Карла Хаусхофера* (1869-1946 гг.), создателя и основателя «Геополитического журнала». Он считал, что геополитика — это «практическая политика», полагая, что границы внешней политики любого государства отмечены на географической карте. Пропагандируя идею пангерманизма, как и Р. Челлен, настаивал на новых территориальных приобретениях, так как плотность населения Германии выше более чем в 15 раз такого же показателя в богатых колониальных империях. Практическое решение идеи «жизненного пространства» можно найти лишь «правильно» воспитывая немецкую нацию, то есть в духе пангерманизма.

С 1933 г. после победы демократическим путем на выборах Адольфа Гитлера и его национал-социалистской рабочей партии, немецкая геополитика стала обоснованием восхваления агрессивной захватнической внешней политики. По окончании Второй мировой войны и поражения фашистской Германии К. Хаусхофер постарался, чтобы его имя не связывали с фашистской идеологией. Но после отстранения от преподавания в университете в Мюнхене, он окончил жизнь самоубийством вместе со своей женой.

§ 3. Взгляды марксистов и их оппонентов на теорию империализма и внешнюю политику в конце XIX – начале XX в.

Противоречия крупнейших капиталистических государств в вопросе передела сфер влияния в мире и грядущая мировая война в конце XIX – начале XX вв., проявились в марксистской теории империализма. Марксизм не явился правообладателем этой теории, оно связано с развитием древнеримской империи и означает проведение политики, направленной на распространение своего влияния на политику и экономику, подавляя другие государства. Понятие «империализм» закрепилось в английском языке примерно к 80-м годам XIX столетия. Теории империализма в марксистском понимании предшествовала империалистическая идеология Великобритании и ее критический анализ либеральными экономистами.

Самым ярким и непримиримым идеологом теории империализма был в конце позапрошлого столетия английский олигарх, поклонник колониализма и государственный деятель *Сесиль Родс*. Он стал одним из главных поджигателей англо-бурской войны 1899-1902 гг. Его имя получила колония Родезия. По рассказу друга С. Родса, журналиста, тот объяснил ему в 1895 г. необходимость империализма следующим образом: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба!, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»¹¹⁵.

¹¹⁵ Цит. по: Moreau-Defarges Ph. Op. cit. P. 27-28

Идеология империализма в английском понимании фактически была связана с германскими геополитическим концепциям «жизненного пространства». Данную политику отвергали прогрессивные либеральные экономисты, в частности Джон Аткинсон Гобсон опубликовавший в 1902 г. в Лондоне свое сочинение «Империализм», написанное под влиянием его поездки в Южную Африку в период англо-бурской войны. Эту книгу использовал В. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанную в 1916 г.

В СССР с пиететом авторство марксистской теории империализма приписывалось В.И. Ленину, хотя реально фундаментальные положения и идеи были высказаны немецкими социал-демократами Р. Гильфердингом, Р. Люксембург, К. Каутским, австрийским социал-демократом О. Бауэром и Н. Бухариным.

Марксистская теория империализма носит в основном экономический характер, но есть место и международным отношениям конца XIX - начала XX вв. Именно в данный период международные отношения стали во многом зависимы от экономических капиталистических процессов. Капитализм добился существенной концентрации производства и капиталов, которую Р. Гильфердинг назвал «монополистической». Активизировался бурный рост интернационализации капитала и обострилась конкурентная борьба на мировом рынке. Отмеченные противоположные тенденции влияли на межгосударственные отношения эпохи империализма, но определяющей стала борьба за колонии и сферы влияния с целью расширения рынков и подчинения их экспортом капитала. Тогда как Д. Гобсон полагал, что империализм является «переходной болезнью» рыночной экономики, теоретики марксизма посчитали эти противоречия закономерностями для капитализма, вступившего в особую фазу, фазу империализма.

В 1910 г. *Рудольф Гильфердинг* (1877-1941 гг.), теоретик австромарксизма, лидер социал-демократии и политический деятель Германии. опубликовал в Вене (Австрия) свой труд «Финансовый капитал», в

котором отмечал, что финансовый капитал, образовавшийся путем слияния банковского и промышленного, стремился подчинить себе государство и использовать его силу «для того, чтобы проводить политику экспансии и присоединять новые колонии». Экспорт капитала с целью ослабления действия кризисов внутри страны становился средством подчинения бедных и отсталых стран странами, богатыми капиталом. Р. Гильфердинг отмечал, что финансовый капитал вооружался национальной идеей, которая в таких условиях «уже не признает права каждой нации на политическое самоопределение и независимость»¹¹⁶.

Интересно, что марксистский анализ привел Р. Гильфердинга к оценкам международных отношений в классическом ключе: «Идеал теперь – обеспечить собственной нации господство над миром, стремление столь же безграничное, как стремление капитала к прибыли, из которого оно возникает. Капитал становится завоевателем мира... В то же время рост силы рабочих укрепляет стремление капитала еще больше усилить государственную власть в качестве гарантии против пролетарских требований. Так возникает идеология империализма, идущая на смену идеалам старого либерализма. Она высмеивает наивность последнего. Какая иллюзия в мире капиталистической борьбы, где все решается исключительно превосходством оружия, верить в гармонию интересов! Какая иллюзия ожидать царства вечного мира, возвещать о международном праве, когда судьбы народов решаются только силой. Какая глупость стремиться к тому, чтобы регулирование правовых отношений внутри государств перенести за пределы государственных границ»¹¹⁷.

Характерно, что рассматривая целеполагание отдельного капиталиста к большей прибыли как главный принцип его экономических действий, ученый ссылаясь на мнение Т. Гоббса, объяснявшего подобное стремление «постоянной и неустанной жадой умножать власть властью»¹¹⁸. Таким образом, империализм еще более укреплял отношения насилия и подчинения в международной сфере, описанные в «Левиафане».

¹¹⁶ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959, С. 433

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С.434

Аналогичную позицию поддерживала и *Роза Люксембург* (1870-1919 гг.), утверждавшая, что при «все усиливающейся конкуренции между капиталистическими странами за приобретение некапиталистических областей растет энергия империализма и обостряются применяемые им методы насилия»¹¹⁹. Р. Люксембург называла империализм «политическим выражением процесса накопления капитала в конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки». Она утверждала, что «тенденция капитализма превратиться в мировую форму производства разбивается об его имманентную неспособность охватить все мировое производство», так как капитализм не будет капитализмом без хозяйственных форм, которые составляют ее среду и питательную почву: «Чем больше насилия проявляет капитал, когда он посредством милитаризма уничтожает во всем мире и в своей родной стране существование некапиталистических слоев и ухудшает условия существования всех трудящихся масс, тем скорее история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления»¹²⁰.

И Р. Гильфердинг и Р. Люксембург доказывали, что непримиримые противоречия при империализме не могут быть разрешены в рамках капитализма, а могут быть уничтожены только «применением основ социалистического хозяйства»¹²¹(Р. Люксембург), когда «в мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата»¹²²(Р. Гильфердинг).

¹¹⁹ Люксембург Р. Накопление капитала. Т. I и II. М., Петроград, 1923. С. 466

¹²⁰ Там же, С. 489

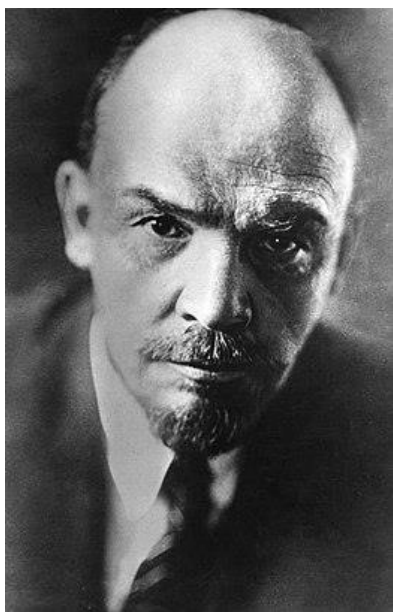
¹²¹ Там же, С. 490

¹²² Гильфердинг Р. Указ.соч., С.478

Несколько противоположное мнение на империализм имел лидер германской социал-демократии *Карл Каутский* (1854-1938 гг.).

Он обращал особое внимание на интернационализацию капиталов, более чем Р. Люксембург и Р. Гильфердинг. Им была предложена формула о превращении империализма в т. н. «ультраимпериализм». Вероятность создания «мирового картеля», т.е. объединения капиталистических держав, он считал большой. К. Каутский отмечал, что внутреннее строение капитализма позволяет ему видоизменяться и исключать возникшие недопонимания и трудности не путем военных действий, а мирным разрешением споров, заключением мирных договоров. Даже в разгар Первой мировой войны (1915 г.), которая несомненно явилась подтверждением существования экономических противоречий между крупными державами, ученый не отказался от своей теории «ультраимпериализма»: «... Не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новой, ультраимпериалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплуатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом? Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок»¹²³.

Тезис К. Каутского о мирной эволюции империализма крайне негативно воспринял лидер российских большевиков *Владимир Ильич Ленин* (1870-1924 гг.), уничижительно критикуя «глупенькие побасенки» и «бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме»¹²⁴, благодаря которым Ленин и написал свою работу по империализму.

¹²³ Цит. по: Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. С. 415

¹²⁴ Там же. С.394

Отмечаем, что сам Ленин писал ее как популярный очерк, который объясняет экономическую сущность империализма и происхождение Первой мировой войны. В. Ленин придавал более отточенные и острые формы марксистской теории империализма, предложив известные его пять признаков¹²⁵. Их ядром было определение империализма как монополистической стадии, в которой «начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». Так как непримиримые противоречия империализма находятся в его природе, поэтому «в какой бы форме «интеримпериалистские» или «ультраимпериалистские» союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав», они, «являются неизбежно лишь «передышками» между войнами, разделами и переделами мира¹²⁶.

По мнению В. Ленина, империализм превращается в источник международных конфликтов, а его стремление к всеобщему господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация маленьких или слабых наций горсткой богатейших или сильнейших наций характеризуют его как «паразитический или загнивающий капитализм»¹²⁷. Отрицая тезис К. Каутского о возможности реформации основ империализма, Ленин утверждает, что империализм — это «умирающий капитализм».

Исторические события XX в. не подтвердили это утверждение В.Ленина, «беременного» (С.Н.) идеей революции, но нет и ясного заключения по поводу спора с К.Каутским об империализме. Многие сегодня говорят об ошибке Ленина в отношении «умирающего» капитализма. Здесь конечно же был прав К.Каутский. Активное распространение интернациональных форм капитала, могущество транснациональных корпораций в современном мире, а также, возникновение

¹²⁵ Эти признаки означали (в сжатом изложении): 1) концентрацию производства и капитала до уровня создания монополий, играющих решающую роль в экономике; 2) слияние банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образование международных монополистических союзов, делящих мир; 5) завершение территориального раздела мира крупнейшими капиталистическими державами

¹²⁶ Там же. С.422

¹²⁷ Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин о международной политике и международном праве. М., 1958, С. 151

и деятельность специализированных финансовых и экономических организаций мирового масштаба, таких как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный валютный фонд. Всемирное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), преобразованное в ВТО, Шанхайская Организация сотрудничества (ШОС), БРИКС и т.д., явно подтверждают развитие именно того пути, о котором говорил К. Каутский, «ультраимпериализме». В настоящее время можно сказать об ошибках предположений Ленина по вопросам гибкости в процессе реформирования капитализма на ее «высшей стадии», возможности интеграционных тенденций в капиталистическом мире, в частности всем известен его посыл, что «Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны».

Несмотря на это в международных отношениях XX в. мы видим подтверждение словам В. Ленина о неизбежности конфликта между США и Японией, которое произошло в годы Второй мировой войны: «Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно»¹²⁸.

Взаимоотношения США, Японии и Западной Европы в послевоенный период, в особенности с 1960-70-х гг., и особенно в период прихода к власти в США президента Дональда Трампа, отличались жестким торгово-экономическим соперничеством. И все же в международных экономических отношениях современного капитализма преобладающей постепенно стала «мирная» тенденция, преодолевающая торговые и валютно-финансовые противоречия. Эту тенденцию иллюстрирует ежегодно проводимые с целью координации национальных экономических политик встречи глав государств и правительств «Семерки» - семи ведущих экономически развитых стран мира (США, Японии, ФРГ, Франции, Великобритании, Канады, Италии).

¹²⁸Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. - Ленин о внешней политике советского государства. М., 1960, С.130

К сожалению, глобальная стратегия промышленно развитых стран рыночной экономики не устраняет огромного уровня зависимости от них остального мира, но и опирается на это сложившееся неравенство.

Экспорт капитала, который, как отмечал Р. Гильфердинг, «ускоряет открытие чужих стран и развивает их производительные силы», с конца XIX в. распространял сложные отношения конкуренции и взаимозависимости, подчинения и неравенства в масштабах мировой экономики.

Особое место среди марксистских концепций империализма занимает интерпретация его *Николаем Ивановичем Бухариным* (1888-1938 гг.). Определенно этот ученый и государственный деятель советского периода придавал больший акцент процессам интернационализации капитала, чем К. Каутский. Тогда как Р. Гильфердинг утверждал, что «мировой рынок все более расчленяется на отдельные государственно разграниченные хозяйственные территории»¹²⁹, Н.И. Бухарин, подчеркивал, что «национально-хозяйственные организмы» давно уже не представляют из себя замкнутого целого, а «составляют лишь части гораздо более крупной сферы, *мирового хозяйства*».

Мировое хозяйство им определено как «система производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе»¹³⁰. Взаимозависимость государств в рамках международного товарообмена, по мнению Н. Бухарина, «проявляется прежде всего в факте *мировых цен и мирового рынка*».

Среди марксистских теоретиков империализма Н. Бухарин обращал на важность технического прогресса в формировании мирового хозяйства: «Чем более развиты средства транспорта, чем быстрее и интенсивнее происходит движение товаров, тем скорее идет процесс сращивания отдельных локальных и «национальных» рынков, тем скорее растет единый производственный организм мирового хозяй-

¹²⁹ Гильфердинг Р. Указ. соч. С. 409.

¹³⁰ Бухарин Н. Мировое хозяйство и империализм. 1915 // Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 25

ства»¹³¹. Подтверждая свои размышления он пользовался статистическими выкладками о развитии железных дорог, возрастании торгового флота, широком распространении телеграфа. Он резко критиковал абсолютно неправильное утверждение В. Зомбарта об «убывающем значении интернациональных связей» в экономике. Н. Бухарин отмечал, что только за 1903 - 1911 гг. международная торговля увеличилась на 50%¹³². И основываясь на фактах сделал вывод: «Эта связанность стран в процессе обмена отнюдь не имеет характера простой случайности: она является уже необходимым условием дальнейшего общественного развития, причем международный обмен превращается в закономерный процесс экономической жизни»¹³³.

Признав, что процесс интернационализации хозяйственной жизни при империализме обусловлен объективным ходом общественного развития, техническим прогрессом, Н. Бухарин, однако, доказывал, что этому процессу противостоит «еще более сильная тенденция к национализации капитала и замыканию в государственные границы»¹³⁴, поскольку выгода национальных групп буржуазии от продолжения конкретной борьбы «суть гораздо большая величина, чем убыток от потерь, с ними связанных»¹³⁵.

Анализ Н. Бухариным трендов экономической интернационализации и вывод о формировании мирового хозяйства являются самыми интересными сторонами его интерпретации империализма.

На втором Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин представил 26 октября 1917 г. доклад о мире, в котором предложил «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»¹³⁶. Это должен был быть «немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»¹³⁷ (т.е. платежей, налагаемых победителем на побежденное государство; современным международным правом запрещены).

¹³¹ Там же. С. 26.

¹³² Там же. С. 30

¹³³ Там же. С. 32

¹³⁴ Там же. С. 25.

¹³⁵ Там же. С. 90.

¹³⁶ Ленин о внешней политике советского государства. С. 3

¹³⁷ Там же.

В «Декрете о мире» провозглашена и отмена тайной дипломатии. Эти тезисы стали «кирпичиками» доказательства существования т.н. «ленинской концепции мирного сосуществования».

В Ленин был ярким сторонником «мировой социалистической революции», к которой призывал в своих апрельских тезисах 1917 г. Цель совершения мировой социалистической революции стала теоретическим обоснованием захвата большевиками власти в России, с конечной целью строительства социализма и коммунизма. Этот тезис развивался Лениным позже, в период строительства страны Советов. В ответе на вопрос американского агентства «Юнайтед пресс», Председатель Совнаркома доказывал в июле 1919 г., что «победа международной Советской республики обеспечена»¹³⁸. Позже, уже в 1920 г. он написал, что «во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии», а также что федерация «на базе советского строя, советского движения» будет «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций»¹³⁹.

Большевики во главе с Лениным окрасили международные отношения в революционный цвет, провозглашали приоритет классовых интересов в масштабах всего мира. В речи на Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. В. Ленин заявил: «...Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹⁴⁰.

Говоря о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. Ленин утверждал, что «интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства»¹⁴¹. У него не было ни капли сомнения в том, что

¹³⁸ Там же. С. 210.

¹³⁹ Там же. С. 303-304

¹⁴⁰ Там же. С. 16

¹⁴¹ Ленин о внешней политике советского государства С. 139

«социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит»¹⁴².

Мировая революция являлась идейным оправданием и главной целью Советской внешней политики. К его большому разочарованию, мировая революция так и осталась лишь мечтой. Вождь российского пролетариата оформил т.н. «рабочую» концепцию внешней политики «для того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»¹⁴³. И, в 1920 г. он заявил о тактических планах внешней политики Советской России - «мирное сожительство с народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимися к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов»¹⁴⁴. Другой тактической задачей стала «тактика натравливания империалистов друг на друга» ..., «пока мы не завоевали всего мира». Оправдываясь за это Ленин объяснил: «Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах»¹⁴⁵.

Советская Россия находилась в крайне недружелюбном международном окружении и поэтому им приходилось действовать на основе жестких принципов реализма, которые не всегда согласовывались с догмами коммунизма. В. Ленин заявлял, что «договоры и... законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это – не более, как клочок бумаги»¹⁴⁶. Во время подготовки Англией, Францией и Италией конференции по вопросам Ближнего Востока после поражения англо-греческой интервенции в Турции он сказал в октябре 1922 г. о том, что «ближневосточная политика есть для нас дело самого реального и непосредственно жизненного интереса России и целого ряда федерированных с нею государств»¹⁴⁷.

Подводя итог следует отметить что, В. Лениным были обозначены стратегические и тактические задачи советского внешнеполитического курса. За 70 лет естественно, и теория и практика мирового развития корректировали некоторые вопросы межгосударственных отношений в понимании советских руководителей, однако марксист-

¹⁴² Там же. С. 25

¹⁴³ Там же. С. 212

¹⁴⁴ Там же. С.250.

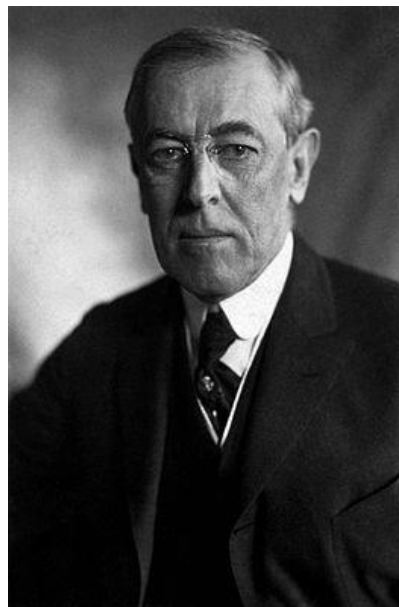
¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. С.131

¹⁴⁷ Там же.С.493

ско-ленинский «классовый подход», понятие «мировая революция» и «полная победа над международным империализмом» оставались фундаментом и идейно-теоретическим основанием внешней политики СССР и были отвергнуты лишь при М.С. Горбачеве.

Фактически ответом призыву Ленина к достижению всеобщего справедливого и демократического мира стали «четырнадцать принципов» президента США *Вудро Вильсона* (1856-1924 гг.), которые он провозгласил в послании Конгрессу от 8 января 1918 г. В это сложное время В. Вильсон предложил государствам, участвующим в войне справедливые условия мира, основанные на принципах национального самоопределения и либерализма¹⁴⁸.

Ровно половина программы В. Вильсона относилась к сфере применения принципа национального самоопределения на территориях, которые входили в состав Германской, Австро-Венгерской и Османской империй или зависимых от них. Президент США предлагал отказ от тайной дипломатии, открытые договоры о мире, свобода судоходства и международной торговли, сокращение вооружений.

Особняком по своей значимости стоял четырнадцатый принцип установления мира, который предлагал создание «Всеобщего союза наций».

¹⁴⁸ Четырнадцать пунктов Вудро Вильсона означали: 1) открытые договоры о мире; 2) абсолютную свободу судоходства на всех морях; 3) свободу торговли – устранение таможенных барьеров, 4) установление гарантий, обеспечивающих сокращение вооружений; 5) беспристрастное урегулирование колониальных вопросов; 6) освобождение Германией оккупированных ею Российских территорий, вступление России в общество свободных наций; 7) освобождение и восстановление Бельгии; 8) возвращение Франции оккупированных Германией территорий, включая Эльзас и Лотарингию; 9) исправление границ Италии в соответствии с ясно выраженным национальным принципом; 10) предоставление автономии народам Австро-Венгрии; 11) освобождение оккупированных территорий Румынии, Сербии, Черногории, предоставление Сербии выхода к морю, 12) самостоятельность турецких и автономию национальных частей Османской империи; 13) создание независимого польского государства, 14) создание «всеобщего союза наций» в целях взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности.

Программа В. Вильсона ни на йоту не отходила от идей американской демократии и Конституции США, распространяемых на сферу международных отношений. Она отражала также европейскую миротворческую традицию, получившую развитие в работах американских ученых. Программа поддерживала идеи западного либерализма в сфере международных отношений, противопоставляя себя концепции «мировой социалистической революции». Распространение этих идей во всем мире должно было стать противоядием против «большевистской заразы».

Проанализируем мирную программу В. Вильсона и «Декрет о мире» В. Ленина. В.И. Ленин резко, бескомпромиссно выдвигал принцип самоопределения наций и рассматривал его как этап на пути к освобождению от капиталистической зависимости, а Вильсон ратовал за развитие национальных государств по образцу США.

Несмотря на то, что мирная программа В. Вильсона в целом получила свою легитимацию в Версальском мирном договоре и была учреждена Лига Наций, современники считали его идеалистом и моралистом, но он точно не был сторонником идеализма в межгосударственных делах.

Вызывает определенный интерес статья Вильсона «Идеалы Америки» 1902 г., в которой подчеркивал: «Это мощное движение народа, почти всегда направленное к новым границам в поисках новых земель, новой энергии, подлинной вольности девственного мира, подобно року, управляло нашей линией поведения, формировало нашу политику. Оно дало нам не только Луизиану, но и Флориду. Оно ускорило войну с Мексикой и принесло нам побережье Тихого океана, вовлекло Техас в Союз. Благодаря ему далекая Аляска стала территорией США. И кто скажет, когда этому придет конец?...»¹⁴⁹

В. Вильсон предлагал в «Четырнадцати пунктах» реформу межгосударственных отношений, чтобы США могли регулировать их с помощью впервые в истории создаваемой всемирной организации¹⁵⁰. Ради объективности следует сказать, что военная, промышленная и финансовая мощь, США к началу XX в. позволяла им доминировать в международных делах. Согласно доктрине пятого президента США

¹⁴⁹ Цит. по: Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 36.

¹⁵⁰ В частности, ст. X устава Лиги Наций легализовывала военное вмешательство США в международные конфликты вдали от американской территории

Дж. Монро, в сферу американского влияния входили Северная и Южная Америки. Прошло почти столетие с момента ее провозглашения и встал вопрос о расширении «американской границы»¹⁵¹ В 1916 г. Вильсон сказал «Мы находимся в процессе такой трансформации мира, которая позволит нам определять политику любой страны»¹⁵². Он видел в Лиге Наций инструмент глобализации политики США. «Мы имели шанс добиться мирового лидерства... Мы потеряли этот шанс»¹⁵³, - с горечью сказал он, когда Сенат не ратифицировал устав Лиги Наций.

Вудро Вильсон считал, что без США невозможно урегулировать мировые дела, в том числе и в Европе. Вероятно, он имел и дар предвидения, так как, как он сам выразился, «с абсолютной точностью» предсказывал «еще одну мировую войну».

Программа мироустройства В.Вильсона и ленинская теория мировой революции, включая тактику «мирного сожительства» с капиталистическими странами, намечали противоположные тенденции международных отношений. Но либерализм Вильсона и социализм Ленина стали выражением двух «универсалистских» подходов к международным отношениям, которые видели целью распространение во всемирном масштабе определенной социально-политической организации и решение этим путем извечных проблем войны и мира.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему прусского генерала К. фон Клаузевица называют, «философом войны», какой монументальный труд он создал?
2. Назовите труды К. Маркса и Ф. Энгельса, которые можно отнести к теории международных отношений.
3. В чем состоит влияние географической среды на судьбы народов и международную политику?
4. Почему Фридриха Ратцеля можно назвать одним из основателей «политической географии»?
5. Кто является автором знаменитого высказывания: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит

¹⁵¹ Теорию «американской границы» обосновал историк из США Ф. Тернер

¹⁵² Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 314

¹⁵³ Там же.С.269

Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром?»?

6. Назовите фамилию автора концепции «маринизма», т.е. решающей роли морской мощи в истории?

7. Почему автором термина «геополитика», считают шведского политолога и государствоведа, сторонника политической теории пангерманизма Рудольфа Челлена?

8. За что главным идеологом империализма в конце позапрошлого столетия называют английского финансового короля, колониального политика и администратора Сесилия Родса?

9. Какой характер носит марксистская теория империализма?

10. В чем суть марксистского анализа Р. Гильфердинга к оценкам международных отношений?

11. В чем сходство позиций Р. Гильфердинга и Р. Люксембург по поводу империалистических противоречий?

12. Суть концепции Карла Каутского по поводу образования «мирового картеля»?

13. Назовите основные черты концепции Н. Бухарина и В. Ленина по вопросам внешней политики в период империализма.

14. В чем состоит заслуга Вудро Вильсона для международных отношений, и особенно четырнадцатого принципа установления мира, предусматривавшего создание «Всеобщего союза наций»?

15. Назовите основные этапы создания Лиги Наций и кто и почему из мировых держав того периода не вошел в эту универсальную международную организацию?

Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. «Политический реализм»

Фашистские государства разрушили систему мирных договоров, сложившуюся на Версальской мирной конференции (1919 г.) и Вашингтонской (1921-1922 гг.) конференции по ограничению морских вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам. Лига наций – это первая в истории человечества универсальная международная организация, созданная на Версальской конференции с целью «действительным образом охранить мир наций» (статья 11 ее Устава), не смогла выполнить своей главной задачи.

Полагаем, что начало Второй мировой войны подтвердило роль насилия в цивилизованном мире, ее окончание стало качественно новым рубежом в истории человечества: оно разделило ее на доядерную и ядерную эпохи.

СССР после победы над фашизмом вступил в «холодную войну»¹⁵⁴ против блока западных государств во главе с США. Благодаря титаническим усилиям советского народа он смог создать через четыре года после Великой Победы свою первую атомную бомбу. По выражению *Уинстона Черчилля* (1874-1965 гг.), началась эпоха «равновесия ядерного террора».

Хотя Вторая мировая война и появление атомной бомбы укрепили представления о международных отношениях как отношениях силы, невиданная мощь нового оружия являла собой фактор, в оценке которого не могло быть никакого опыта, кроме Хиросимы и Нагасаки. Понятно, что после Второй мировой войны изучение международных отношений в СССР, опре-

¹⁵⁴ Термин «холодная война» первый раз прозвучал в выступлении представителя США Б.Баруха в ООН 13 марта 1947 г., который заявил: «Не будем заблуждаться, мы находимся сегодня в разгаре холодной войны» (Let us not be deceived, today we are in the midst of a *cold war*.)

делялось марксистско-ленинской идеологией, препятствовавшей развитию научно-теоретических представлений. Современная наука международных отношений в основном складывалась за рубежом, прежде всего в США.

Уже после Первой мировой войны «международные отношения» стали в американских университетах самостоятельной дисциплиной. Первые кафедры международных отношений были созданы в Гарвардском, Принстонском и Колумбийском университетах. Участие США в Первой мировой войне и появление доктрины В. Вильсона, стимулировали американский интерес к изучению международной сферы, главным образом с позиций, обозначаемых термином «идеализм» или «политический идеализм». Корни этой традиции в американской политической литературе весьма глубоки. Примерно с середины XIX в. в США разрабатывались исследования международных отношений, основывавшиеся на морально-правовых учениях, восходящих к гуманистическим идеалам свободы и демократии. Эта традиция утверждала пацифистский и утопический нормативизм (т.е. установку – «так должно быть ради мира и справедливости») как средство стабилизации складывавшейся международной системы. Так как, объяснение международных отношений и рецепты обеспечения безопасности с помощью права и морали значительно дискредитировали себя в первой половине XX в., то соответствующие взгляды, преобладавшие в американских университетах, стали после Второй мировой войны все реалистичнее выглядеть истинно идеалистическими и переживали кризис.

Именно в этот период в США становится ведущей в исследовании международных отношений школа «политического реализма», основателем и лидером которой считается руководитель Международного центра Чикагского университета *Ганс Моргентхау (1904-1980 гг.)*. Свою концепцию он изложил в работе «Политика наций. Борьба за власть и мир» (1948 г.) Школа «политического реализма» приобрела столь широкое влияние, что в западной литературе

с нею часто отождествляется современный классический подход к теории международных отношений, а концепции «идеалистов» декларируются как несущественные. Суть «политического реализма» в простой форме можно сформулировать следующим образом.

1. Структура международного сообщества: международные отношения понимаются «реалистами» как межгосударственные. Суверенные Нации, рассматриваются ими естественными субъектами этих отношений, в отличие от «идеалистов», которые преувеличивали значение международных организаций, число которых в XX в. резко возросло¹⁵⁵.

2. Высшим мотивом поведения государств в их взаимоотношениях является защита национальных интересов. Оппоненты «реалистов» справедливо критиковали недостаточную определенность понятия национального интереса, поскольку помимо общенациональных интересов, в которых совпадают интересы классов и социальных групп, элиты и широких слоев общества, есть другие, несовпадающие интересы.

3. Главным фактором, определяющим развитие международных отношений, являются сила, или мощь (главным образом в ее военном выражении). Борьба за силовое преобладание на международной арене и воплощает собой защиту национальных интересов. По мнению «реалистов», эта борьба соответствует человеческой натуре и, все те, кто не признает ее реальность, впадают в наивные и опасные для государства иллюзии.

Британский ученый Д. Шварценбергер выразил суть «реалистического» подхода в самом названии своей работы: «Политика силы», где он так объяснил ее основную идею: «Наше исследование эволюции и структуры международного сообщества привело к выводу о том, что его главным законом является сила»¹⁵⁶. То есть школа «политического реализма» в Великобритании развивалась не только под влиянием Г. Моргентау, но и имела национальную традицию, что позволяет называть ее *англосаксонской*. Это течение, представленное в США Г. Моргентау, Д. Кеннаном, Р. Осгудом, Р. Страус-Хюпе, после Второй мировой войны распространило влияние во всем западном научном и политическом мире.

¹⁵⁵ К концу XX в. их число достигло 4,5 тысяч (Прим. автора)

¹⁵⁶ Schwarzenberger G. Power Politics. L., 1941. P.138.

В советской научной литературе обращалось внимание на то, что традиции «политического реализма» восходят в первую очередь к учениям Н. Макиавелли и Т. Гоббса¹⁵⁷. Другое мнение, высказанное в коллективной монографии «Современные буржуазные теории международных отношений» (1976 г.), утверждает, что необходимо пренебречь собственными поисками «реалистов», а в числе своих идейных предшественников они называют Н. Макиавелли, Т. Гоббса и даже древнегреческого историка Фукидида. Американские концепции «политического реализма» и их европейские вариации можно считать реалистичными потому, что они отражали обычный для истории порядок вещей.

Многовековой опыт государственного поведения, в западной цивилизации восходящий своими истоками к античной мудрости *si vis pacem, para bellum* (хочешь мира - готовься к войне), доказывает, что в истории взаимоотношений между народами сила всегда являлась в конечном счете главным их регулятором. Полагаем, что англо-американская школа «реализма», опираясь на политическую философию Нового времени, выдвинула в объяснении международных отношений прошлого и первой половины XX в. более убедительную точку зрения, чем та, что предлагали «идеалисты». Например, до подписания в 1928 г. пакта Бриана-Келлога (к нему присоединился и СССР) обращение государств к силе ради обеспечения национальных интересов, так называемое «право на войну» (*jus ad bellum*), в международном праве рассматривалось законным. Гитлеровская агрессия превратила пакт Бриана-Келлога¹⁵⁸ в бесполезный документ, и это обесценило концепции американских международников — «идеалистов».

Главное в том, что, вся совокупность международных обстоятельств, одни из которых были порождены Второй мировой войной, а другие явились результатом длительного исторического развития,

¹⁵⁷ Кокошин А.А.. 0 буржуазных прогнозах развития международных отношений. М., 1978. С.12

¹⁵⁸ договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; получил название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога. Подписан 27 августа 1928 г. представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны). Заключение договора означало первый шаг на пути создания системы коллективной безопасности в Европе.

предопределили приоритет «политического реализма» в послевоенной американской научной литературе.

Во-первых, Вторая мировая война положила конец изоляционизму, и США, став автором создания в 1949 г. Североатлантического пакта (НАТО), впервые в истории в мирное время вступили в военно-политический союз с европейскими странами.

Во-вторых, США стали реальной сверхдержавой, прикрывая претензии на мировое лидерство задачей «сдержать» коммунизм, согласно известной формулировке *Джорджа Кеннана* (1904-2005 гг.) (containment policy)¹⁵⁹.

В этих условиях политический реализм отражал не просто классический взгляд на международные отношения, но и особенность периода, в котором сосредоточивались и противостояли невиданные в истории военные силы. «Холодная война», начавшаяся в 1946-1947 гг., «повысила цену» и приоритет силы в отношениях на мировом уровне. Она также служила психологическим стимулом мышления категориями силы.

По мнению одного из видных «реалистов» Р. Огсгуда, то было время, когда произошла невиданная «интенсификация борьбы за силу». Именно в этот момент и была опубликована книга Г. Моргентау «Политика наций. Борьба за власть и мир», ставшая классикой международных отношений.

В зарубежной литературе, редко упоминается то, что последователь Макиавелли и Гоббса, кем его чаще всего представляют, писал работу, размышляя о возможностях установления международного мира в середине XX в. с помощью ограничения применения силы и путем преобразования международного сообщества на принципах наднациональной власти.

Из десяти глав проблеме мира так или иначе посвящено шесть, причем на семи страницах первой главы, по существу представляющей собой введение, автор определяет двойную цель исследования:

¹⁵⁹ см. Кеннан Дж. Истоки советского поведения // США: экономика, политика, идеология. 1989. №12

понять международную политику; и понять проблему международно-го мира.

Названия большинства глав говорят о многом: «Ограничение международной власти¹⁶⁰: международная мораль и мировое общественное мнение» (гл. V), «Ограничение международной власти: международный закон» (гл. VI), «Проблема мира в середине XX столетия: мир посредством ограничения» (гл. VIII), «Проблема мира в середине XX столетия: мир посредством преобразований» (гл. IX), «Проблема мира в середине XX столетия: мир посредством аккомодации», т.е. путем соглашений, дипломатии (гл. X)¹⁶¹.

Таким образом, отделенные от общего контекста рассуждений Г. Моргантау о мире, интерпретации его идеологии как консервативной и исходящей из утверждения об агрессивной природе человека схематичны и не отражают всей сложности «политического реализма». Размышляя о проблемах установления мира в ядерную эпоху, основатель школы «политического реализма» predetermined создание движения «Peace research», впоследствии приведшее к образованию Международной ассоциации исследований проблем мира.

Г. Моргантау изначально отвергал «идеалистический» и «легалитский» подходы к объяснению процессов международных отношений. Кстати, еще в начале 1930-х гг. он ставил вопрос о реальности норм международного права¹⁶². Проникнуть в суть проблем мира, значит понять истинную природу взаимоотношений суверенных наций, основанных на проявлении национальной мощи. Категория национальной мощи - отправная точка рассуждений Г.Моргентау.

Ключевой для понимания его концепции термин «power» имеет двойной смысл, и в одном случае означает власть, в другом - мощь, или силу. Сам Г. Моргантау так объяснил термин «власть»: «Под понятием власть мы имеем в виду власть человека над мыслями и поступками других людей, т.е. феномен, который обнаруживается вся-

¹⁶⁰ Буквальный перевод термина international power как «международная власть», вероятно, не совсем точен по своему смыслу, поскольку в контексте концепции Г.Моргентау речь все же идет о применении государствами национальной мощи (national power) или власти в международной сфере

¹⁶¹ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1948.

¹⁶² Morgenthau H. La realite des normes en particulier des norms du droit international. Paris, 1934.

кий раз, когда человеческие существа вступает в социальный контакт друг с другом. Мы говорили «власть нации» или «национальная власть», имея в виду, что эта концепция здесь самоочевидна и достаточно объяснена тем, что мы подразумевали под властью вообще»¹⁶³.

Как можно объяснить стремление наций к власти и что такое сама нация? Поставив эти вопросы, Г. Моргентау не претендует на однозначный ответ. Его несомненный вклад в теорию международной политики как «борьбы за власть» прежде всего состоит в определении составляющих элементов мощи. Г. Моргентау выделил восемь ее элементов:

- 1) география;
- 2) природные ресурсы;
- 3) промышленные мощности;
- 4) военный потенциал;
- 5) численность населения;
- 6) национальный характер;
- 7) моральный дух нация;
- 8) качество дипломатии¹⁶⁴.

Из перечисленных элементов видно, что неоправданно интерпретировать понятие «мощи», по Г. Моргентау, примитивно-механистически, ограничиваясь лишь ее физическими показателями. По крайней мере три элемента из восьми (национальный характер, моральный дух нации и качество дипломатии) являются факторами нематериального порядка, или, по словам самого автора, «человеческими факторами». Описывая первый - географический - элемент национальной мощи, Г. Моргентау многое принял из концепций геополитики, отмечая тем не менее ее недостаточность в объяснении международной политики. На примере России он раскрывал роль обширного пространства в войне, которое являлось источником ее великой силы: «Подобное особенно проявилось в завоеваниях Наполеона и Гитлера, которые преследовали не ограниченные задачи, но нацеливались на само существование России как нации, что произвело довольно стимулирующий эффект на русское сопротивление»¹⁶⁵.

¹⁶³ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. P. 73

¹⁶⁴ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. P 80 -

¹⁶⁵ Ibid. P. 81.

Приводя пример влияния природных ресурсов на международную политику, Г. Моргентау цитирует известное высказывание французского премьер-министра Жоржа Клемансо: «Одна капля нефти стоит одной капли крови наших солдат». Превращение нефти в необходимое сырье вызвало сдвиг в относительной мощи политически лидирующих наций¹⁶⁶.

Считаем важными размышления автора о трех «человеческих» элементах мощи, в особенности о национальном характере и национальной морали: «Из трех человеческих факторов качественного свойства, определяющих национальную мощь, национальный характер и национальная мораль отличаются неуловимыми чертами с точки зрения их рационального прогнозирования и постоянным и часто решающим влиянием, которое нация в силах оказать в сфере международной политики. Мы не касались здесь вопроса относительно того, какие факторы формируют национальный характер. Мы лишь интересовались фактом - оспариваемым, но, как нам кажется, бесспорным, - что некоторые качества интеллекта встречаются чаще и проявляются сильнее у одной нации, чем у другой»¹⁶⁷.

Г. Моргентау акцентирует внимание на то, что национальный характер весьма устойчив во времени, отмечая, что «те политические и военные пристрастия германских племен, о которых писал древнеримский историк Тацит, столь же характеризовали армию Фридриха Барбароссы, как и войска Вильгельма II и Гитлера»¹⁶⁸. Он отметил соответствие национальных трендов философских школ Германии, Великобритании, Франции особенностям государственного устройства и политики этих стран: «Авторитаризм, коллективизм и преклонение перед государством в немецкой философии отражались в традиции автократического правления, в раболепном принятии любой масти столь долго, сколь ока воспринималась волевой и сильной, вместе с тем они отражались в недостатке гражданской смелости, пренебрежении индивидуальными правами, отсутствии традиции политических свобод»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Ibid. P. 84

¹⁶⁷ Ibid. P. 96

¹⁶⁸ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. P.96

¹⁶⁹ Ibidem.

В отличие от национального характера национальная мораль, по Моргентау, больше выражает духовное состояние страны в определенный момент и в качестве элемента национальной мощи определяется как «степень решимости, с которым нации поддерживают внешнюю политику своих правительств в дни мира или войны»¹⁷⁰.

Считая особо важным последний элемент национальной мощи – «качество дипломатии», автор «Политики наций» подчеркивал, что «успехи дипломатии в сохранении мира зависят, как мы видели, от необыкновенных моральных и интеллектуальных качеств, которыми должны располагать участвующие в этом процессе лидеры»¹⁷¹. Однако, дипломатический церемониал, политика престижа, включающая и блеф, идеология являются проявлением «борьбы за власть» между нациями¹⁷².

Предложив такую схему национальной мощи, Г. Моргентау предостерегает против типичных ошибок в ее оценках. Одной из самых распространенных, с его точки зрения, является недооценка относительного и временного характера мощи, тенденция рассматривать ее как постоянную и абсолютную величину¹⁷³. Например, Франция в 1940 г. подверглась молниеносной оккупации, некорректно оценив силу своих вооруженных сил, сравнив с уровнем последнего года Первой Мировой войны и недооценив военную мощь Германии.

Значимость человеческих факторов дифференцируется во внешнеполитических возможностях в зависимости от государственных устройств, идеологий, особенностей национальных культур и цивилизаций.

В любом случае столкновения и взаимоотношения наций в международной политике приводят к балансу сил различной конфигурации. Другими ограничителями мощи государства являются международные законы, мораль и мировое общественное мнение, но только

¹⁷⁰ Ibid.P.100

¹⁷¹ Ibid. P. 444

¹⁷² Другой видный «реалист» Д.Болл в понятие мощи включал культуру, политические идеи, образование. Кстати сказать, президент США Д. Кеннеди, которого некоторые исследователи относят к сторонникам школы «политического реализма» из числа его либеральных представителей, в своей политике «новых рубежей» употребил понятие «относительной силы наций». Ее элементами он, в частности, считал престиж страны в глазах окружающего мира и привлекательность образа жизни.

¹⁷³ Morgenthau H. Op.cit. P., 112

баланс сил способен гарантировать «хрупкий мир в сообществе суверенных наций»¹⁷⁴.

Г. Моргентау заключает, что «настолько, насколько мы имеем дело с реальными симптомами, их разрешение предполагает существование интегрированного международного сообщества, которого сейчас нет»¹⁷⁵.

Признавая, что «дипломатия - лучшее средство сохранения мира, которое сообщество суверенных наций может предложить», он считал его «недостаточным, особенно в условиях современной мировой политики и современной войны»¹⁷⁶. По его мнению, только тогда, когда нации откажутся от средств разрушения в пользу высшей национальной власти «Мирового государства» - а это означает, что они отказались бы от своего суверенитета - только тогда международный мир мог бы быть столь же надежным, как «внутренний мир» государства в его нормальном состоянии. Заколдованный круг мировой политики заключается в том, что постоянный мир невозможен без «Мирового государства», а оно недостижимо без миротворческого процесса дипломатии¹⁷⁷.

Автор «Политики наций» заключил свою книгу выдержкой из речи У. Черчилля, произнесенной в Палате общин 23 января 1948 г. в разгар «холодной войны», в которой лидер британских консерваторов и бывший премьер-министр Великобритании призывал сплотиться Запад и не вдаваться в бесполезные идеологические дискуссии с коммунистами, но искать с ними соглашения на «реалистической базе», хорошо понимая, что они будут его соблюдать ровно столько, сколько им это будет выгодно¹⁷⁸.

Г. Моргентау, применивший классическую идею «равновесия сил» к международному положению после Второй мировой войны, выдвинул понятие двухблоковой (до образования НАТО (1949г.) и Варшавского договора (1955г.)) системы международных отношений с двумя полюсами: США и СССР.

Обращаем ваше внимание на значительную эволюцию этого направления, особенно с 1960-х гг. Г. Моргентау, его коллеги и по-

¹⁷⁴ Ibid. P. 444.

¹⁷⁵ Ibidem

¹⁷⁶ Ibid. P. 445

¹⁷⁷ Ibidem

¹⁷⁸ Ibidem

следователи продемонстрировали действительный реализм, оценивая крупные изменения в международных отношениях, произошедшие в 1960-е гг. И особенно после поражения США во Вьетнаме (1974 г.), хотя и до этой войны такие ведущие теоретики «мощи», как Г. Моргентау и Д. Кеннан, предостерегали против военной эскалации США в Индокитае.

Во-первых, большинство «реалистов» отходили от интерпретации силовых отношений на мировом уровне исключительно как биполярных, считая, что биполярность сохраняется на военно-стратегическом уровне, но поскольку большая война между США и СССР была равносильна взаимоуничтожению. Поэтому, возможности США и СССР сковывалась, и в то же время расширялась свобода действий малых государств. Своеобразная реабилитация меньших сил и наряду с ней выявление новых достаточно мощных центров влияния (Западная Европа, Япония, Китай) вели, по мнению «реалистов», к возрастающей многополярности и полицентризму мира. Этот процесс может в одних регионах нарушать стабильность и способствовать конфликтам, в других - перемещать государства в системе коалиций. По мнению «реалистов» значение военных потенциалов снизилось, что повысило роль дипломатии, переговоров, тогда как в 1940-50-х гг. большинство мирных инициатив СССР или других стран отрицались «реалистами» как «бесполезные» и даже «вредные», так как носили иллюзорный характер. Г. Моргентау считал, что «шансы на разоружение равны нулю», а в дипломатии «реалисты» видели, по выражению известного американского международника Р. Осгуда, «мозг силы».

Во-вторых, «реалисты» признавали наряду с национальными интересами интересы мирового сообщества. «Новым аспектом термоядерного века является то, что США имеют также общие интересы с другими нациями, и эти интересы могут быть удовлетворены без ущерба для любой страны. Избежание термоядерной войны – главный пример таких общих интересов»¹⁷⁹, - отмечал Г. Моргентау в работе «Новая внешняя политика для Соединенных Штатов», опубликованной в 1968 г.

¹⁷⁹ Цит по: Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. М., 1976., С. 121

§ 2. Взгляды Раймона Арона на международные отношения

Французский социолог, историк и политолог, академик *Раймон Арон* (1905-1983 гг.) обеспечил себе собственное место в науке по

международным отношениям. Его размышления соответствовали «классическим» идеям «политического реализма», но впитывали в себя новые подходы. Основная работа Р. Арона по международным отношениям - книга «Мир и война между нациями»¹⁸⁰. Этот энциклопедический по сумме содержащихся в нем сведений труд - одна из немногих работ европейских авторов, которая широко известна и признана в США в качестве фундаментального исследования, кстати, в США

книгу перевели с подзаголовком «теория международных отношений».

Метаморфоза состоит в том, что ученый писал свою книгу с уверенностью, что теории международных отношений не существует. «Если считать, что научная теория есть гипотетически-дедуктивная система..., составленная из сумм предположений, категории которых строго определены и отношения между категориями (или переменными) чаще всего имеют математическую форму, то нигде нельзя говорить ни о какой теории международных отношений в том смысле, в котором можно говорить об экономической теории»¹⁸¹, - отмечал он после выхода в свет своей книги.

Р.Арон высказался за разнообразие подходов, полагая, что единая, общая теория практически недостижима, так как есть специфические качества в международной сфере. Будучи молодым студентом, Р. Арон, увлекался немецкой философией и неокантианством. Полагая, что монополия власти в международной сфере отсутствует, то проявляется больше случайностей и многообразия факторов, чем в любой

¹⁸⁰ Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1962

¹⁸¹ Revue française de science politique, octobre 1967. P. 854

другой социальной сфере. Он предложил *четыре уровня «концептуализации»*:

- 1) теоретические исследования международных отношений;
- 2) социология международных отношений;
- 3) история;
- 4) праксеология (т.е. прикладные социологические исследования).

На уровне теоретических знаний автор подчеркивал, что законность «применения силы составляет важнейшую особенность международных отношений». Исходя из этого Р. Арона, необходимо однозначно отнести к последователям «политического реализма». Но автор критически относился к идее формулирования ключевой концепции международных отношений на основе только одного критерия – силы: «Отношения между государствами не слишком сравнимы с поведением животных в джунглях. Политическая история не является точно такой же, как естественная»¹⁸².

Р. Арон признавал, что мощь, или сила, является одним из основных элементов в сфере международных отношений, но что «дипломатическое поведение никогда не продиктовано одним лишь соотношением сил».

Академик утверждал, что «национальный интерес» не является постоянным, устойчивым во времени: «Является ли содержание национального интереса неизменным в течение длительных исторических периодов? В наше время вместо того, чтобы повторять, что все государства, каким бы ни было их внутреннее устройство, имеют один и тот же тип внешней политики, необходимо было бы подчеркнуть более дополняющую, чем противоречащую истину: никто не поймет дипломатию - стратегию государства, если не узнает его режим, не изучит философию тех, кто в нем правит. Возводить в принцип идею, что руководители большевистской партии толкуют национальные интересы своего государства, как любые другие правители России, значило бы признать советскую практику лишенной интеллектуального содержания»¹⁸³. Ученый отмечал, что национальные интересы могут в течение нескольких лет заставить правительство полностью переориентировать свое участие в союзах и коалициях, хотя и

¹⁸² Aron R. Op. cit. P. 16

¹⁸³ Ibid. P. 581

считал, что существуют длительные интересы (поддержание «силы», «безопасность» и т.д.). Например, ориентация современного руководства Украины.

В чем же состоит оригинальность теоретического объяснения современных международных отношений ученого?

1. В вопросе структуры международных отношений, Р. Арон был сторонником «классических» взглядов, исследуя международные отношения как межгосударственные и полагая, что действие других факторов (ООН, неправительственные международные организации, транснациональные корпорации) никак не повлияли на базовую межгосударственную структуру. Межгосударственная структура в своей основе предполагает «естественное состояние», которое Т. Гоббс характеризует отсутствием организованной власти в отличие от внутренних устройств страны.

2. Межгосударственные отношения - это комбинации стратегии и дипломатии. Под стратегией понимаются любые формы политики силы (война или угроза применения силы). Дипломатия основана на силе и может использовать противоположные ей методы, которые направлены на мирное урегулирование, хотя и учитывают соотношения сил. Соответственно, комбинация дипломатии и стратегии в истории ведет к чередованию мира и войны.

3. Закономерным фактором международных отношений является стремление их к равновесию.

4. В современном международном сообществе есть признаки «переходного состояния», начальной эволюции к «организованному состоянию».

Ценностью работы «Мир и война между нациями» является критический анализ многих западных концепций, она современна и актуальна, это кладезь знаний для исследователей.

Р. Арон не принимал исключительное преобладание силы. Как и бихевиористы он рассматривал и анализировал политическое поведение, но главным для него являлись знания истоков политики. Вероятно, его умозаключения можно определить совершенисвование исторической социологии. Он создал комплекс из исторического и социологического подходов, расширил анализ систем международных отношений понятиями «однородности» и «неоднородности», о которых говорили американские ученые. Система будет однородной, если

участвующие в ней политические акторы придерживаются одинаковой политической культуры, морально-философских, идейно-политических ценностей и наоборот.

Анализ систем международных отношений по Р. Арону основывался на двух шкалах координат:

- 1) количестве полюсов сил;
- 2) однородности или неоднородности сил.

Очевидно, что введение вторых координат снижало степень абстрактности системных представлений о международных отношениях, вносило качественный параметр в оценку государств и коалиций (подсистем), входящих в одну глобальную (планетарную в терминологии Р. Арона) систему. Например, если воспользоваться его методикой, система международных отношений до Второй мировой войны должна характеризоваться как многополярная и разнородная, после войны - биполярная и разнородная с тенденцией к многополярности, отчетливо развивавшейся с 1960-х гг.

Чтобы полнее оценить важность и оригинальность теоретических взглядов Р. Арона полагаем, что необходимо проанализировать его последнюю работу «Последние годы XX в.» (1984 г.)¹⁸⁴, которая была опубликована уже после смерти ученого. В ней просматривается эволюция его взглядов на планетарную систему. Считая, что анализ, сделанный им в начале 1980-х гг., в основе по-прежнему отражает реальность, что «межгосударственная система является главной в анализе международной системы», он выделил наряду с ней «мировую экономическую систему». Этот новый элемент в концепции Р. Арона учитывал увеличение в последние десятилетия международных форм капитала и резкое повышение доли в мировом производстве транснациональных корпораций (ТНК). По его мнению, капиталистическая экономическая система является мировой, в отличие от социалистической, которую автор определил, как «нечто вроде обширного анклава».

Небезинтересно то, что Р. Арон поддерживал формулу мировой экономической системы «центр – периферия», которые были предложены еще марксистами. Ученый акцентировал внимание на том, что:

¹⁸⁴ Aron R. Les dernieres annees du XX-eme siecle. P., 1984

«Всякое богатство создается, вскармливается прибавочной стоимостью, изымаемой эксплуататорами у своих трудящихся и трудящихся периферии. Возникает аналогия между внутригосударственной и межгосударственной структурами. Эта скрытая теория не обнаруживается, во всяком случае, в такой форме ни у Маркса, ни у Ленина в «Империализме, как высшей стадии капитализма», но она вытекает из этой работы»¹⁸⁵.

Заглядывая в будущее и обозначая проблемы начала XXI в., полагая, что они будут «кровоточить» он назвал следующие: функционирование расистского режима в ЮАР и непримиримые противоречия между экономической зависимостью Латинской Америки, от США и ее бурным демографическим ростом.

Большинство западных ученых считают французского ученого патриархом и классиком в теории международных отношений, стараются не критиковать его умозаключения, но как у любого авторитетного ученого у него есть и авторитетные и уважаемые критики, в частности, известный французский исследователь международных отношений М. Мерль, считающий, что основная ошибка Р. Арона заключается в противопоставлении международной сферы внутригосударственной в вопросах власти. По мнению М. Мерля, различия между двумя сферами носят не качественный, а количественный характер, т.е. с его точки зрения международные отношения - особый тип социальных отношений¹⁸⁶.

§ 3. «Традиционализм» и «модернизм»

После Второй мировой войны размежевание теоретических подходов к объяснению природы и тенденций международных отношений на «классическую», «реалистическую» и школу политико-правового «идеализма» уступило место разделению ее на «традиционализм» и «модернизм».

¹⁸⁵ Цит.: Новиков Г.Н. Теории международных отношений: Учебное пособие - Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996.

¹⁸⁶ Merle M. Sociologie des relations internationales. P., 1988. P. 515.

Названные «традиционными» взгляды не составляют какого-то единого направления. Та классификация, которую отмечал советско-русский ученый-международник, *Андрей Афанасьевич Кокошин (род. в 1945 г.)*¹⁸⁷ в соответствии с которой «традиционализм» и «модернизм» являются двумя основными направлениями в западной науке международных отношений, является относительно условной. Полагаем, что это две группы направлений, которые развивались на основе политико-правового «идеализма» и политического «реализма». «Традиционные» подходы к рассмотрению международных отношений стали обозначаться таковыми в противопоставлении их так называемым «модернистским», или «научным» подходам.

Необходимо обозначить главный критерий, разделяющий первые - традиционные подходы от «модернистских». Он состоит в следующем: *прежние концепции основаны на чисто гуманитарных знаниях, философии, истории, праве, тогда как «модернистские» складывались исходя из междисциплинарных принципов, на основе всех социальных наук и использования в гуманитарных исследованиях методов естественных наук, в первую очередь, количественных.* Таким образом термин «модернизм» обозначает весь спектр концептуальных, методологических подходов и поисков в исследовании международных отношений, которые предложили американские и европейские ученые примерно с начала - середины 1950-х гг. с целью преодолеть умозрительность и ненаучность традиционных гуманитарных теорий, с помощью инструментов точных наук. Поэтому понятно почему синонимом «модернизма» в американской литературе употребляется термин «саентизм» (от английского слова science - наука). Н.И. Доронина считала, что хотя «модернистские теории весьма многообразны по своему содержанию, но их всех объединяет структурно-функциональный подход к исследованию международных отношений, предполагающий использование логико-математических средств и новейшей электронно-вычислительной техники»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Кокошин А.А. Указ соч. С. 12

¹⁸⁸ Доронина Н.И. Международный конфликт. М., 1981. С. 14

«Модернизм» не составляет одного направления, объединенного единой методологией, и, как полагает А. А. Кокошин, «модернистский» подход не следует полностью отождествлять с применением математических методов, с всеобъемлющим количественным анализом объекта изучения»¹⁸⁹. Широкое их использование, особенно в 1960-е гг. в американской науке международных отношений, составляет особенность ее развития, но не критерий «модернизма». Количественные методы уже применялись в экономике, социальной психологии, социологии и демографии.

Социологические теории Огюста Конта (1798-1857 гг.) и Эмиля Дюркгейма (1858-1917 гг.), начиная с XIX. в., пытались перенести их из социологии в другие общественные науки. Определяющее воздействие на формирование новых трендов в изучении международных отношений оказали общая теория систем 1930-х гг. Людвиг фон Бергаланффи (1901-1972 гг.), и кибернетика.

Они придали серьезный толчок развитию бихевиористики (от английского слова behaviour - поведение)¹⁹⁰, т.е. исследованиям поведения на индивидуальном, коллективном и общественном уровнях путем его измерений. Предвестниками т.н. «бихевиористской революции» в общественных науках, были американские психологи Чарльз Эдвард Мерриам (1874-1953 гг.), Гарольд Дуайт Лассуэлл (1902-1978 гг.), которые в 1920-е-1930-е гг., обосновали идею изучения политического поведения в качестве основного предмета исследований политической науки¹⁹¹.

Впитавшее в себя общую теорию систем, теорию информации и кибернетику, бихевиористское направление приобрело статус премия среди «модернистских» течений в изучении международных отношений. В самом бихевиористском направлении условно можно определить две группы исследователей:

1) ученых, использовавших нематематические концепции, например, на основе теории структурно-функционального анализа Толкотта Парсонса (1902-1979 гг.) и метода системного анализа политики Д. Истона;

¹⁸⁹ Кокошин А.А. Указ. соч. С. 25.

¹⁹⁰ Бихевиоризм, или бихейвиоризм - вначале научное направление в биологии

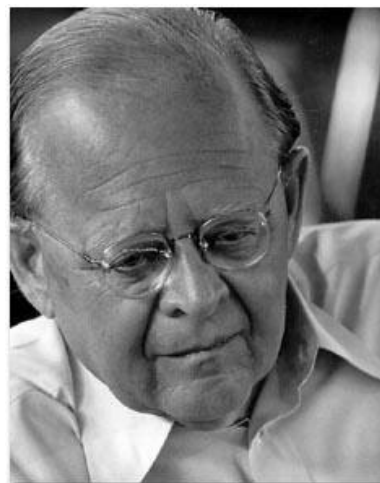
¹⁹¹ См.: Lasswell. H. Politics: Who Gets What, When, How. N.Y., 1958

2) ученых, использовавших количественные методы и математические теории, такие как теория игр Дж. фон Неймана или теория информации Н. Винера и У. Росса Эшби (К. Дойч, Л. Сингер, Д. Модельски, А. Рапопорт).

Полагаем, что стоит отказаться от четкой классификации «модернистских» направлений: это была лавина различных вариаций, слияние идей и методов точных и гуманитарных знаний, изменение усилий от разработки универсальной теории на основе историко-философских знаний к теории систем и одновременно к эмпирическим исследованиям, основанным на измерении данных, наблюдаемых вне их идеологического или философского значения.

Отказ от философии как фундамента изучения международных отношений, как считали советские международники, мог означать обращение к философии «неопозитивизма». «Модернизм» отличался от традиционных направлений стремлением к точным, эмпирическим доказательствам.

Наиболее авторитетным «модернистом», был *Карл Вольфганг Дойч*, профессор Массачусетского технологического университета, преподавал в Гарварде и Йеле, президент Американской ассоциации политологов (1969 г.) С 1977 до 1987 гг. он был директором Международного института сравнительных социальных исследований в научном центре в Берлине.. Он был сторонником эмпирических методов: «Современные методы хранения и возвращения информации, электронные компьютеры делают возможным обращение большого объема данных, если мы знаем, что мы хотим с ними сделать, и если мы имеем адекватную политическую теорию, способную помочь формулировать вопросы и интерпретировать получаемые выводы. Компьютеры не могут быть использованы как замена мышления, так же как данные не могут заменить оценки. Но компьютеры могут помочь нам осуществить анализ, который предлагает теории новое мышление... Доступность больших масс, соответствующих данных и компьютерные методы их обработки открывают широкие и глубокие основания для политической теории, в то же время это отличается от теории более широкими и сложными задачами»¹⁹².

¹⁹² Цит. по: Современные буржуазные теории международных отношений. С. 34

Большинство «традиционалистов» (Г. Моргентау и др.) отвергли или скептически относились к применению в изучении международных отношений методов, заимствованных из экономики, социологии и психологии.

Уже цитируемый нами французский ученый М. Мерль высказался по поводу неприятия этих методов «политическими реалистами», что «было бы абсурдно оправдывать интеллектуальной традицией нехватку исследовательского инструментария», который расширяет эти методы. Им были высказаны сомнения в возможности квантифицировать данные о международных отношениях из-за отсутствия многих статистических показателей или ненадежности статистики во многих странах, необъятного масштаба и сложности международной сферы¹⁹³.

Так в чем же состояли аргументы «традиционалистов» и «модернистов»

Аргументы «традиционалистов»

1. Количественные и другие методы, взятые, в основном, из экономической науки, чужеродны науке международных отношений, в которых отсутствует иерархия и организация, свойственные отношениям внутри государства (социально-экономическим или политическим).

2. В международных отношениях проявляются, кроме материальных, и нематериальные факторы (национальные чувства, воля политических лидеров), которые трудно подвергнуть систематизации, их сочетание носит неповторимый характер и поддается лишь качественным оценкам

3. Различие между нациями (национальный дух, традиции, культура) также носит качественный характер.

4. Внешняя политика государства выступает как исторически обусловленная целостность, ее невозможно квантифицировать, так же, как и силу (мощь).

Аргументы «модернистов»

1. У традиционных подходов ненадежен научный инструментарий, критерии оценок умозрительны, понятия и термины расплывчаты.

2. Анализ современных международных отношений происходит на основе устаревших представлений.

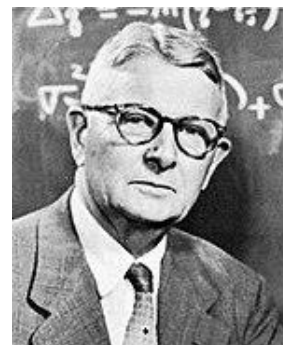
3. Неприменимость теорий традиционалистов, в частности «реалистов», для квантификации.

4. Ограниченность предсказательной возможности концепций традиционалистов, обобщения их непроверяемы.

¹⁹³ См: Merle M. Sociologie des Relations internationales. P. 105

Рассмотрим самые важные этапы формирования американского «модернизма».

Первым ученым, применившим «модернистские» подходы, стал известный историк и социолог профессор Чикагского университета *Куинси Райт* (1890-1970 гг.), который издал в 1942 г. работу «Исследование войны» в двух томах. Будучи экспертом в военной области он систематизировал все имеющиеся у него данные о военных конфликтах в мировой истории. Затем, используя структурно-функциональный метод анализа, он выдвинул междисциплинарный подход к изучению международных отношений, который объединял эмпирические данные, их обобщение и разработку общей теории. К. Райт сфокусировал свое внимание на создании общей теории международных отношений и обозначил дисциплины, необходимые для создания научной теории, т. н. «теорию поля» международных отношений. Это:

- 1) международная политика,
- 2) военное искусство,
- 3) искусство дипломатии,
- 4) внешняя политика государства,
- 5) колониальное управление,
- 6) международные организации,
- 7) международное право,
- 8) мировая экономика,
- 9) международные коммуникации,
- 10) международное образование,
- 11) политическая география,
- 12) политическая демография,
- 13) технократия,
- 14) социология,
- 15) психология,
- 16) этика международных отношений.

Ученый определил одной из целей данной интегрированной науки возможность заглянуть в будущее. Являясь пацифистом, резко выступал против «холодной войны», критиковал внешнюю политику США, и особенно войну во Вьетнаме.

Существенным этапом в утверждении «модернизма» стала работа профессора Чикагского университета *Мортона Каплана* (1921-

2017 г.) «Система и процесс в международной политике»¹⁹⁴(1957 г.). В ней впервые был сформулирован системный подход в исследовании международных отношений на основе общей теории систем, а если быть более точным - ее варианта, предложенного в сочинении У. Росса Эшби «Конструкция мозга»¹⁹⁵(1952 г.).

Оригинальность метода М. Каплана в том, что он просматривает преемственность между новым подходом и традиционным «реализмом», так как в основе его умозаключений лежит фундаментальный тезис «классической» теории – «баланс сил». М. Каплан отметил, что с XVIII в. в международных отношениях складывались глобальные системы, которые, видоизменяясь, оставляли свое главное качество – «ультрастабильность». Используя кибернетическое понятие («вход – выход»), он постарался точно, определить основные правила оптимального поведения государств («акторов») в системе «баланса сил», существовавшей с XVIII в. до Второй мировой войны и определил шесть правил нормального функционирования системы, в которой должно быть минимум пять акторов, согласившимися со следующими правилами:

- 1) наращивать силу, но по возможности предпочитать переговоры ведению боевых действий;
- 2) лучше вступать в войну, чем упускать шанс увеличивать силу;
- 3) лучше прекращать войну, чем исключать из системы основного национального актора (против которого применялась сила);
- 4) препятствовать любой коалиции либо актору, которые стремятся занять господствующее положение в международной системе;

¹⁹⁴ Kaplan M. System and Process in International Politics. N.Y., 1957.

¹⁹⁵ Издана в русском переводе: Эшби У. Росс. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М., 1962

5) сдерживать акторов, которые применяют наднациональные принципы организации и поведения;

б) позволять побежденным или ослабленным основным акторам занять свое место в системе в качестве партнеров и помогать второстепенным акторам повышать свой статус.

По итогам Второй мировой войны, - сложилась вторая глобальная международная система в истории, которая была названа М. Капланом, как «свободная (или «слабо связанная») биполярная система» - в ней биполярность ограничивалась действием ООН и силой участников, стран-акторов, остававшихся нейтральными.

Кроме двух реальных исторических систем М. Каплан предложил четыре гипотетических или возможных, которые могут образоваться из «свободной биполярной системы»:

1) жесткую биполярную систему, в ней акторы втянуты в тот или другой блок, и нейтральная позиция исключена (система менее устойчива, чем «свободная биполярность»);

2) универсальную международную систему конфедеративного типа;

3) иерархическую систему с господством одного блока, где национальные государства оказались бы на положении автономных,

4) систему «вето» или многополярную систему, в которой увеличивается число держав, располагающих ядерным оружием и оказывающих ядерное сдерживание.

Позднее М. Каплан дополнил эти модели 4 вариациями:

1) Очень свободная биполярная система, где возрастает степень ядерного равновесия, ослабляются блоки, частичное распространение ядерного оружия.

2) Система ослабленной напряженности (или разрядки), предполагает эволюцию в сверхдержавках («либерализацию» СССР и демократизацию внешней политики США), которые позволяют ограничить вооружения до минимального уровня.

3) «Неустойчивая система блоков», т.е. продолжающаяся гонка вооружений и возрастание напряженности.

4) Система неполного распространения ядерного оружия (15-20 стран). Она подобна предыдущей системе, но в ней ядерные потенциалы сверхдержав не достигают уровня способности нанести первый удар, и в ней возможно возникновение коалиций между сверхдержа-

вами и малыми ядерными странами, отчего вероятность войны еще более возрастает.

«Реалистов» не устраивала и не вдохновляла абстрактность моделей Каплана. Так, Х. Булл, ученый из Австралии, но работавший в Лондонском Институте стратегических исследований, критиковал его за то, что его модели «оторваны от реальности и неспособны развить никакого понимания динамики международной политики или моральных дилемм, порожденных этой динамикой»¹⁹⁶.

М. Каплан абсолютно не планировал стать истиной в последней инстанции и реалистически рассматривал возможности научного предвидения с помощью системного моделирования. Подчеркивая неспособность любой теории международных отношений предсказать будущее в его конкретных проявлениях, он ограничивал прогностическое значение своих гипотетических моделей знанием: 1) условий неизменности системы, 2) условий изменения в системе, 3) характера этих изменений.

Методология М. Каплана имела познавательную ценность, давала возможность предугадать дальнейшее развитие международных отношений. Стоит отметить, что из восьми гипотез полностью была реализована лишь одна - свободная биполярная система; говоря о других, то можно констатировать реализацию отдельных частей, но современное развитие мирового сообщества подтверждает правильность взятого ученым направления.

С конца 1950-х гг. в США начинается процесс активизации исследований международных отношений на основе новых методов. Опубликованы сотни и тысячи работ, сформированы университетские школы, которые подразделяются как по методологическим критериям, так и по предметам исследования. Неоднократно предпринимались попытки классификаций. Наиболее оригинальную и подробную классификацию работ обнародовал известный специалист-международник из США *Брюс Рассет*, составивший социометрическую таблицу индекса цитирования более 70 авторов. Избрав для этого публикации 1968-1986 гг., он условно распределил всех ученых на 12 групп по критериям методологии или объекта исследования, причем из них 15 авторов одновременно причислялись к двум группам, 9

¹⁹⁶ Bull H. Plaidoyer pour l'approche classique // Brailard Ph. *Theorie des relations Internationales*. P., 1977. P. 37

- к трем группам. Самую многочисленную группу составили ученые Йельского университета или аффилированные с ними, в основном занимавшиеся «международной интеграцией» (16 человек)¹⁹⁷.

Другую подробную классификацию дал американский международник *Ф. Берджес*, выделивший семь направлений («познавательный рационализм», изучение поведения с точки зрения его целей, причин и т. д.), «теорию силы», изучение процесса принятия решений, теорию стратегии, теорию коммуникаций, теорию поля, теорию систем (М. Каплан и его последователи)¹⁹⁸.

Использование системного подхода явило собой огромный сдвиг как в теории, так и в методологии изучения международных отношений - отход от «государственно-центричных» взглядов на международные отношения как на «сумму» внешних политик государств.

Другой важной заслугой сторонников системного подхода стало расширение представления об акторах международной системы, определяя таковыми помимо государств, международные организации, негосударственные политические силы (например, политические партии), религиозные организации и экономические силы, транснациональные корпорации.

Дэйвид Сингер (1925-2009 гг.), профессор Мичиганского университета (США) в 1961 г. опубликовал статью, которая получила очень высокую оценку в научных

кругах. В ней он поделился своей мыслью об «уровнях анализа», объединяющих две области - международные системы и национальное государство. Д.Сингер выделил основную границу в поисках явлений, влияющих на международную политику: 1) явления внутренние, про-

¹⁹⁷ Современные буржуазные теории международных отношений. С. 76-78

¹⁹⁸ Там же. С. 81-82

исходящие внутри границ государства, 2) внешние явления, происходящие за границей государства¹⁹⁹.

Использование принципа общей теории систем раздвинуло границы представления об участниках международных отношений, раскрыло понимание их структуры, и подвело специалистов к формированию понятия «окружающая среда».

Эксперты называют этот подход методом *Дэйвида Истона* (подробнее смотри ниже) нашедший свое развитие в его работе «Системный анализ политической жизни». Рассматривая международные и межгосударственные отношения само понятие «окружающей среды» приобретает новые грани. Это понятие возможно видится простым для государства, определенным для групп государств или коалиций, и более сложным («внешняя среда») для системы международных отношений. Так как же можно определить понятие «внешней средой» для глобальной системы международных отношений? В специализированной литературе пока не найти одинакового ответа.

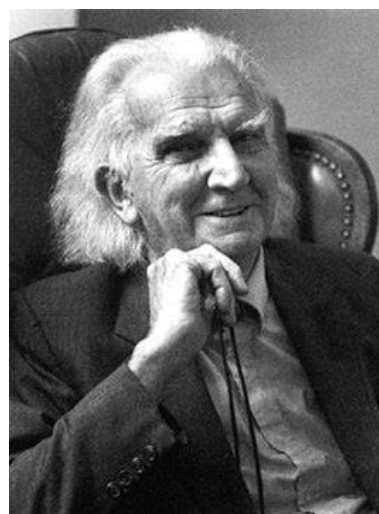
Естественно очевидна условность разделения направлений «модернистских» (бихевиористских) исследований международных отношений по двум критериям - методологии и теории. Теория и есть методологическая основа познания. В частности, рассмотрение процесса принятия внешнеполитических решений могут определяться и как методологический принцип, и как теоретическое направление. Но, в теоретических умозаключениях имеют определенный предмет исследования, а в методологии он отсутствует. «Классический» подход изучения международных отношений в США и Европе всегда имеет ориентацию на общую теорию.

Существует огромное количество частных теорий и методик исследования мировой политики и международных отношений (к началу 1960-х гг. их было около тридцати). Но выделяются несколько главных. Это: теория международных конфликтов, теория интеграции, теория принятия внешнеполитических решений, теория внешней политики. Существует такое отдельное направление, как исследование проблем мира («Peace research»), которое выделилось из исследований международных конфликтов.

¹⁹⁹ Singer D. The Level of Analysis Problem in International Relations /Knorr K. and Verba S. The International System. Princeton. 1961. P. 77-92.

Каковы же отличительные черты частных теорий международных отношений?

Важнейшей и наиболее востребованной является *теория международных конфликтов*. Определенно, конфликтология – это целая отрасль международных исследований, анализирующих конфликт как социальное явление и поведение во всех общественных сферах. В западноевропейской и американской научной литературе разработана т. н. «общая теория конфликта», определяющей методологией которой являются системный, структурно-функциональный подходы в сочетании с бихевиористско-кибернетической методиками. Бихевиористское направление нашло отражение в публикациях основанного в 1957 г. американского «Журнала по разрешению конфликтов» («Journal of conflict resolution»). Международные конфликты пользовались приоритетом на страницах журнала, который стал авторитетным научным изданием как в области изучения конфликтов, так и в исследованиях международных отношений. Одним из наиболее известных его авторов стал конфликтолог, профессор Гарвардского и Мичиганского университетов англичанин *Кеннет Боулдинг (1910-1993 гг.)*²⁰⁰.

Тема международных конфликтов в 1970-80-е гг., заинтересовала не только западных ученых, но и советских ученых-международников²⁰¹. Эксперты по данному вопросу утверждали, что в период международных конфликтах получают свое развитие основные тренды генезиса и противоречия международной сферы. Принимая во внимание, что военная проблематика рассматривалась как часть конфликтологии, то теорию международных конфликтов естественно стоит исследовать на уровне общей теории международных отношений.

²⁰⁰ См.: Boulding K. Conflict and Defense: a General Theory. N. Y. and L., 1988

²⁰¹ См.: Международные конфликты. М., 1972; Журкин В.В. США и международно-политические кризисы. М., 1975; Кременюк В.А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций 1945-1976. М., 1977; Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978; Доронина Н.И. Международный конфликт. М., 1981; Современные международные конфликты. М., 1983.

Изучение международных конфликтов ставит перед собой определенные прикладные цели. Соответственно в зарубежной конфликтологии с прикладной точки зрения чаще всего в начале различались три уровня анализа: 1) анализ причин, структуры и динамики конфликтов;

2) разработка методики их урегулирования (ООН, международный суд в Гааге, переговоры, применение международно-правовых норм, сила);

3). предупреждение международных конфликтов. Идею возможности предотвращения конфликтов и объективной необходимости разработки для этого практических средств сформулировал директор Центра по изучению конфликтов при Лондонском университетском колледже *Дж. Бертон*²⁰².

Непререкаемым авторитетом по *теории международной интеграции* в англо-саксонской литературе является К. Дойч. Стоит отметить лишь некоторые его работы, посвященные данной теории: «Политическое сообщество на международном уровне. Проблемы определения и измерений», «Политическое сообщество и североатлантическое пространство. Международная организация в свете исторического эксперимента», «Национализм и социальная коммуникация»²⁰³.

Он считал, что не существует никакого общего закона для развития кооперации и интеграции. К. Дойч лишь определил необходимые для этого условия. Среди них: общность политических ценностей, психологические факторы, развитие торговли, интенсивность культурного обмена и обмена идеями. Ученый предложил тезис о преобладании факторов коммуникации в создании политических сообществ, сплоченности, рассматривая языковое общение прежде всего с точки зрения обмена информацией. У каждой нации и народности существуют особыми, присущие только им, коммуникативные средства, выраженные в коллективной памяти, символах, привычках, традициях, обрядах и т.д.

Американские авторы, *Р. Кобб* и *Ч. Элдер*, провели сравнительный анализ взаимоотношений, определенных ими пятидесяти госу-

²⁰² См. Burton J. W. Conflict: Resolution and Prevention. L., 1990.

²⁰³ Deutsch K. Political Community at the International Level. Problems of Definition and Measurement. N.Y., 1954; Idem et al. Political Community and the North Atlantic Area. International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, 1957; Idem. Nationalism and Social Communication. Cambridge. 1962

дарств мира и взаимоотношения внутри НАТО. Преобладающими оказались два фактора: 1) предшествующее сотрудничество, 2) экономическая мощь.

Учитывая, что «предшествующее сотрудничество» является результатом действия других факторов, то остаются два основных по уровню корреляции фактора (экономическая и военная мощь).

Другие авторы подчеркивают преобладание фактора ведущей политической силы, центра интеграции. С этих позиций рассматривал историю США, Канады, Австралии и ЮАР исследователь из Бельгии *Ж. Барреа*, полагавший, что в интеграционных процессах можно выделить направление развития вокруг «ядра сферы» (core area), которым может быть мощное государство, втягивающее в свою орбиту окружающие его территории.

Исследования по *теории принятия внешнеполитического решения* дифференцируются на «чисто научные», т.е. анализ реальных процессов, и научно-прикладные, разработка методики для оптимизации принятия решение. В англо-американских исследованиях есть несколько подходов к оценке процесса внешнеполитических решений.

«Метод операционного шифра» или «кода» приобрел популярность в 1940-50-е гг. Автором этого метода был социолог *Н. Лейтс*, который проанализировав русскую литературу и произведения большевиков восстановил систему ценностей лидеров СССР и попытался понять их восприятие внешнего мира. Главной целью было создание обобщающего образа «большевистского восприятия», для того, чтобы исследовать поведение советских лидеров. Позже, этот подход видоизменился в психологический тест из десяти вопросов, задаваемых с целью выяснения взглядов политического деятеля на мир. Существовали вопросы с философской подоплекой, в частности, «является ли политическая вселенная в сущности своей некоей гармонией или столкновением?», «предсказуемо ли будущее в политике?», «как далеко заходит возможность контроля или влияния личности на историческое развитие?». Были и вопросы, выясняющие чей-либо стиль поведения в мире политики: «Какой способ является самым лучшим для выбора, целей или объектов политического действия?»²⁰⁴.

На основе идей Макса Вебера и Т. Парсонса в середине 1950-х гг. *Р. Снайдер* представил социально-психологическую интерпрета-

²⁰⁴ Leites N. The Operational Code of the Politburo. N.Y. 1951

ция мотивов принятия решений. Этот метод предполагал оптимально возможный учет факторов при принятии решения через мировосприятие, актора, принимавшего решение. С 1960-х гг. Р. Снайдер занялся проблемой рационализации внешнеполитических решений²⁰⁵.

На Западе в дальнейшем наиболее популярны стали два подхода к оценкам принятия решений: бихевиористский, который сочетал со-

циально-психологические аспекты с кибернетическими понятиями, и теория рациональных решений на основе теории игр.

Автором бихевиористского метода с использованием кибернетических средств в анализе внешнеполитических решений и действий государства стал профессор Вашингтонского университета *Джордж (Ежи) Модельски (1926-2014 гг.)*. Ученый родился в Польше (г. Познань), а затем семья эмигрировала в США. Он использовал понятия «силы на входе» (средства государства для внешней политики) и «силы на выходе» (применение этих средств во внешнеполитических решениях)²⁰⁶.

Достаточно интересным является подход *Оле Рудольфа Холсти* (род. 1933 г.) из Стэнфордского университета к объяснению процесса принятия решений. Он выделяет три фазы. *Первая* - это толчок из внешней

среды. *Вторая* - восприятие воздействия внешней среды. *Третья* - интерпретация осознанного «толчка».

В США в 1960-70-е гг. получила распространение концепция бюрократического процесса принятия внешнеполитических решений (*Г. Аллисон, М. Гальперин, и другие*)²⁰⁷. В ней внешнеполитические действия рассматриваются как итог взаимодействия различных структур государства, фактически как компромисс интересов. Отмечая

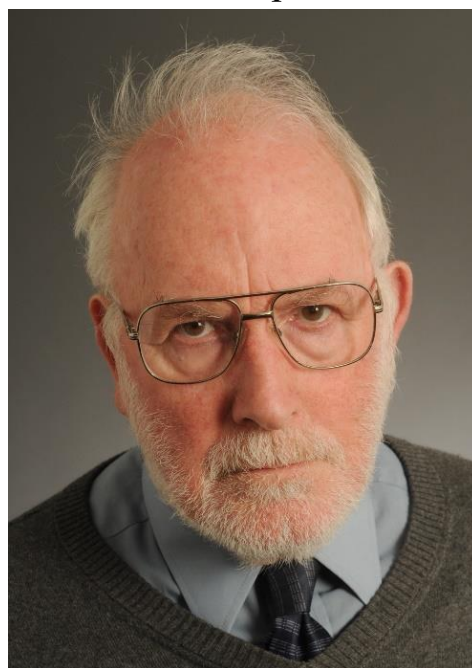
²⁰⁵ Furness E., Snyder R. American Foreign Policy and Decision Making. N.Y., 1954

²⁰⁶ Modelski G. A Theory of Foreign Policy, 1962

²⁰⁷ См.: Allison G. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston, 1971; Allison G., Halperin M. Bureaucratic Politics: A Paradigm and Some Policy Implications. Washington, 1972

важную роль бюрократии, авторы данной концепции определили основным объектом анализа процесса принятия решений те факторы, которые недооцениваются в социально - психологической интерпретации О. Холсти.

Более сложную модель процесса внешнеполитических решений разработал английский международник *Джон Бертон* - сторонник структурно-функционального анализа с помощью кибернетической схемы «стимул – реакция». Его оригинальность состоит в разработке концепции «векторов изменения», которые действуют извне на государство. Он делит изменения на первичные и вторичные. Первичные факторы – это изменения окружающей среды (география, геология, биосфера), вторичными факторами являются результаты социального взаимодействия человеческих обществ. Эта модель озвучена в его работе «Система, государства, дипломатия и правила»²⁰⁸.

Применение *теории игр* в анализе внешнеполитических решений - одно из самых распространенных направлений в международных отношениях. В их основу входят игровые и имитационные методы. Отмечаем, что методы рационального принятия решений с помощью математического аппарата могут применяться одновременно как методологическая основа в теории стратегии, переговоров, так они составляют и самостоятельные средства принятия решений.

Реальные международные события – это «игры» с ненулевой или переменной суммой, в которых участники могут добиться обоюдных выгод или обоюдно проиграть в отличие от игр с нулевой суммой, где выигрыш одного одновременно эквивалентен проигрышу другого. Существует много причин этому, в частности, отсутствие надежной информации о намерениях партнера или ее отставание от хода событий и т.п.

Анатоль Борисович Рапопорт (1911-2007 гг.), применяя к кризисным ситуациям теорию игр с ненулевой суммой, описал со своими

²⁰⁸ Burton J.W. Systems, States, Diplomacy and Rules.L., 1968, P. 118

коллегами известный пример, так называемую «дилемму заключенных», которая вошла во многие учебники и научную литературу на Западе²⁰⁹. Ее интерпретировали известные американские международники Б. Рассет и его соавтор Х. Старр. «Дилемма заключенных» помогает характеризовать ситуации, где присутствует конфронтация и тенденция к сотрудничеству, т.е. смешанные мотивы поведения, в условиях, когда игроки принимающие решения, лишены возможности координировать свои действия²¹⁰.

Моделируя на основе «дилеммы заключенных» «дилемму безопасности», американские эксперты столкнулись с проблемой ценностных измерений, необходимостью оценить, что считать наилучшим результатом, наилучшим или усредненным в военной конфронтации ядерных держав. Они пришли к следующим выводам: 1) «выход S» - оказаться в ситуации, когда противник способен нанести первый сокрушительный удар, 2) обладание способностью такого удара – «выход T» («искушение»), 3) отказаться от гонки вооружений и направить ресурсы на внутреннее развитие – «выход R» («награда», «успех»). Но в ситуации идеологической непримиримости и соперничества наиболее вероятной оказалась менее желанная, чем возможность достичь способности уничтожить своего противника, но достаточно приемлемая возможность продолжать гонку вооружений, что должно было препятствовать достижению противной стороной гарантированной способности нанести свой сокрушительный удар - (4-й «выход P – «наказание»).

Б.Рассет и Х.Старр оригинально анализируют гонку вооружений после того, как СССР создал свою ядерную бомбу. В 1950 г. научные советники президента США Гарри Трумэна сообщили, что они не могут создать новую мощную бомбу, в 100 раз более мощную, чем атомная (речь шла о водородной бомбе). Некоторые американцы предпочли бы быть единственными собственниками нового оружия, т.е. иметь «выход» T (искушение), но просчитали и такую ситуацию («выход» R – «награда»), когда ни одна из других стран не обладает этим оружием.

Но Советский Союз уже имел такой же научный потенциал в этой области, как и США, и потому обе стороны должны были дей-

²⁰⁹Rapoport A. Fights, Games and Debates. N.Y., 1960; Rapoport A/, Chammah A., Orwant C. Prisoner's Dilemma: A Study in Conflict and Cooperation. N.Y., 1965

²¹⁰ Russett B. and Starr H. Op.cit. P. 337.

ствовать. Американцы считали приоритетным развивать ядерные технологии и создавать водородную бомбу, если и СССР мог создать ее («выход» Р – «наказание»). Несмотря на расчеты американцев, что создание водородной бомбы подвергло бы их страну опасности в результате наличия нового оружия у сторон, это, Б. Рассетом и Х. Старром, рассматривалось лучшим «выходом», чем зависимость от милосердия русских («выход» С)²¹¹.

Сомневающиеся в реальной возможности подписать договор о запрете на создание водородной бомбы, обе стороны были вынуждены разрабатывать это оружие, так как-то, что они могли бы предпочесть, не существовало (договор). Каждый может много потерять, не доверяя другому, но рискует потерять еще больше, если доверие ошибочно.

Предложенный в 1986 г. М. Горбачевым проект неуклонного сокращения ядерного оружия с последующим его полным уничтожением к 2000 г. всеми странами, обладающими этим оружием, с точки зрения «дилеммы безопасности» был интерпретирован как совершенно нереалистический, и если не наивный, но рассчитанный на достижение других политических и пропагандистских целей.

В международной сфере ситуации осложняются, когда существует более одного партнера. А. Рапопорт, используя своих студентов, имитировал процессы принятия внешнеполитических решений, пришел к выводу о том, что международные акторы обычно ведут себя рационально и сохраняют минимум доверия по отношению к партнерам. Очевидно, что в реальных ситуациях возможности рациональных решений бывают осложнены рядом факторов, *во-первых*, острым дефицитом времени, необходимого для овладения складывающейся ситуацией, *во-вторых*, дефицитом достоверной информации, *в-третьих*, идеологическими мотивациями некоторых участников международных ситуаций, которые пренебрегают обычной логикой, даже риском, ради достижения экспансионистских целей. Можно видеть абсолютно нерациональное поведение некоторых лидеров в локальных конфликтах, стремящихся одержать верх даже ценой возрастания риска глобального конфликта, например, на Донбассе. Эксперты отмечают также такой нюанс в разработке теории принятия внешнеполитических решений, как неясность в отдельных случаях междуна-

²¹¹ Ibid. P. 339-342

родной жизни обстоятельств принятия решений, роли спонтанных реакций лидеров.

§ 4. Другие зарубежные теории международных отношений

В Западной Европе после Второй мировой войны, как и в США, существовало огромное разнообразие методологических и теоретических подходов к изучению международных отношений. Попытаемся проанализировать европейские исследования рассматриваемой нами науки, которые сложно классифицировать по основным признакам, принятым в Соединенных Штатах.

Одними из ярких представителей западноевропейской школы являются два видных историка - академик *Пьер Ренувен* (1893-1974 гг.) и его ученик, профессор *Жан-Батист Дюрозель* (1917-1994 гг.). Самобытность их исследования заключается в том, что работы можно назвать междисциплинарным симбиозом социологов и политологов. Проанализировав богатый фактологический материал по истории межгосударственных отношений, ученые пришли к выводам теоретического характера о развитии международных отношений. Все эти умозаключения были опубликованы во «Введении», изданном отдельным томом к «Истории международных отношений» П.Ренувена²¹².

Эти известные, но скромные ученые с мировым именем не считали себя теоретиками международных отношений и как было напи-

²¹² Renouvin P., Duroselle J.-B. Introduction a l'Histoire des Relations internationales. P., 1964.

сано в начале работы ее замысел – лишь «представить некоторый материал и темы для размышлений теоретикам международных отношений». И Раймон Арон, и П.Ренувен и Ж.-Б.Дюрозель анализируют международные отношения с классических позиций, обращая особое внимание на «действия государств, находящихся в центре международных отношений», а также определили цель - «обнаружить влияния, которые определяют развитие сферы дипломатического действия». Таким образом П.Ренувен и Ж.-Б.Дюрозель представили свой научный подход:

1) развитие международных отношений обусловлено группой факторов, которые они назвали «глубинными силами»;

2) развитие их не предопределено абсолютно, поскольку оно осуществляется людьми, поэтому огромную роль играет деятельность государственных руководителей, способных оказать самостоятельное влияние на ход международных отношений²¹³.

Соответственно мыслители ввели в научный оборот понятие «глубинные силы»: «Географические условия, демографические процессы, экономические и финансовые интересы, черты коллективной психологии, крупные эмоциональные потоки - вот какие глубинные силы определили рамки отношений между человеческими группами и в значительной мере обусловили их характер»²¹⁴.

Ими была предпринята попытка выработать типологию характеров государственных деятелей, определив самые важные качества личности («эмоциональный» тип, «активный», «боевой», «харизматичный», т.е. внушающий народу безграничную веру в свою личность и ее историческую миссию). Подспудно П.Ренувен и Ж.-Б.Дюрозель не верили в теорию рационального принятия внешнеполитических решений, так как, оценки ставок и риска во внешней политике в большинстве случаев зависят от субъективных качеств лидеров.

Французские ученые выступали против установления градации факторов, которые оказывают воздействие на сферу международных отношений. Характерной чертой в общественных науках исследований во Франции является нежелание придерживаться определенной методологии, критика «упрощенческих схем».

²¹³ Ibid.P.4

²¹⁴ Ibidem

Рассматривая теоретические выкладки П.Ренувена и Ж.-Б.Дюрозеля сквозь призму критериев размежевания «традиционалистов» и «модернистов» США, то вероятнее всего их подход желательно отнести ко вторым. Ученые утверждали наличие факторов, определяющих и воздействующих на международные отношения. Не соглашаясь с «реалистами», которые ценили в «силе» лишь военно-экономическое могущество, они доказывали наличие «глубинных сил», которые более разнообразно проявляемы. В этом контексте их умозаключения можно отнести к «модернизму».

В работе, изданной в 1982 г. «Любая империя погибнет: теоретическое видение международных отношений»²¹⁵ Ж.-Б.Дюрозель еще жестче утверждает важность избавления от односторонних упрощений, а наука международных отношений должна развиваться «эмпирически».

Оценивая их научное наследие с творчеством Раймона Арона, можно объективно утверждать, что П.Ренуven и Ж.-Б.Дюрозель пришли от истории к социологии и философии, а Раймон Арон наоборот. Ценность подобных работ для теоретических исследований заключается в большом количестве квалифицированно проанализированных

исторических данных, необходимых для формулировки и уточнения гипотез с помощью исторических аналогий.

Подводя итоги исследованию 1950-60-х гг., многие американские международники признают, что развитую теорию международных отношений создать не удалось.

Данной точки зрения придерживался и защищал профессор университета штата Огайо Джеймс Розенау (1924-2011 гг.). Полагая, что этот процесс крайне затруднительный, он предложил создать по его выражению, «предтеорию» внешней политики, в которой разнообразные факторы вошли бы сведены в единую мировую систему. «Предтеория» Розенау на основе системного

²¹⁵ Duroselle J.-B. Tout empire perira: une vision theorique des relations internationales. P., 1982

подхода, увязывала контакты между внешней политикой государства и системой международных отношений. Если вспомнить подход М.Каплана, то он игнорировал анализ внутренних источников и факторов международной политики.

Д.Розенау выделил пять групп факторов или пять переменных, каждая из которых имеет свое измерение в виде такой схемы:

1. Политическая личность (индивидуальные черты, предшествующий опыт).

2. Занимаемое место (т.е. функциональная роль политической личности во внешней политике независимо от ее индивидуальных качеств).

3. Правительственные факторы (структура правительства, расширяющая или сужающая выбор политического поведения во внешней политике).

4. Общественные факторы (вся сумма внутренних общественных переменных, таких, как уровень промышленного развития, мораль, культура и т.д.).

5. Отношения между государствами и международные факторы воздействия на внешнюю политику (география, размеры государств, идеология и т.д.)²¹⁶.

На первом уровне определяющими являются образование, личные характеристики, круг контактов, физическое и психическое здоровье, физические характеристики личности.

На втором уровне - действия личности не только ее индивидуальность, так как на нее происходит постоянное давление, действия этой личности должны быть объяснены, проецируя на место, которое она занимает в социальной и политической архитектуре.

На третьем уровне – приоритет у структуры правительства. Так, при авторитарном режиме лидер государства опирается на скромную политическую базу, чем при демократическом режиме, и применяет силу, осуществляя репрессии против недовольных системой.

Четвертый уровень - здесь отражаются все социальные факторы влияния на внешнюю политику, материальные возможности и ориентации.

Пятый уровень – межгосударственные действия напрямую зависят от комбинации характеристик двух государств. Например, взаи-

²¹⁶ Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy. N.Y., 1971

модель страны с небольшим потенциалом будет различным в отношении со сверхдержавой или с таким же небольшим государством. Демократические государства всегда смогут найти общий язык по любым вопросам, а кто с диктатурой может возникнуть конфликт.

Д.Розенау так же дифференцировал факторы на «имеющие тенденцию к медленному и быстрому изменению». К первым следует отнести территорию, физическая география, культуру, историческое наследие, а вот ко вторым - ситуационные факторы (спорные вопросы, международные кризисы), личные характеристики лидеров, их талант и опыт. Д.Розенау различал факторы воздействия на внешнюю политику на внешние (относящиеся к международной системе) и внутренние (общество, правительство, политические личности)²¹⁷.

Оценивая «предтеорию» Д.Розенау, отмечаем, что она лишь осуществляет попытку представить поведение государства в сфере внешней политики как систему, она вводит новые тезисы в теорию внешней политики государств.

В 60-е годы XX столетия получили свое развитие работы, рассматривающие аспекты экономической зависимости развивающихся стран от развитых капиталистических государств. Они не являются частью четко очерченного научного направления, но этих экспертов объединяет структуралистский подход к изучению проблемы неравенства в мировом масштабе.

В этой части следует назвать египетского экономиста С.Амина и норвежского социолога-международника И.Галтунга.

Самир Амин (1931-2018 гг.), изучив проблемы развития стран Магриба (Марокко, Тунис, Алжир) и Западной Африки, поставил цель изучить весь комплекс отношений между развитыми и развивающимися странами²¹⁸.

С.Амин представил концепцию, согласно которой экономические отношения в мире создают систему с центром (развитый Север) и периферией (слаборазвитый Юг), который подвергается эксплуата-

²¹⁷ Rosenau J. The Study of Foreign Policy /Rosenau J. World Politics. - N.Y., 1976, P.18

²¹⁸ Amin S. L'Accumulation a l'echelle mondiale. P., 1970. V. 11. P. 426

ции в виду неравноценного обмена. Невооруженным взглядом видно, что ученый продолжил подход к международным экономическим отношениям, созданный марксистами, рассматривающими империализм начала XX в., сделав ссылки на их работы во введении своего труда «Накопление во всемирном масштабе» в двух томах. С.Амин отмечал, что «анализ Марксом капиталистического способа производства составляет отправную точку в анализе современной мировой экономической системы»²¹⁹.

С.Амин отрицал распропагандированную на Западе теорию слаборазвитости трех южных континентов (Азии, Африки и Латинской Америки), которая объясняет отсталость этих территорий патриархальным укладом «периферии», в противовес которой развитость «центра» ассоциируется с модернизацией. Он подразделял государства, относящиеся к «центру» на две категории, согласно политической и экономической систем: во-первых, Северная Америка, Западная Европа, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка; во-вторых, с другой стороны, Россия (т.е. СССР - С.Н.) и Восточная Европа.

Согласно С.Амина, неправильно сравнивать экономически слаборазвитые страны и страны «центра» в прошлом, на предыдущих этапах развития, т.е. считать, что «периферия» будет учиться у «центра», переносить их опыт на свои страны и выходить из кризиса. Основной посыл его теории следующий: «Развитость и слаборазвитость составляют два противоположных полюса диалектического единства». Рассматривая «слаборазвитость как следствие развития капитализма во всемирном масштабе»²²⁰, С.Амин полагал, что эксплуатация периферии центром позволяет «преодолевать основное, постоянное и возрастающее противоречие в центре между его производительной способностью и потреблением».

Он убежден, что мировой прогресс и будущее всей планеты, включая и «центр», и «периферию» напрямую зависит от взаимоотношений Севера и Юга: «Каковы перспективы мировой системы: развивается ли она в направлении растущей дихотомии центр-периферия? Или это лишь один этап эволюции, и в таком случае тенденция развития направлена к чему-то вроде формирования однород-

²¹⁹ Ibid. P.430

²²⁰ Ibid. P. 432

ной мировой капиталистической системы. Очевидно, что именно в эти рамки необходимо переместить все проблемы современного мира, в том числе и «борьбы классов», как и «национальные» проблемы, которые, впрочем, по этой же причине взаимосвязываются до такой степени, что ставят единственный вопрос, все аспекты которого неразделимы»²²¹.

Говоря о природе современной мировой экономической системы, он был крайне категоричен, а вот рассматривая перспективы был крайне осторожен. Амин констатировал, что возможно «перемещение главного ядра сил социализма из Центра на периферию», предполагал, что мировая система сама найдет решение, эволюционируя в непредвиденных направлениях».

С.Амин осторожно говорил о преемственности его теории «накопления во всемирном масштабе» от марксизма, однако очевидно, что ее основные положения вышли из марксистской концепции империализма. Он также высказал ничем не подкрепленное мнение, с которым можно поспорить, что все проблемы современного мира в международных отношениях сводятся к «неравному обмену».

Определенно, отношения между СССР с другими странами социализма, с одной стороны, и странами «третьего мира», с другой, крайне сложно, с большой натяжкой можно было описать, используя формулу «центр-периферия». Именно на это, и обратил внимание известный французский эксперт-международник Эдмон Жув²²², отмечая, что из-за этого страдает вся концепция С.Амина.

Изучение проблем сложных противоречий между развитыми капиталистическими и развивающимися странами привело некоторых западных исследователей к предположению, что конфликт между «богатым Севером» и «бедным Югом» развивается и набирает силу. Большинство западных авторов концепции взаимозависимости отстаивают «западноцентристский» взгляд, оставляя «за кадром» неравноправный характер взаимозависимости. Утверждается, что мировые противоречия по вектору Север-Юг объясняются объективными причинами, а также исторически сохраняющимися внутренними

²²¹ Цит.: Новиков Г.Н. Теории международных отношений: Учебное пособие - Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996.

²²² Jouve E. Relations internationales du Tiers- Monde et Droit des peuples. P., 1979, P. 17.

факторами развитию. И позже делается следующее умозаключение, вполне в духе западной цивилизации о том, что только используя стратегию Международного Валютного Фонда (МВФ), которая основана на идее универсализма модели Запада с определенными поправками на уровень экономического развития слаборазвитых стран, возможно решить проблемы бедности.

Но и среди западноевропейских экспертов есть такие ученые, которые солидарны с тезисом об эксплуатации стран «третьем мире», что фактически подпитывает кризисные ситуации между Севером и Югом. Одним из самых авторитетных ученых, придерживающихся таких взглядов является норвежский международник, доктор математики и социологии *Йохан Галтунг* (род. В1930 г.).

Он один из инициаторов «исследований мира», в 1959 г. организовал и стал директором Международного института исследований мира в Осло (Норвегия). Й.Галтунг один из ведущих специалистов по международной конфликтологии. Оригинальность его подхода к исследованиям международных отношений в сравнении с другими западными специалистами в том, что ученый анализирует деятельность государств используя социологический анализ их внутренней структуры и структуры их взаимоотношений по шкале «равноправность – зависимость»²²³.

Этот подход стал методологической основой его «теории структурного насилия», или «структурного империализма» (она имеет еще одно название - «теория зависимости»), которая имеет много общего с теорией «накопления во всемирном масштабе» С.Амина. Основная идея Й.Галтунга в том, что всеобщий мир нельзя достичь, пока насилие не будет вытравлено из международных отношений. Он выделяет «прямое насилие» (крайняя его степень - война), и «структурное насилие», или «структурный конфликт», который обусловлен зависимостью «периферии» от «центра».

²²³ Galtung J. The Preferred World. N.Y., 1981

Й.Галтунг предложил собственную формулу, на основании которой объясняет игру интересов и взаимосвязи между внутренней политикой, общественными отношениями внутри развитых и развивающихся стран и зависимостью Юга от Севера. В отношениях между доминирующей («центр») и зависимой («периферия») нациями необходимо обращать внимание не только на совпадение или конфликт интересов господствующих классов, социальных групп каждого государства, сколько на взаимоотношение элит и народа. Соответственно, Й.Галтунг пришел к выводу, что империализм устойчив, «совершенен», при условии, если:

- утверждается гармония интересов между «центром Центра» и «центром периферии», т.е. между господствующими группами;
- конфликт интересов между «центром» и «периферией» зависимой нации проявляется сильнее, чем между «центром» и «периферией» доминирующей нации (т.е. между высшими классами и массами);
- наблюдается конфликт интересов между «перифериями» доминирующей и зависимой нациями (т.е. между трудящимися классами).

При выполнении данных условий, «структурное насилие» протекает безконфликтно, а конфликт появляется, когда интересы господствующих классов «центра» и «периферии» не имеют точек соприкосновения и когда элита «периферии» объединяется с народом против наций – доминантой. Именно в этот период развиваются национальные движения освобождения.

«Структурный конфликт», или «структурное насилие», приводит к эрозии собственное развитие зависимых стран, порождает внутренние конфликты, отрицательно воздействуя на международные отношения.

Й.Галтунг выделяет четыре вида кризисов:

- 1) насилие,
- 2) бедность,
- 3) нарушение прав человека,
- 4) экологический кризис.

Ученый был уверен, что основные причины кризисов – это существующая мировая структура. Предлагаемые для каждого вида кризисов решения по выходу из него, являются частными, содержат

важные элементы и рекомендации, но они не могут решить проблемы в целом. «Частными» решениями он называет:

- для проблемы прямого насилия - контроль над вооружениями,
- для проблемы бедности - передачу новых технологий и капиталовложений бедным странам,
- для проблем соблюдения прав человека - санкции за нарушение международного права.

Мировые кризисы полностью разрешимы только путем изменения мировой структуры, ликвидации «структурного насилия»²²⁴.

Подразделение стран на «богатые» и «бедные» оценивается ученым по уровню валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. Й.Галтунг выделял «автономные» страны – это те, кто способен ставить и достигать собственных целей, и «неавтономные» - это те страны, которые в большей степени зависимы от других государств в своем развитии.

Й.Галтунг выделял три «острова», которые притягивают к себе конфликты. Это: Западный Берлин, Намибия. Израиль. Пересечения двух типов конфликтов – «прямого» (т.е. «холодной войны» - С. Н.) и «структурного», доказывают, что противоречия международных отношений нельзя рассматривать в одномерном изображении.

«Предпочитаемый мир» Галтунга – это иллюзия, это утопия. Приведем несколько его умозаключений: общество должно предоставить индивидууму максимум возможностей прожить жизнь так, как он хочет; общество не должно допускать эксплуатации индивидуумов, других сообществ; общество должно предоставлять минимальные пособия всем вне зависимости от количества труда; полная свобода образования и т.д.

Говоря о возможности достижения такого мира, он отмечает, что национально-государственная организация сохранится, но основное место будет принадлежать трансгосударственным ассоциациям; свободное и равноправное развитие плюралистических обществ, как и всей мировой системы, будет гарантироваться центральными мировыми организациями.

Социальную стабильность можно достигнуть, устранив насильственные связи между государствами. Он подчеркивает возможность самообеспечения малых сообществ путем освоения передовых техно-

²²⁴ Ibid., P. 458

логий. Самое сложное - это устранение насилия. Если факторы, определяющие насилие, статичны, то и борьба за гармонию и мировой порядок бесполезна. Если же они изменяемы, то важно понять механизм насилия. Отмечая, что насилие возникает только при определенных условиях, и не является человеческой сущностью, он выделяет два типа стратегий борьбы против «общего» и «структурного» насилия:

1) разъединительную стратегию: разъединение сторон, разрушение «ложных» структур (структур зависимости),

2) объединительную стратегию: соединение сторон, установление «истинных» структур (равноценного обмена).

Одним из посылов Й.Галтунга стало то, что взаимодействие должно иметь широкий характер не только в торговле, но и в политической, культурной, общественной и других сферах.

Работ Й.Галтунга высокотеоретизированы, однако и уровень абстрактности тоже очень высок. В частности, «разъединительную» стратегию, т.е. разрушение связей зависимости для формирования затем «справедливых» структур, практически нереально предположить в реальности. Однако концепции Й.Галтунга дают широкую возможность для моделирования международных отношений тем, что в его работах преодолевается упрощенное представление о мировых противоречиях и акцентируется внимание на тех из них, которые недооценивались, но потенциально взрывоопасны. Вызывают интерес его размышления о роли экологического баланса в будущих международных отношениях. Он отмечал, что изучение экологического баланса - это изучение условий, способствующих стабильному равновесию человеческого общества.

Вопросы для самоконтроля

1. Когда и где впервые прозвучал термин «холодная война»?

2. В чем заключается суть концепции «политического реализма» Г. Моргентау?

3. Кто является автором понятие двухблоковой системы международных отношений с двумя полюсами: США и СССР.

4. Назовите имя автора книги «Мир и война между нациями».

5. Обоснуйте актуальность четыре уровней «концептуализации», т.е. концептуальных аспектов и подходов Р. Арона.

6. В чем состоит существенная разница между «традиционалистами» и «модернистами»?

7. Назовите имя самого видного ученого-модерниста.

8. Перечислите 16 дисциплин, необходимых с точки зрения К. Райта, чтобы создать научную теорию, так называемую «теорию поля» международных отношений.

9. Кто сформулировал системный подход в исследовании международных отношений на основе общей теории систем?

10. В чем состоит дайджест теории международных конфликтов Кеннета Боулдинга?

11. Кто выдвинул идею возможности предотвращения конфликтов и необходимости разработки для этого соответствующих средств?

12. Назовите имена ученых, проводших исследование с целью определить факторы, обуславливающие сближение и сотрудничество в международных отношениях.

13. В чем заключается смысл концепции Аллисона и Гальперина «бюрократического процесса принятия внешнеполитических решений»?

14. Рассмотрите социально-психологические подходы к изучению международных отношений и внешней политики государств Н. Лейтса и Р. Снайдера.

15. Как по мнению Б.Расеста и Х. Старра можно применить к исследованию международных отношений «Дилемму заключенных»?

16. В чем заключаются теоретические представления о международных отношениях французских историков П. Ренувена и Ж.-Б.Дюрозеля?

17. Что по Вашему мнению является сердцевиной концепции Д.Розенау о «предтеории» внешней политики?

18. Структуралистский подход к изучению проблемы неравенства в мировом масштабе, египетского экономиста С.Амина и норвежского социолога-международника Й.Галтунга, в чем его суть?

Глава 4. РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

§ 1. От «реализма» и «модернизма» к постбихевиоризму и глобальному моделированию

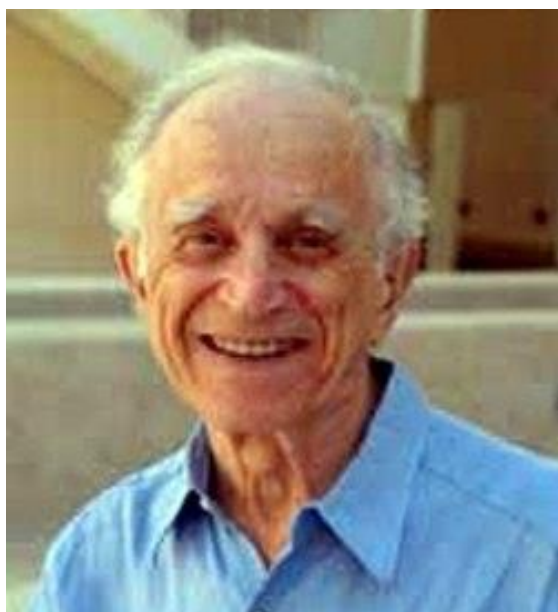
Начало 1970-х гг. оценивается как завершение периода, начавшегося с формирования «модернизма». Американские эксперты-международники считают, что в 1970-е гг. наука международных отношений в США вступила в стадию «постбихевиоризма». У.Догерти и Р.Пфальцграфф, прослеживая общую динамику развития этой науки в США до конца 1960-х гг., выделили три его стадии.

1) «утопическое», или нормативное направление (что принято считать по иной классификации «политическому идеализму»),

2) реалистическое, или эмпирико-нормативное (т.е. «политический реализм», интерпретируемый в качестве переходной фазы к бихевиоризму),

3) бихевиористское, или бихевиористско-количественное направление (иными словами, «модернизм»).

«Постбихевиоризм», по их мнению, стал четвертой стадией. Американские международники-бихевиористы отмечали, что этот переход означал крупнейший качественный сдвиг, «новую революцию в политической науке».

В конце 1960-х гг. о ее начале заявил *Дэйвид Истон (1917-2014 гг.)* - автор общепризнанного в западном мире системного метода анализа политических отношений. «Постбихевиоризм» в его понимании должен был избавить бихевиористскую науку от абстрактности, безжизненности ее концепций, оторвавшихся от реальных проблем политики и международных отношений. Его американские коллеги

профессор университета Южной Каролины Чарльз и профессор университета Флориды Юджин Виткопф отметили: «Накапливать знания,

поддающиеся проверке, - трудная, даже утомительная задача. Первоначальный энтузиазм и оптимизм этих усилий со временем стал исчезать, и даже внутри самого бихевиористского движения раздался голос с вопросами о правомерности самого подхода, которые вызывали неловкость... В основе этого исследования (Д. Истона - С.Н.) своих же собственных методов содержался распространенный набор критических замечаний: что некоторые энтузиасты бихевиоризма увлеклись только самим методом, исключив реальные мировые проблемы, что они сосредоточились на проверке интересных (и часто наиболее пригодных для квантификации количественных измерений, качественных признаков) гипотез, но гипотезы эти были в значительной степени тривиальными и не имеющими значения для людей, делающих политику и интересующихся действиями, которые могут сделать мир более пригодным для жизни, что методология бихевиоризма, стремившаяся основать теории на многочисленных потоках информации, обязательно связанной с прошлым человеческим опытом, копирует, но не описывает соединения между переменными, остающимися неизменными в быстро меняющемся мире»²²⁵.

Д.Истон был самокритичен и его критика была обращена на методологию и содержание. По поводу методологии он говорил, что научные находки, полученные используя методы бихевиористов в целом исторически точные, но недостоверны для познания действительности. Таким образом, он признал недостаток бихевиористских теорий, и, следовательно, открывалась прикладная задача «постбихевиористской революции» - расширение предсказательных возможностей теории.

Решение данной задачи принуждало к пересмотру содержания исследований с учетом новых международных проблем. Профессора из Южной Каролины и Флориды выдвинули ряд главных задач науки международных отношений на новой стадии:

- 1) ее «автономизация» среди других общественных, т.е. формирование ее как самостоятельной отрасли;
- 2) развитие объяснительных и предсказательных возможностей теории;

²²⁵ Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. World Politics. Trend and Transformation. N. Y., 1985. P. 22

3) изучение новых мировых проблем с практическим ориентиром;

4) совершенствование идеологии в части соотношения между количественным и качественным анализами;

5) уточнение связей между микро- и макроанализа.

Важнейшим, полагали они есть выявление новых методологических и проблемно-теоретических элементов этих исследований, как и значительных работ других направлений, особенно – «политических реалистов».

Соответственно встают вопросы:

1) каковы итоги сосуществования «политического реализма» и «модернизма» (бихевиоризма) к началу 1970-х гг.?

2) каковы самые значительные перемены в исследованиях «международных отношений в США и западноевропейских странах в 1970-80-х гг., которые определили их современное состояние?»

Достаточно трудно констатировать, что в какой-то период времени «модернизм» вытеснил «реализм» или, наоборот, что мода на бихевиористско-количественные подходы уступила место здравому смыслу традиционных взглядов. Ошибочным является и мнение, что две группы направлений синтезировались в «постбихевиоризме». В реальности разнообразие подходов было сохранено, но они оказали и взаимовлияние, что, отразилось в использовании сторонниками «модернизма» категории «сила государств», принадлежащей «политическим реалистам».

Основная часть бихевиористов пользовались категорией «сила государств» и осуществляли попытки измерить ее, предлагая различные варианты, в которых бы учитывались не только физические величины (население, национальный доход и т.д.), но также психологические и социально-политические параметры, о чем упоминали последователи Г.Моргентау. Были разработаны различные шкалы, которые активно использовались в трудах и бихевиористов, и «реалистов».

Первая – самая простая таблица «мощи государств», которую приводят *Р.Гокс* и *Х.Якобсон* в работе «Анатомия влияния на решения, принимаемые в международной организации».

Первый уровень измеряет экономический потенциал, второй - уровень экономического развития, третий - демографический потенциал, четвертый - ядерный потенциал, пятый - военно-политическое

положение в международной системе. Эти пять уровней выстроены по принципу возрастания индексов «мощи» на базе относительно точно измеряемых параметров при условии надежной статистики для первых трех шкал и надежной информации для четвертой, показатели пятой шкалы обычно достаточно известны. Достоинство подобных схем, максимально упрощенных, но вместе с тем отражающих несколько базовых параметров, состоит в том, что с их помощью можно быстро ориентироваться в потенциалах государств. Для более точной характеристики государств, определения положения в международной политической и экономической системе, количественного анализа в моделировании подобные схемы, несовершенны.

Усложненную методику определения военного могущества государства обозначил бывший руководитель Управления разведки и исследований госдепартамента (ставший впоследствии сотрудником Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета) *Рэй Клайн (1918-1996 гг.)*. Оригинальность заключается в том, что оценка мощи государства происходит ее государственными лидерами. Наиболее общей отправной точкой в составлении индексов есть объем валовых национальных продуктов (ВНП). Но ученый полагал, что для определения «национальной мощи» крайне важны данные о политическом развитии, «поскольку оно не корректируется в прямой зависимости с развитием экономики», мобилизационных возможностях, «поскольку бывает, что экономически сильные страны не способны на это», и особенно данные о целях государства в использовании силы. Так появляется полная «формула мощи государства»:

$$P = (C + E + M) \times (S+W),$$

где P - мощь государства, C - «критическая масса» населения и территории, E - экономический потенциал, M - военный потенциал, S - стратегические цели, W - воля к достижению целей.

Могущество государства оценивается как совокупность «физического потенциала» и «национальной стратегии и воли». На основе этой методики, У.Джонс и С.Розен приводят индексы силы десяти наиболее сильных в военном отношении стран мира. Абсолютно не ясно как было определено превосходство СССР над США в два раза. Невозможно предположить, что США превосходили Францию лишь на 31,4%, а Япония, Канада и Великобритания уступили мощи Ирана

(соответственно на 13,3%, 8,2%, 3,1%)²²⁶. Невооруженным глазом видно, что эти данные крайне спекулятивны и политизированы – стоит только посмотреть статистику военных расходов государств.

Иную методику предлагает американский международник Б.Рассет. Исходя из тезиса, что мощь государств зависит от комбинации возможностей, он поставил цель выяснить, как различные «потенциалы-возможности» соотносятся друг с другом, и затем рассчитал корреляции между ними.

Полагаем, что это невыполнимая задача – с филигранной точностью рассчитать мощь государства, предполагаем, что их значения сближаются в группах стран одного типа социально-экономического и культурно-исторического развития.

Г.Моргентау скептически относился к идее измерения «мощи» количественно. По этому поводу он писал: «Сила - качество межличностных отношений, которое может быть предметом эксперимента, оценки, приблизительного подсчета, но которое не поддается квантификации... Но если я хочу знать, насколько большей силой располагает данный политик или данное правительство, я должен оставить расчеты на помогающую машину и компьютер ради исторического и... качественного суждения»²²⁷.

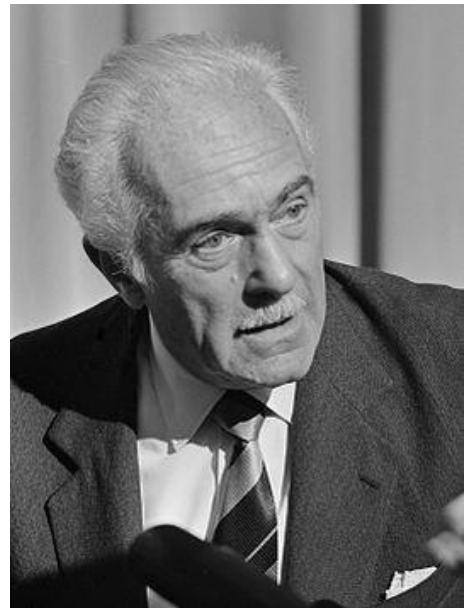
Международные отношения развивались быстрыми темпами и соответственно появлялись новые теории, концепции, модели, формулы и т.д. Отдельные из них, в частности, концепция «трех полюсов» (СССР, США, Китай) или «пятиугольного» мира (СССР, США, Китай, Западная Европа, Япония) являлись отражением тех процессов, которые происходили в мировой политике.

В этом взаимозависимом реальном мире появлялись глобальные проблемы, которым были узки рамки имевшихся схем. В итоге стали выходить сочинения с новой адаптированной к реальности проблематикой. Отметим наиболее важные из них: 1) модели мирового развития, 2) концепции взаимозависимости в мировом развитии, изменявшие представления о характере противоречий в международных отношениях.

²²⁶ Цит. по: Jones W., Rosen S. The Logic of International Relations. Boston, Toronto. 1982.

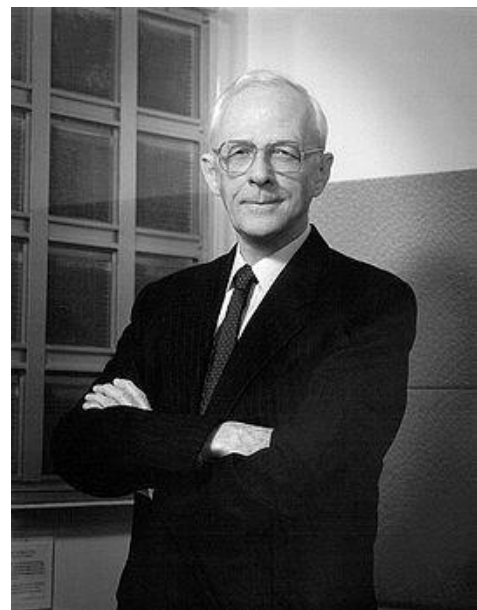
²²⁷ Цит.: Новиков Г.Н. Теории международных отношений: Учебное пособие - Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996.

Если в 1960-е гг. в области международных отношений *моделировались военно-политические стратегии, международные конфликты*, либо отдельные аспекты внешнеполитического курса той или иной страны, то с начала 1970-х гг. распространились новые модели, представлявшие анализ мирового развития, охватывающий социально-экономические и экологические проблемы. Эти исследования проводились под эгидой Римского клуба, международной неправительственной организации, созданной в 1968 г. Его организатором стал итальянский бизнесмен и специалист по управлению *Аурелио Печчеи (1908-1984 гг.)*²²⁸, который стал инициатором первого исследования этой серии, так называемой модели Д.Форрестера, опубликованной в 1971 г.

так называемой модели

Джей Райт Форрестер (1918-2016 гг.) сосредоточился на взаимодействии между динамикой численности населения, капиталовложениями и факторами, влияющими на развитие (продовольствие, минеральные и другие ресурсы планеты, загрязнение). Он пришел к выводу, что «глобальный максимум качества жизни» был достигнут в середине-конце 1960-х гг. и высказал предположение о наступлении «коллапса» всей мировой системы (драматический спад населения и качества жизни) в следующие 50-100 лет, Д.Форрестер отмечал, что эту мировую тенденцию к «коллапсу» нельзя приостановить или остановить стандартными решениями.

²²⁸ Подробное описание истории возникновения глобальных моделей, разработанных по инициативе и заказу Римского клуба, содержится в книге его президента: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980

Следующим исследованием, подготовленным по заказу Римского клуба, стала знаменитая модель «Пределы роста» (1972 г.), разработанная в Массачусетском технологическом институте под руководством ученика Д.Форрестера *Дэнниса Медоуза* (род.1942 г.) - директора Института политических и социальных исследований при Университете Нью-Гэмпшира.

Основные идеи этой модели таковы.

1. Население и материальные средства производства в мире растут.
2. Существуют физические пределы роста населения и производства.
3. Для процесса на глобальном уровне характерны долгие замедления

воздействия обратных связей, поэтому проходит большой период между осознанием экологических опасностей и действиями мирового сообщества по их устранению.

4. Управлять пределами роста можно двумя путями: 1) переместить или расширить пределы роста, 2) ослабить рост.²²⁹

Авторы работы отмечали, что первый путь неприемлем для человечества, и, следовательно, надо избрать второй путь, перейдя от количественного роста к качественному улучшению развития с целью недопущения экологической катастрофы. Д.Медоуз предложил т. н. «нулевой рост», или стабилизацию производства, как одной из рекомендаций для формирования «устойчивой системы государств», т.е. внутреннюю и международную стабильность.

Благодаря нечеловеческим усилиям, доброй воле и международному сотрудничеству самые худшие сценарии и прогнозы не осуществились, но тенденции ухудшения экологической обстановки остались.

Похожие мысли были высказаны *Михайло Месаровичем* (род. В 1928 г.) и *Эдуардом Куртом.Пестелем* (1914-1988 гг.) в работе «Человечество на поворотном рубеже». Ученые утверждали, что в течение ближайших 75 лет катастрофы будут случать на региональном, а

²²⁹ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. The Limits to Growth. N. Y., 1974.

не на всемирном уровне. Так как существует одна глобальная система, «громкие» последствия возможны во всем мире. Каковы же выводы ученых:

1. Современные кризисы - не временные явления.
2. Решение этих кризисов может быть найдено только в глобальном контексте.
3. Решения не могут быть достигнуты традиционными методами.
4. Борьба с этими кризисами предпочтительнее, используя кооперацию, чем конфронтацию.

Отличительной чертой моделей Д. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича и Р. Пестеля, был пессимизм в определении будущего мирового развития и предложения разработки новых стратегий развития человечества. Публикации Римского клуба, и особенно «Пределы роста», активизировали общественное мнение, научную мысль и политику ряда западных стран. Стали зарождаться сомнения в объективности того миропонимания, когда считалось, что общемировые проблемы могут быть решены в условиях создания высокого экономического потенциала, как в высокоразвитых странах.

Основная масса исследований были макроэкономическими моделями с ограниченным выбором данных, касающихся лишь социально-экономической сферы.

Группа ученых из США и Германии разработали модель «Глобус»²³⁰, вдохновителем и инициатором которой был уже упоминавшийся исследователь К.Дойч. Это была попытка избавления от чисто экономического подхода в глобальном моделировании.

Основной принцип создания модели был заимствован из работы Дойча «Нервы правительства», изданной в 1963 г.²³¹. «Кибернетическая концепция поведения» стала теоретической основой модели «Глобус», которая рассматривала макроэкономические показатели 25 крупнейших современных государств, международные экономические отношения, внешнюю и внутреннюю политику государств.

²³⁰ The Globus Model. Computer Simulation of World Wide Political and Economic Developments. Flankfourth am Main, Boulder (Coir.), 1987

²³¹ Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N. Y., 1963

В 1980-е гг. глобальное моделирование вышло на новую стадию. В частности, под руководством японского профессора А.Ониши была разработана серия макроэкономических моделей «Фуджи»²³². Последние варианты моделей, начиная с «Фуджи-5», включают в себя следующие подсистемы: 1) окружающая среда, 2) развитие, 3) мир и безопасность, 4) права человека.

Новые подходы к глобальному моделированию, являются естественными результатами предыдущего опыта, который показал недостаточность прогнозирования, которое основано на чисто экономических показателях (ВВП, степень индустриализации и т.д.).

Американские ученые *У. Джонс и С. Розен*, выделили в западной научной литературе три основных группы предложений: 1) максималистские, 2) минималистские, 3) реформистские²³³.

1. Предложения *максималистов*: наследуя идеи конституции США, максималисты предложили создание мирового федерального правительства, которое сохраняет суверенитет национальных правительств в одних областях, но ограничивают его в других. Цель - уничтожение национализма, верховной власти государств и трансформация национальной психологии. Данный проект правительства практически нереализуем, но и нежелателен, так как:

а) монополия силы не гарантирует всеобщей безопасности, поскольку лидеру сложно установить противника;

б) уничтожается основная положительная черта современной международной системы, соревновательность;

в) существует опасность того, что государства с единой или схожей политической культурой объединятся в противовес мировому сообществу;

г) крайне малы гарантии против установления мирового абсолютизма.

Стоит отметить, что такие проекты представляют собой англосаксонский вариант моделирования.

2. *Минималистские* предложения: Они полагают, что существует потребность в централизации мировой власти ради искоренения

²³² Ониши А. Фуджи-V. Новое поколение глобальной модели как инструмент национального планирования с глобальной информацией. Институт прикладных экономических исследований. Университет Сока Хахчойн-Ши. Токио

²³³ Jones W., Rosen S. Op. cit. P. 587-603.

войн. Эта централизация власти необходима только для всеобщей безопасности за счет лишения свободы действий государств, ведущих подготовку к войне, используя эмбарго и санкции, но исключая применение военной силы. У.Джонс и С.Розен, критикуют «минималистов», отмечая, что миропорядок должен быть основан на всеобщих ценностях, приемлемых для всех государств, а не навязанных путем давления, даже не военного типа.

3. «*Реформистские* проекты»: Глобализм – есть главная идея реформистов. Глобализм в этом контексте - это желание видеть реальную роль ООН как центра международного планирования. Ими определены пять проблем, которые необходимо перевести на глобальный уровень: экология, разрыв уровней жизни, безработица, урбанизация, голод в мире. Они могут быть решены путем всеобщего планирования, развития инфраструктур и распределения мировой продукции. Эти пути не связаны с изменением роли государств в современном мире, а ООН может быть координирующей, а не управляющей организацией.

Подводя итог ученые констатируют, что подлинный выбор состоит между миропорядком, основанном на исчезновении государственных суверенитетов и мировым правительством. Считаем, что это не отражает реальной перспективы на ближайшие десятилетия.

§ 2. Критический анализ международной политики и взглядов Генри Киссинджера

В работе *Стенли Хоффмана* профессора Гарвардского университета, американского политолога (род. в Вене в 1928 г.) «Приоритет мирового порядка. Американская внешняя политика начиная с времен холодной войны» представлен критический анализ внешней политики США и в частности, *Генри Киссинджера* (род. В 1923 г. в Баварии), занимавшего пост Государственного Секретаря США (т.е. министра иностранных дел). Г.Киссинджер, исходил из концепции «трех полюсов» (СССР - США - Китай) как определяющей центросиловой сферы современного мира. В со-

ответствии со схемой «баланса сил» он считал, что безопасность США (а в его понимании – и международная безопасность) могла быть обеспечена за счет уравнивания советской мощи меньшей китайской мощью, не представлявшей угрозы для США, при одновременной переориентации американской политики «сдерживания» в отношении Советского Союза от конфронтации к «сдерживанию путем переговоров»²³⁴.

Он предпочитал прагматизм щепетильности в отношении идеалов американской внешней политики, за что и был неоднократно подвергнут критике. Объективным успехом Г.Киссинджера является то, что он покончил с «параноидным» стилем политики «холодной войны» и признал «законность существования СССР». Но ограниченность и бесперспективность его политики «реализма» обуславливалась тем, замечает С.Хоффман, что Г.Киссинджер «стремился использовать прошлое в качестве нормативной модели мировой политики»²³⁵, тогда как мировая система изменилась.

По мнению С.Хоффмана, мировая система изменялась дважды: в результате формирования мировой биполярной системы, а позже в результате углубления процессов экономической и социально-политической взаимозависимости в мире.

Нормальному функционированию классической системы «баланса сил», говорит С.Хоффман, необходимо 5-6 полюсов (напомним, что М.Каплан называл 5), в то время как система, сложившаяся после Второй мировой войны, была биполярна, так как Китай являлся тогда «потенциальной сверхдержавой» и не представлял третьего полюса силы, а Западная Европа и Япония зависимы в военном отношении от США.

По мнению С.Хоффмана, в послевоенной международной системе произошли следующие наиболее крупные изменения, которые он подразделил по уровню и характеру объекта воздействия на пять групп:

1. Изменение состава международных акторов:
 - а) возросло число государств;

²³⁴ Hoffmann S. Le Dilemme americain. Suprematie ou ordre mondial. P., 1982. P. 8, P. 39-69

²³⁵ Ibid. P. 42.

б) появилось множество негосударственных акторов, ставших составными элементами структуры;

в) негосударственные акторы поставили под контроль существенную часть ресурсов государств (имелись в виду ТНК - С.Н.);

г) возрастание числа акторов, и дифференциация между ними увеличили число международных взаимосвязей и усилили их.

2. Изменение целей государств:

а) в мире, исчезает разделение между сферами внутренней и внешней политики, внешняя политика становится полем измерения экономического развития всего мира;

б) происходит разделение сфер человеческой деятельности внутри государств, и каждая стремится выйти за пределы государственных границ;

в) опосредованные связями различного рода более, чем прямое применение силы, становятся ключевой проблемой международных отношений.

3. Преобразование силы:

а) в условиях усложнившихся взаимосвязей возросшего числа акторов произошла как бы диффузия, и в результате утратилась автоматическая связь между силой и военной мощью;

б) в условиях взаимозависимости логика конкуренции между государствами сохраняется, но перспективы у стратегии солидарности, сотрудничества, так как негативные последствия развития универсальны и лишь различаются в степени воздействия на все государства.

4. Новые иерархические структуры в международной системе:

а) преобразования в природе международных сил воздействовали на международную иерархию, сложились функциональные иерархии, главенствовать в каждой из которых трудно. Появились «ограничители» силы, которые затрудняют ее использование для достижения цели.

5. Преобразование международной системы в целом:

а) международная система впервые в истории сложилась в единую систему, символизируемую Организацией Объединенных Наций;

б) сохраняется биполярная дипломатика - стратегическая сфера, но обе супердержавы вынуждены вступать в другие иерархические связи, где их военная сила не оказывает решающего влияния;

в) при сохранении силовых отношений между государствами манипуляция с помощью взаимозависимости становится стратегическим средством (например, изменения цен на нефть, ограничение экспорта природного сырья, операции с внешними займами и долгами).

«Игры на взаимозависимости», как называет эти стратегические средства С.Хоффман, благоприятствуют, по его мнению, США, поскольку они контролируют огромную часть экономического потенциала во всем мире. Проблема для американцев заключается в том, что они не хотят признать, что США не единственная сверхдержава в мире.

По мнению С. Хоффмана, «американская дилемма» состоит в следующем: «В настоящий момент американцы оказались между двумя огнями. За рубежом мощь Америки обеспечивает им огромное влияние, и ни в какой существенной сфере ни одна проблема не может быть решена без ее участия и ее конкретной поддержки. Однако, американская гегемония завершилась... К нашему великому разочарованию, нам бросают прямой вызов не только противники-коммунисты, но также часто и государства, чьи экономические и военные средства обязаны нашей мощи»²³⁶.

Эта работа подготовлена в период, когда СССР и США закрепили примерный военно-стратегический паритет. Война во Вьетнаме показала, что путь конфронтации, основанный на идее «превосходства» США, завел американскую политику в тупик.

В заключении С.Хоффман пришел к следующим выводам:

1. США должны осознать, что внешняя политика, отождествляющая американские интересы с общемировыми, бесперспективна.
2. Возврат к изоляционизму чреват тяжелыми последствиями для мировой системы.
3. Решающими факторами мировой политики являются обладание ядерным оружием и экономическая взаимозависимость.
4. Взаимозависимость необратима, но ее нерегулируемое развитие способно вызвать новые противоречия²³⁷.

²³⁶ Цит.: Новиков Г.Н. Теории международных отношений: Учебное пособие - Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996.

²³⁷ Там же

Внешняя политика США в 1980-е гг. не использовала умозаключения ученого. Главной концепцией стал силовой глобализм, показавший связь американской внешнеполитической практики со школой «политического реализма». Отметим, что силовой глобализм тех лет был близок не взглядам Г.Моргентау, а традициям правого крыла школы «реалистов» (Р. Страус-Хюпе). В 1980-е гг. и позже ярким выразителем этих взглядов стал Збигнев Бжезинский, занимавший пост помощника госсекретаря США по национальной безопасности. Силовой глобализм США в этот период объяснялся как внутренними, так и внешними факторами, которые провоцировали конфронтационный американский курс.

§ 3. Новейшие подходы в западных исследованиях по международным отношениям

Практически нереально проанализировать все точки зрения западных ученых на проблемы современных международных отношений. Важнее определить общее состояние исследований, выделить новейшие подходы, теоретические направления и тенденции развития современной науки международных отношений.

Огромное разнообразие взглядов западных экспертов означает отсутствие единой общепринятой классификации теоретических и методологических направлений. Часто в научных работах встречаются разные термины, обозначающие одни и те же концепции, отдельные понятия пересекаются, и т.д. Все это может быть доказательством размытости критериев классификаций международных отношений.

Рассмотрим в частности, классификацию современных западных исследований, которую приводят в учебнике «Международные отношения» *П.Тома* из университета штата Аризона и *Р. Горман* из Юго-Западного университета штата Техас²³⁸. Выделяются три основных теоретических направления: «реализм», превратившийся с начала 1980-х гг. в виде «неореализма», «структурализм» и «плюрализм». По их мнению, «неореализм отличается от традиционного реализма тем, что он стал более восприимчив для использования бихевиористских методик исследования».

²³⁸ Toma P. A., Gorman R. F. *International Relations. Understanding Global Issues.* Pacific Grove, California, 1991.

«Структурализм» рассмотрен учеными на основании исследований *Иммануила Валлерстайна (род. В 1930 г.)*²³⁹, который в 1970-е гг. воспользовался понятиями «центр» и «периферия» с целью разработки концепции мировой системы, развившейся за несколько веков из европейской экономики XVII в.

Книг американского международника, профессора Стэнфордского университета *Роберта Норта* «Война, мир, выживание», исследует современный мир и его проблемы на четырех уровнях: индивидуальном, государственном, международной и глобальной системы. Раскрыв эволюцию международных отношений в исторической ретроспективе как преобразования человеческой организации из объединения людей в «непосредственной окружающей среде» (примитивные социальные группы, племя) в государственную форму организации; Р.Норт подытожил, что в современном мире экономические процессы и проблемы выживания в природной среде приводят к утрате значения национально-государственных границ, происходит интеграция государства в глобальную систему и что проблема «выживания» приобрела характер выживания на общемировом уровне»²⁴⁰.

«Плюрализм» полагает, что главным фактором международных отношений становятся взаимозависимость и развитие транснациональных связей вне межгосударственных отношений. Его сторонники исследуют международные отношения как «полицентричные», т.е. как отношения внутри малых международных систем в отличие от «реалистов», приверженцев «государственно-центричного» взгляда, и «структуралистов», доказывающих определяющее значение «глобальной системы».

Сочетание трех парадигм, в теории международных отношений, выделенных Л. Тома и Р. Горманом с их классификацией «нормативного» и «ненормативного» подходов к исследованиям представляются нам слабым. К «нормативному» причислен исторический подход; к «ненормативному» - концепции мощи, баланса сил, геополитики, системный подход, функциональный, коммуникационный, и, даже ис-

²³⁹ См.: Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the 16th Century. N. Y., 1974

²⁴⁰ См.: North R. C. War, Peace, Survival. Boulder, San-Francisco and Oxford, 1990, P. 237-262.

следование процесса принятия решений. Очевидно смешение абсолютно разных концептуальных и методологических понятий²⁴¹.

В конце XX в. происходит сближение представителей «реалистической» школы, неореализма с их критиками, которые не являются сторонниками какой-либо научной школы. Мы говорим о направлениях, сближаемых общим неприятием «реалистической» теории международных отношений как отношений межгосударственных. Эти направления меняли названия («модернисты», «бихевиористы», сторонники либерализма, постбихевиоризма, неолиберализма, «плюрализма»), но главное в сути той эволюции, которую совершил и «политический реализм» и его критики.

Авторитетом «неореализма» или «нового реализма» (иногда - современного «реализма», «структурного реализма») является *Кеннет Уолтц (1924-2013 гг.)*, который в работе «Теория международной политики», изданной в 1979 г., переосмыслил традиционные положения теории «реализма». К.Уолтц четко обрисовал воздействие международной системы на поведение государств, рассматривая их как элементы международной системы²⁴².

Теоретическое направление «неореализма» разрабатывалось также Р.Гилпэном, С.Краснером, Дж. Грико.

Большую известность у экспертов - международников получила изданная в 1986 г. в Колумбийском университете под редакцией профессора Принстонского университета *Роберта Оуэна Кейохана (род. В 1941 г.)*

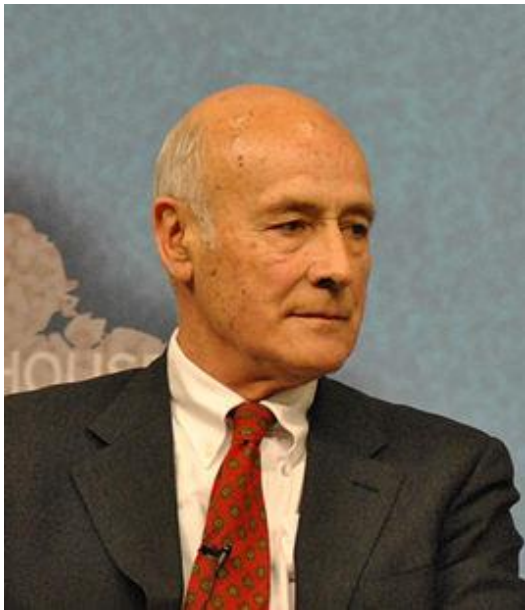
работа «Неореализм и его критики»²⁴³. Ранее, в 1972 г. Р.Кейохан и

²⁴¹ Toma P. A., Gorman R. F. Op. cit P. 61-70

²⁴² Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, Mass., 1979.

²⁴³ Keohan R. (Ed.) Neorealism and its Critics. N. Y., 1986.

Джозеф Най (младший), профессор Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди опубликовали совмест-

ный труд «Транснациональные отношения и мировая политика»²⁴⁴. В 1977 г. Р.Кейохан издал сочинение «Мощь и взаимозависимость: мировая политика в переходном состоянии»²⁴⁵. В данных работах, анализировалось возрастание роли негосударственных акторов, в частности международных организаций. По сути, в этих книгах развивалось неолиберальное направление, хотя сам Р.Кейохан называет свой теоретический подход «институционализмом».

В чем же точки соприкосновения и отличия у неореалистов и неолибералов? В уже упомянутой коллективной работе 1993 г. американских неореалистов и неолибералов, изданной в Колумбийском университете, ее редактор Дэвид Болдуин, выделил шесть ключевых положений, характеризующих позиции обоих направлений:

1) неолибералы признают, что международная система характеризуется определенной «анархией», но, в отличие от неореалистов, считают, что выработались определенные модели взаимодействий между государствами (Р.Аксельрод, Р.Кейохан).

2) неореалисты согласны с неолибералами, что международная кооперация возможна, но в отличие от них отмечают, что кооперация трудноосуществима и более зависима от государственных властей.

3) неореалисты полагают, что кооперация приносит *относительную* выгоду, а неолибералы - что она абсолютно выгодна для ее участников.

4) сторонники обоих подходов согласны с главными приоритетами государств, как национальная мощь и экономическое благополучие, но неореалисты придают большее значение первому приоритету.

²⁴⁴ Keohan R. and Nye J. (Eds.) *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge (Mass.), 1972

²⁴⁵ Keohan R. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, 2d ed., 1989.

5) в отличие от неолибералов неореалисты выделяют значение возможностей, ресурсов государств, чем их политических намерений.

б) неореалисты признают влияние и воздействие международных организаций на международные отношения, но считают, что неолибералы преувеличивают их значение²⁴⁶.

Некоторые ученые из США, такие как, *Дж.Герц, И.Клод, Д.Най*, считают, что различия между неолиберализмом и неореализмом несущественны и отмечают, что они выражают одни и те же взгляды «реалистического либерализма». С таким подходом не согласны сами неореалисты. Один из них, профессор Джордж Грико формулировал различие между «либеральными институционалистами» (к коим он относил всех различных оппонентов «реалистов» прошлого от И. Канта и В.Вильсона до бихевиористов и модернистов 1960-70-х гг.), «неолиберальным институционализмом» (неолиберализмом) и «реализмом», т.е. неореализмом.

Представляется, что неолибералы, чьи взгляды в существенной мере отражали тенденции развития международных отношений в последние десятилетия, более склонны к компромиссу, чем неореалисты.

В конце XX в. в мире произошли глубокие и стремительные перемены: исчезла с карты система социализма, объединилась Германия, в Персидском заливе разразилась война западных стран во главе с США против Ирака, разрушился СССР, небывалая по цинизму интервенция Запада против суверенной Югославии. Закончилась эпоха «холодной войны» и биполярного мира.

Прошло еще слишком мало времени для того, чтобы можно было вполне осмыслить значение последнего десятилетия XX в. Но отдельные ученые, такие как, американский политолог *Есихиро Фрэнсис Фукуяма* (род. в 1952 г.), занимавший различные должности: старший научный сотрудник Центра по вопросам демократии, развития и верховенства права в Стэнфорде. профессора и руководителя программы международного развития в

²⁴⁶ Keohan R. Institutional Theory and the Realist Challenge after the Cold War. - in Baldwin D. (Ed.) Op. cit. P. 297

Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса. С февраля 2012 г. — ведущий научный сотрудник Института международных исследований Фримена Сполди при Стэнфордском университете, еще до развала СССР объявил в своей статье «Конец истории?» о победе Запада, западной идеи «в первую очередь, из-за полного крушения всех альтернатив западному либерализму»²⁴⁷.

Заявляя о «смерти» марксизма-ленинизма, Ф. Фукуяма, ранее занимавший пост заместителя директора управления политического планирования госдепартамента США, дал ей такую оценку: «Мы наблюдаем, по-видимому, не просто конец «холодной войны» или какого-то особого этапа послевоенной истории, а конец истории, как таковой: т.е. конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом». А для международных отношений «смерть» марксизма-ленинизма, заключал Ф.Фукуяма, «означает растущее уподобление международных отношений процессам, идущим в «Общем рынке» (с 1992 г. Европейский Союз - С.Н.), и снижение вероятности значительных конфликтов между государствами»²⁴⁸.

Своеобразным ответом Ф.Фукуяме стала статья президента Американской Ассоциации политических наук 1986-1987 гг., профессора Гарвардского университета, самого цитируемого ученого в мире *Самюэла Хантингтона (1927-2008 гг.)* «Столкновение цивилизаций?», опубли-

кованная в 1993 г. в журнале «Foreign Affairs»²⁴⁹, на страницах которого Ф.Фукуяма и высказал идею «конца истории».

²⁴⁷ Фукуяма Ф. Конец истории? - США. Экономика, политика, идеология. 1990. № 5. С.39.

²⁴⁸ Там же. С.53

²⁴⁹ она была опубликована в переводе на русский язык: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. Политические исследования. 1994. № 1

Статья С.Хантингтона начинается с изложения следующего предположения: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями - это и есть линии будущих фронтов»²⁵⁰.

С.Хантингтон утверждает, что на протяжении полутора веков от Вестфальского мира до французской Революции 1789г. конфликты разворачивались между монархиями, а после нее - между нациями. В результате мировой войны, большевистской революции и ответной реакции на нее «конфликт наций уступит место конфликту идеологий», в котором сторонами «были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия». По его мнению, в «холодной войне» этот конфликт воплотился в борьбу США и СССР - двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией - государством в классическом европейском смысле»²⁵¹.

Все конфликты между монархиями, нациями-государствами и идеологиями, включая и две мировые войны, ученый считает главным образом конфликтами западной цивилизации. Оригинально, что он относит к «внутризападным» конфликтам и холодную войну, подразумевая то, что советское государство было порождено идеологией западного происхождения. С окончанием «холодной войны», рассуждает С.Хантингтон, наступает не «конец истории», а конец западной фазы развития международной политики, когда в «центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями», народы и правительства которых «уже не выступают как объекты истории – мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю». В этом грядущем

²⁵⁰ Там же. С.33.

²⁵¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. Политические исследования. С.33-34

конфликте и завершается фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире, - заключает он²⁵².

Почему неизбежно столкновение цивилизаций?

Во-первых, потому, что различия между цивилизациями не просто реальны, но наиболее существенны.

Во-вторых, потому, что «мир становится все более тесным».

В-третьих, «процессы экономической модернизации» и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нации - государства как источника идентификации.

В-четвертых, господство Запада вызывает «рост цивилизационного самосознания» в незападных странах, «у которых достаточно стремления, воли, ресурсов, чтобы придать миру западный облик»²⁵³.

В-пятых, потому что «культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу». При этом С.Хантингтон придает главное значение национально-этническому, а еще более религиозному факторам: «В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать - на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем, из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином»²⁵⁴.

Культурная, цивилизационная общность способствует экономическому регионализму, экономической интеграции в рамках одной культуры и цивилизации, и в результате «разлом между цивилизациями» расширяется.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С.35

²⁵⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. Политические исследования. С.36

С.Хантингтон делает на основании этих умозаключений вывод, прямо противоположный тезису Ф.Фукуямы об «очевидности» триумфа Запада и западной идеи: «...попытки Запада распространить свои ценности: демократию и либерализм – как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Правительствам и политическим группам все реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они все чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации». Сам «тезис о возможности «универсальной цивилизации» - это западная идея», - отмечает С-Хантингтон.

По его мысли, в современном мире различаются «западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации»²⁵⁵.

Главная «линия разлома» между цивилизациями пролегает в Европе между западным христианством, с одной стороны, православием и исламом - с другой. «События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов». В Евразии «линии разлома» пролегают на северных рубежах исламского мира между ним и православием, в Южной Азии между мусульманами и буддистами, между Китаем и США.

Основным столкновением цивилизаций на глобальном уровне С.Хантингтон считает «конфликт между Западом и конфуцианско-исламскими государствами»²⁵⁶. Он замечает, что «уже 13 веков тянется конфликт вдоль линий разлома между западной и исламской цивилизациями» и военная конфронтация между ними на протяжении последнего столетия привела к войне в Персидском заливе против Саддама Хусейна. Конфуцианскую угрозу автор усматривает прежде всего в наращивании военной мощи Китая, в обладании им ядерным оружием и в угрозе его распространения в других странах конфуцианско-исламского блока. «Между исламско-конфуцианскими странами и Западом разворачивается новый виток гонки вооружений»²⁵⁷.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. С.37

²⁵⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. Политические исследования. С.38

Доказывая, что конфликты между странами разных цивилизаций станут «наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн», С.Хантингтон полагает, что необходимо провести четкое различие между краткосрочной выгодой для Запада и долгосрочным урегулированием.

По мнению ученого, в ближайшей перспективе интересы Запада требуют укрепления его единства, прежде всего сотрудничества между Европой и Северной Америкой, интеграции в западную цивилизацию Восточной Европы и Латинской Америки, расширение сотрудничества с Россией и Японией, урегулирование локальных межцивилизационных конфликтов, ограничение военной мощи конфуцианских и исламских стран, включая использование разногласий между ними, помощь странам других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и укрепление международных организаций, так как в них доминируют западные страны.

Однако, поддерживая свой потенциал на уровне, обеспечивающем защиту его интересов, в долгосрочной перспективе Запад, должен сам сближаться с другими цивилизациями, более глубоко понимать их фундаментальные религиозные и философские основы.

В редакционном комментарии статьи профессора С. Хантингтона российский журнал «Полис» оценил его цивилизационную модель как «едва ли не самую крупную из представленных за последнее десятилетие научную концепцию, в которой дана общая картина мира»²⁵⁸. Эта концепция, по существу, вписывается в традицию, скорее, историсофских, чем политологических исследований (О.Шпенглер, А.Тойнби). Идеи, изложенные им, витали в воздухе, и были уже высказаны другими авторами. Однако, следует отметить, что С.Хантингтон придал им стройную форму.

Вопросы для самоконтроля

1. Кто является автором широко признанного во всем западном мире системного метода анализа политических отношений?

2. Как У.Догерти, Р.Пфальцграфф определяли задачи науки международных отношений на постбихевиористской стадии?

²⁵⁸ Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С.Хантингтон отвечает оппонентам //Полис. 1994. N 1. С.49

3. Рассмотрите пятишкальную таблицу «мощи государств», которую приводят *Р.Гокс* и *Х.Якобсон* в работе «Анатомия влияния на решения, принимаемые в международной организации».

4. Назовите имя ученого, рассматривавшего проблему определения силы соперников с точки зрения оценки государственным лидер-рами.

5. Какие исследования проводились под эгидой Римского клуба, международной неправительственной организации, созданной в 1968 г. А.Печчеи?

6. В чем суть концепции Д.Форрестера?

7. Проанализируйте модель «Пределы роста» (1972 г.), разрабо-танную в Массачусетском технологическом институте.

8. Рассмотрите главные положения М.Месаровича и Э.Пестеля в работе «Человечество на поворотном рубеже».

9. Согланы ли Вы с точкой зрения американских ученых *У.Джонса* и *С.Розена*?

10. Деятельности какого Государственного секретаря США был посвящен критический анализ международной политики США про-фессором Гарвардского университета С.Хоффманом?

11. Назовите четыре вывода С.Хоффмана?

12. Проанализируйте классификацию современных западных ис-следований, которую приводят в своем учебнике «Международные отношения» *П.Тома* и *Р. Горман*.

13. В чем состоит главная идея профессора Стэнфордского уни-верситета *Роберта Норта* в работе «Война, мир, выживание»?

14. Назовите имя автора работы «Теория международной полити-ки», опубликованной в 1979 г., который переосмыслил традиционные положения теории «реализма».

15. Назовите основные работы *Роберта Кейохана*? В чем их суть?

16. Чем знаменит американский политолог *Фрэнсис Фукуяма*?

17. В чем состоит столкновение цивилизаций по Сэмюэлю Хан-тингтону?

18. Назовите основные черты теоретического изучения междуна-родных отношений в советскими учеными в период «холодной вой-ны»?

19. Кто является автором и инициатором «перестройки» и «ново-го политического мышления» в СССР во второй половине 1980-х гг.?

Глава 5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА МИРОПОНИМАНИЯ XXI В.

§ 1. Глобализация как универсальное явление международной жизни

Человеческое сообщество на всем протяжении своего исторического развития старается решить глобальные проблемы. Уровень их постановки и решения объективно влиял на экономическую, политическую, идеологическую и духовную сферы развития государств и народов.

«Основные параметры современной глобализации, — отмечает д.и.н. Г.Г. Дилигенский, — это не политическая зависимость, как было в прошлом — слабых от сильных, периферии от центра, колонии от метрополии, а три основных параметра:

- взаимозависимость экономическая;
- информационная глобализация, что связано с культурными процессами;
- взаимозависимость с точки зрения безопасности — экология, ядерное оружие и т.д.

На протяжении XX и в начале XXI вв. наблюдается процесс формирования глобальной экономики. Этот процесс сопровождается достаточно неоднозначными явлениями в политике. «Капитаны» основных финансово-промышленных группировок добиваются общей универсализации управления в глобальном масштабе. Главным результатом всеобщей глобализации можно назвать создание нового международно-политического порядка, где есть взаимозависимость всех государств планеты и совершенно новую парадигму миропонимания. Она направлена на трансформацию общественных связей и социальных институтов так, чтобы с одной стороны на ежедневную деятельность людей огромное влияние оказывают события, происходящие в других частях мира, а с другой - действия локальных структур имеют глобальные последствия на остальные государства.

«Глобализация, — справедливо отмечает известный российский политолог К.С. Гаджиев, предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и свя-

зей приобретают всемирный характер. В то же время она подразумевает возрастание уровней взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, организационная, административная, правовая и другие, а также постоянная интенсификация тенденций к установлению взаимосвязей через многочисленные сети современных коммуникаций и новой информационной технологии»²⁵⁹.

Попытки решения глобальных проблем человечества в настоящее время простимулировали начало дебатов в университетском научном сообществе, на страницах СМИ, в рамках политических партий и движений, государственных и негосударственных акторах во всем мире.

Стали вводиться в научный оборот и дипломатическую переписку новые понятия, например, термин «глобальное гражданское общество». Исследователь из США Х. Булл одним из первых привлек внимание на необходимости построения «глобального гражданского общества» в процессе развития международных отношений периода «холодной войны».²⁶⁰ Профессор Дж. Розенау пользовался этим термином, характеризуя новые типы гражданства и национально-культурного самосознания в мире²⁶¹.

Представители «постмодернизма» говорят об утверждении новых политических пространственных принципов. В частности, профессор Калифорнийского университета Р. Липшатц, отмечал: «Эти политические пространства очерчены сетью экономических, социальных и культурных отношений и населены деятелями, добровольно объединившимися в ассоциации и, несмотря на разницу в местоположение они связаны друг с другом в единые сети для реализации кон-

²⁵⁹ Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Учебник для ВУЗов. М.: Изд. «Логос», 1998, С. 75

²⁶⁰ Bull H. The Anarchical Society: A Study Of Order In World Politics, p. 254-276. Цит. по: Сергунин А.А., Макарычев А.С. Современная западная политическая мысль: «Постпозитивистская революция». Уч. пособие. Н.Новгород, Изд-во НГЛУ, 1999, С. 32

²⁶¹ Rosenau J. Turbulence In World Politics: A Theory Of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990; Rosenau J. Citizenship Without Moorings: Individual Responses to a Turbulent World. Paper Prepared For Presentation At The Annual Meeting Of the American Sociological Association, Pittsburg, August 23, 1992, P. 9-13.

кретных политических и социальных целей... Хотя составные части этих сетей, формирующих глобальное гражданское общество, и взаимодействует с государствами и правительствами по конкретным политическим вопросам, сами по себе эти сети выходят за пределы государственных границ и неограниченны государственной системой»²⁶².

Считаем, что постмодернисты явно пытались опередить время, заявив о возникновении «глобального гражданского общества». Они преувеличили значимость интернационализации общественной жизни различных стран и поспешили возвести ее в ранг новой научной теории.

Наибольший интерес в современной России представляют исследования по глобализации международных отношений доктора исторических наук, кандидата юридических наук, профессора *Ольги Олеговны Хохлышевой* из Нижегородского Государственного Университета. Ее работы (См: библиографический список) дают прекрасный анализ современного состояния мировой политики, актуальных концепций и подходов западных ученых-международников по вопросам глобалистики.

Изначально проходили дискуссии на страницах журналов, кафедрах университетов, в СМИ, а затем эксперты подошли к обоснованию идеи «глобального управления» (Global Governance)²⁶³. При этом четко определились следующие точки зрения относительно шансов реализации различных интегративных управленческих схем общемирового значения:

1. *Супергосударственная*. Мировое сообщество представляется в виде гипертрофированной модели национального государства, в данном случае глобальное управление понимается как своеобразный

²⁶² Lipshuts R. Reconstructing World Politics: The Emergence Of Global Civil Society // Millenium, 1992, vol. 21, no. 3, p. 329-393

²⁶³ См. Simai M. The Future of Global Governance. Managing Risk and Change In The International System. Washington D.C. United States Institute Of Peace Press, 1994, p. V-XI, 1-32, 33-118, 119-242, 243-338, 339-376.

международный, универсальный вариант обустройства внутренних дел²⁶⁴.

2. *Реформаторская применительно к ООН.* Представлена авторами, считающими реформированную и сильно измененную ООН в качестве главного действующего лица в институциональной организации процесса глобализации: Совет Безопасности воспринимается как квазиправительство, Генеральная Ассамблея - как национальный парламент, МВФ как мировой центральный банк, и т.д. Этот подход направлен на централизацию управления международными делами в интересах основных промышленно-развитых стран — основных доноров ООН. Автономия каких-либо подсистем в таком варианте глобализации, включая когнитивные структуры и частный бизнес, не допускается²⁶⁵.

3. *Реалистическая.* Данная точка зрения основана на идеологии, обосновывающей необходимость политического управления глобальным развитием, под руководством и участия, США и других сверхдержав, способных продвигать свои международные проекты и навязывать всем остальным государствам свои условия²⁶⁶.

4. *Кооперативная.* За основу взят проект «кооперативного глобального управления»²⁶⁷, который направлен на коллективное преодоление участниками процесса всевозможных вызовов универсальной системе международных отношений²⁶⁸. Перспективы установле-

²⁶⁴ Finkelstein L. What Is Global Governance, January, 1995, № 3, p. 367

²⁶⁵ См. подробнее о меняющейся роли ООН в: Luard E. The United Nations. How It Works and What It Does. Second Edition. Revised by Derek Heater. New York: St. Martin Press, New York, 1994; Andy Knight. A Changing United Nations: Multilateral Evolution and the Quest for Global Governance. 2000 Кортуннов А.В. Россия и реформы ООН. М.: РНФ, Московское отделение, 1995, с. 77-101 Щорс Т.М. Общественная информация ООН в условиях глобализации -- М, Весь Мир, 2009 г.- 204 с. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество - СПб, Международные отношения, 2008 г.- 420 с. Он же. Кому нужна реформа ООН. В интересах всех и каждого -- СПб, Международные отношения, 2010 г.- 370 с. Говердовская Т.Н. Реформа Совета Безопасности ООН. Значение реформирования для поддержания международного мира и безопасности. М.: ИНФРА-М, 2011. - 376 с. Задохин А.Н. Реформа ООН: мифы и реальность Некоммерческое партнерство Научно-информационное агентство «Наследие отечества». - 2006. № 5. - 250 с Плоскова А.Б. Реформирование ООН и пересмотр Устава. Реформа Совета Безопасности Диалог-МГУ, 1998 ISBN: 5892093263

²⁶⁶ Это характерно для всех работ З. Бжезинского и С.Хантингтона.

²⁶⁷ «cooperative global governance»

²⁶⁸ См.: International Politic, 1998, № 11, с. 12. Corradels J. and Feinberg R. Regimes of Cooperation in The Western Hemisphere: Power, Interests, and Intellectual Traditions //

ния оптимальной модели глобального управления международными процессами в мире связана с осознанием того, что:

1. Архитектура глобального управления многогранна и полицентрична. Политика основывается здесь на коллективных процессах поиска решений и взаимопонимании правительств стран-участников.

2. Глобальное управление осуществляется не только правительствами, но и частными акторами, экономическими, профсоюзными и неправительственными организациями. Правительства сохраняют за собой монополию на закрепление и проведение тех или иных политических линий, однако частные акторы играют все более весомую роль на этапах определения проблемы, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения.

3. Глобальное управление основывается на различных формах международного сотрудничества между общественным и частным сектором²⁶⁹, а также на коллективном поиске и разрешении проблем. Международные организации в архитектуре глобального управления могут взять на себя координирующие функции и содействуют выработке глобальных способов рассмотрения и восприятия проблем, благодаря чему может быть скорректирована национальная близорукость и ограниченность других игроков).

4. Глобальное управление находится в точке пересечения национальных интересов, властных отношений и необходимости совместного разрешения проблемы сотрудничества. Совместные усилия по решению проблемы и участие - необходимые механизмы регулирования глобальных взаимозависимостей и проблем, выходящих за рамки отдельных государств.

Фактически асимметричные властные отношения в мировом обществе до сих пор частенько приводили к тому, что о глобальном управлении вспоминают тогда, когда затронуты интересы влиятельных стран и игроков (например, интересы промышленно развитых стран и международных банков, пытающихся смягчить последствия азиатского кризиса). Если этого нет, то проблема не решается (например, списание долгов наиболее бедным развивающимся стра-

International Studies Quarterly, vol. 43, no. 1, March 1999, p. 1-36; Checkel J. Norms, Institutions and National Identity in Contemporars Europe // International Studies Quarterly, vol 43, no. 1, March 1999, p. 83-114

²⁶⁹ «public-private partnership»

нам). Подобная ситуация подрывает готовность более слабых стран к сотрудничеству и тем самым - на более длительную перспективу - шансы на преодоление мировых проблем, для разрешения которых необходимы усилия и этих государств (например, в области охраны окружающей среды, здравоохранения).

5. Глобальное управление не ограничивается принципом максимальной многосторонности, т.е. привлечения возможно большего количества участников. Оно базируется на многоуровневой архитектуре, предполагая наличие таких уровней как локальный, национальный - региональный-межрегиональный и международный – глобальный. При этом проблемы, выходящие за рамки отдельных государств, и глобальные проблемы решаются отнюдь не только на глобальном уровне, не только международными организациями или международными режимами. Решающим является то, что многие проблемы делают необходимыми политические ответы на всех уровнях - от локального до глобального.

6. Глобальное управление приводит к глубинной трансформации политики и вынуждает к институциональным инновациям: политика будет осуществляться в структурах, пронизанных становящимися все более плотными горизонтальными и вертикальными сетями. Значение сетевых структур внутри общественных систем и между ними растет, концепция национально-государственного суверенитета размывается, в рамках архитектуры глобального управления действует большое количество частных и публичных игроков, и система министерств отдельных государств встает перед необходимостью адаптации. Трансформация политики в этом направлении уже давно осуществляется во многих сферах (например, в области охраны окружающей среды).

Научное осмысление процессов глобализации на Западе предполагает уже в ближайшем будущем дисперсию представлений общества о границах большой политики. Политика, выходящая за рамки одной страны, будет охватывать гораздо более широкий круг проблем по сравнению с классической внешней политикой и политикой безопасности. Научная, технологическая, энергетическая, транспортная, социальная политика, политика в области охраны окружающей среды и т.д. все глубже интернационализируются. Таким образом, границы

между внутренней и внешней политикой становятся расплывчатыми, внешнеполитические отношения стран видоизменяются.

Такое положение дел обостряет значение глобальных проблем и требует новых экстренных подходов к их разрешению. Прежде всего:

— *Глобальных социальных благ.* Это касается, с одной стороны, проблем всемирного масштаба (изменение климата, появления озоновых дыр, наступление пустынь на плодородные земли, возможность биологических катаклизмов, безопасность мира, кризисы финансовых рынков), где речь идет о защите глобальных ценностей. Проблемы могут быть порождены или обострены действиями некоторых акторов, в частности, угрожающими выбросами углекислого газа индустриальными странами, (особенно актуален отказ США от Соглашения по климату), превращаясь тем не менее в угрозы для всего мира.

— *Глобальных проблем, связанных со взаимозависимостью.* Вслед за экономическими кризисами нарастает процесс обнищания, который приводит к усилению миграционных потоков (это очень заметно сегодня в современной Европе), критическое состояние окружающей среды может стать причиной войн, мировая торговля повышает уровень благосостояния народов, но из-за увеличения транспортных потоков может стать угрозой для окружающей среды и т.д. Обеспечение политических связей и управление взаимозависимостями между политикой и проблемными областями в рамках отдельного государства уже представляет собой заметную трудность и развито недостаточно²⁷⁰. На международном уровне дефицит практических действий более значителен. Дееспособные международные организации (например, ВТО, МВФ) являются классическими образцами моноориентированных организаций, которые недостаточно учитывают комплексные последствия своих действий²⁷¹. На всемирных конференциях 1990-х гг. многие из этих проблем были разработаны и получили свое закрепление в документах. На всех уровнях - от локального до глобального – существует нехватка институтов, которые наблюдали бы за взаимодействием, координировали и сводили бы воедино различные подходы к разрешению проблем;

²⁷⁰ Например, в Испании (Каталония, Страна Басков) и Великобритании (Шотландия, Северная Ирландия), в Канаде (провинция Квебек)

²⁷¹ Например, МВФ – в угоду политической конъюнктуре по поводу украинского долга даже нарушают устав собственной организации

— *Глобальных феноменов.* Неуправляемость городов-миллионеров, кризисы крупных, построенных по иерархическому принципу организаций государственных управленческих структур или процессы нарастающей обособленности в обществе - это проблемы, которые мы находим повсюду причем они вовсе не обязательно вызваны мировыми взаимозависимостями. В этом смысле нищета и голод тоже часто рассматриваются как глобальные феномены. Этот тип мировых проблем может и должен решаться и впредь в основном в рамках национально-государственной политики. Опыт других стран и регионов может быть систематически проанализирован. В будущем особенно динамично будут развиваться те страны, которые окажутся способными систематически учиться на чужом опыте.

— *Системной конкуренции отдельных государств в мировой экономике.* Глобализация мирового хозяйства и либеральные сдвиги во всем мире обострили конкуренцию между отдельными государствами. Не только экономические институты, но и социальные системы и системы, регулирующие отношения с окружающей средой, конкурируют друг с другом в мировой экономике. Если эта конкуренция не будет введена в институциональные рамки, то возникает угроза нарастания дерегулирования и демпинга, что дестабилизирует мировую экономику и ущемляет социальные завоевания и достижения политики в области охраны окружающей среды. Должны быть разработаны политико-экономические ответы на национальном, региональном и международном уровнях. На международном уровне есть потребность в мировых экономических упорядочивающих рамках. Такие феномены, как миграция, загрязнение Северного моря, таяние ледников, кислотные дожди или трудовая миграция (например, в рамках ЕС) выходят за рамки сферы действия политики отдельного государства и ставят под вопрос традиционную концепцию национально-государственного суверенитета, поскольку действия или бездействие одной страны оказывают губительное влияние на другие страны. Многие проблемы, вне компетенции отдельных государств, могут быть решены в контексте региональных интеграционных проектов.

— *Глобализация права.* Согласно исследованиям доктора юридических наук, профессора из Владимирского Государственного Университета *Валерия Викторовича Богатырева* (род. в 1960 г.) влияние глобализации на право, происходит в трех основных направлениях: на стадии правотворчества, в законодательстве и отражается в источниках права²⁷²

Глобализация права непосредственно связана с глобализацией международных отношений и мировой политики, отражается на всех внешнеполитических действиях государств.

По мнению исследователя необходимо учитывать, что «именно право в своей основе имеет все предпосылки для глобализации, так как оно менее других социальных регуляторов завязано на национальных особенностях и более оперативно изменяется. Вместе с тем долгое время во всех странах мира, изучая право, ученые заостряли внимание в основном на национальных особенностях правовых систем, что свидетельствует о национализме в правовой сфере. Однако сегодня следует заняться изучением сторон, объединяющих правовые системы, их интернационализирующих.

Необходимость переориентации парадигмы исследований в правовой сфере объективно определена потребностями регуляции формирующихся новых глобальных социальных структур, в рамках которых старые правовые регуляторы, как национальные, так и международные, уже не действуют»²⁷³.

Мысль о построении справедливого, гармоничного общества всегда занимала человечество. С древнейших времен развивались концепции нового мирового порядка, мирового правительства, единого государства. Так, теория Конфуция, получившая название «Большой Союз», предполагала объединение всех народов в единое государство, которым бы управлял справедливый правитель. Платон и

²⁷² Богатырев В. В. Глобализация позитивного права // Российский следователь. – № 19. С.23

²⁷³ Богатырев В.В. Глобализация права. Дис...д-ра юр. наук. Владимир, 2012. С.6

Аристотель сформировали теорию «всеобщего блага, как основной цели общества и политики», где бы сконцентрировались представления, о правах человека и о правовом государстве, о формах личной и коллективной безопасности, включая суверенность территорий, неприкосновенность личности, гарантии экономической и иной деятельности. Ключевой идеей концепции «общего блага» всегда было представление о процветании человечества как такового.

Наибольшее влияние на формирование идей о справедливом мироустройстве, оказали ведущие мировые религии - христианство и ислам. По мнению современных конфликтологов, христианство подтолкнуло к развитию концепции «только мир», а ислам - «только война». Такое разделение эксперты обосновывают тем, что если в христианстве запрещается отвечать насилием на насилие, то ислам призывает ответить ударом на удар. Однако и в Библии, и в Коране заложены те основные принципы правильных взаимоотношений людей, которые предусматривают различные ситуации поведения для установления мира.

Концепции Справедливого мирового правительства сложились в период Средневековья, в которых воображался образ мудрого государя, который установит и сохранит мир, порядок, справедливость. Наиболее известна формула Данте «Мировая монархия», которая была представлена в трактате «О монархии».

Мысли о новом мировом порядке, международном праве, мировом правительстве получили свое развитие в работах Томаса Мора, Николло Макиавелли, Жан Жака Руссо, Вольтера, Симона Фурье, Михаила Бакунина. Стоит вспомнить и о марксистской общественной модели — «Международной республике Советов», - которую практически строили в России.

В настоящее время новый миропорядок характеризуется как концепция общественного развития, которая ставит целью коренное социально-экономическое преобразование человеческого сообщества, то есть реорганизацию международных, политических, экономических и культурных взаимосвязей, которая бы сняла или смягчила кризисность, конфликтность и конфронтационность во взаимоотношениях между богатыми и бедными, между экономически развитыми и развивающимися государствами, между странами с различными социальными системами и помогла бы человечеству избежать коллапса.

На Западе это целое направление экономической и общественно-политической мысли. После 1970-х гг. проектирование нового общества составило целый пласт в развитии неолиберализма. Отметим, что теории Нового мира и Нового общества развивают концепцию постиндустриализма. Сторонниками этого тренда являются представители либерально-демократической «гуманистической» футурологии — В Вагнер, Ф. Полан, А. Уоскоу, Я. Бхагавати, Р. Фалк, Й. Галтунг, А. Мазруи и другие. Ученые данной научной школы выступали за идею развития «нового космополиса», такого общества, в котором будет сохранен мир, обеспечивающий человеку благополучие, справедливость, гармонию, «многообразие жизненных стилей и гуманистических убеждений».

Исследователи полагают, аналогичным представляется и подход христианства к изменению общества, традиционно трактующий обновление с точки зрения «христианского порядка», библейских законов, как установление нравственного, справедливого и пользующегося всеобщей поддержкой общественного устройства. Здесь следует обратить внимание конечный субъект исследования: все модели Нового миропорядка — это модель развития человечества, в вот христианство обращается исключительно к человеческой душе.

Особое влияние на современные концепции нового мирового порядка начинают оказывать теории, базирующиеся на основах конфуцианства, буддизма и ислама. Если первые предполагают построение справедливого общества путем искоренения любого насилия, то последняя предполагает в качестве его основы «обладание свободой выбора и действий», а также «возможности для развития мышления, а не чувств и эмоций».

Основными проводниками идей о новом мировом правительстве прежде всего являются сегодня ООН и ее специализированные учреждения. Например, конференция в Ямасукро, проведенная с 26 июня по 1 июля 1989 г. под эгидой ЮНЕСКО, была посвящена развитию возможностей формирования Справедливого Общества. По мнению авторов предложенной концепции, основными принципами, на которых должно базироваться Новое общество, являются равенство, солидарность и свобода, а для скорейшего их достижения необходимо «стремление человечества к тотальному разоружению, мирному разрешению любых конфликтов, защите и соблюдению прав человека».

В концепции говорится и об ответственности лиц за их действия, которые принимают решения в масштабах мира. Выделяются главные причины, которые могут воспрепятствовать установлению Нового порядка. Это, *во-первых*, экономический дисбаланс Севера и Юга, *во-вторых*, демографическая ситуация; *в-третьих*, рост потребления, пропагандируемый западным стилем жизни, *в-четвертых*, природные ресурсы, провоцирующие конфликты и войны, и *в-пятых*, неадекватность политики правительств. Крайнюю озабоченность вызывает и различие культур, поэтому было предложено создать «глобальную культуру мира, основанную на гуманистических принципах». Полагаем, что эти проекты имеют иллюзорный характер, авторы концепции уверены, что выполнение рекомендаций будет способствовать продвижению формирования на планете Справедливого мирового порядка²⁷⁴.

Удивительно, но ООН и аффилированные с ней международные учреждения поощряют такого рода «проекты». Так, в 1991 г. ЮНЕСКО был учрежден специальный приз за лучшую программу формирования справедливого общества.

«По мере развития мировой политики в начале грядущего столетия, - отмечает директор Научного института Германского общества внешней политики, профессор политологии Боннского университета *Карл-Отто-Вольф Кайзер*, - вновь станет вопрос о демократии. Две противоположные тенденции определяют ныне происходящие процессы: с одной стороны, переплетение современных обществ, связанное с глобализацией, подрывает механизмы демократического контроля национального государства, которое само по себе представляет собой пройденный этап. С другой стороны, новые технологии электронной коммуникации открывают индивидуумам и группам столь широкий доступ к информации, что это все больше осложняет дальнейшее существование авторитарных политических режимов. Хотя это и противоположные тенденции развития, они не оказывают компенсирующего воздействия: шанс на демократизацию, обусловленный доступом к информации, не в состоянии ни внести коррективы, ни прекратить эрозию механизмов демократического контроля, возможно, частично (но только частично), потому что они проявляют свою эффективность в различных режимах. Но общим признаком

²⁷⁴ Boulding E. Concept Of Peace Culture. UNESCO, 1992. p. 10

этих двух процессов является то, что они ставят под вопрос существующие порядки. Тем самым указанные выше развития вносят свой вклад в динамику и нестабильности новой эры мировой политики. Иллюстрацией этого стало бессилие правительств перед лицом международных финансовых и валютных кризисов или эффект усиления радикальных движений, вызванных трансграничной коммуникацией»²⁷⁵.

Соответственно, коалиция в глобальном измерении для Запада имеет особый смысл, так как встречает все большее сопротивление европейских союзников по НАТО, но суть самого замысла Запада состоит в том, чтобы мир в рамках нового мирового порядка управлялся на глобальном уровне оперативно, и чтобы глобальное управление действиями коалицией индустриально развитых держав во всем мире было централизованным и эффективным. В связи с этим неудивительно желание последних пяти президентов США (и особенно Д.Трампа) и их союзников придать новый динамизм ООН, реформировав ее не только в сверхправительство, но и в глобальный оперативный штаб, оснащенный всем необходимым для тотального контроля над мировыми политическими процессами.

Глобальный контроль, осуществляемый цивилизованными нациями, означает прежде всего и главным образом достижение организационного превосходства над многими нациями, не сумевшими сплотиться.

Запад рассчитывает на значительное перераспределение всех жизненно важных ресурсов планеты в свою пользу²⁷⁶. Его новые стратегические установки прагматичны. Объединившись в коалицию западные страны составляют мощное организационное оружие, но применяя его на практике в условиях разрушения биполярной структуры мира США и их союзники по НАТО потеряли ориентиры, поддавшись иллюзиям относительной возможности и безнаказанности быстрого решения собственных внешнеполитических и иных проблем на фоне дезинтеграционных процессов. Так они считали развязывая мас-

²⁷⁵ Кайзер К. Глобализация как проблема демократизации // International Politic, №4, 1998, с. 3

²⁷⁶ Особенно вызывают недоумение высказывания политического истеблишмента США о том, что Россия не имеет права владеть такими природными богатствами, которые есть в Сибири, о том, что Россия имея ледокольный флот «должна сопровождать все иностранные суда по северному морскому пути БЕСПЛАТНО» - Прим. автора.

совые бомбардировки в 1999 г. суверенного государства в центре Европы, члена ООН и ОБСЕ Югославии²⁷⁷. Это разблокировало те культурно-этнические, национальные, конфессиональные противоречия, которые связаны с попытками некоторых государств, считающих себя членами элитарного «клуба богатых цивилизованных стран», обеспечить свое благополучие за счет остального мира. В результате мы имеем эффект противостояния Западу в целом со стороны крепнущих в Азии, Африки и Латинской Америке новых «центров силы», претендующих на лидерство. Разнонаправленность их целей генерирует новые угрозы национальной и всеобщей безопасности, серьезность которых обуславливается тем, что до сих пор одним из главных средств достижения политических целей остается война.

О возможности нагнетания растущих противоречий внутри евро-американской коалиции предупреждает З.Бжезинский.

«Каким бы ни было будущее, — отмечается в его работе «Великая шахматная доска», — разумно сделать вывод о том, что американское главенство в Европе столкнется с различными волнениями, возможно, с отдельными случаями насилия. Ведущая роль Америки потенциально не защищена от новых проблем, которые могут создать как региональные соперники, так и новая расстановка сил. Нынешняя мировая система с преобладанием Америки снятием «угрозы войны» с повестки дня стабильна вероятно только в тех частях мира, в которых американское главенство, определяемое долгосрочной геостратегией, опирается на совместные и родственные общественно-политические системы, связанные иностранными рамками»²⁷⁸.

Можно констатировать, что международные отношения в мире ухудшаются и формируемая англо-саксонская глобальная система международной безопасности крайне недружелюбна сегодня к России.

²⁷⁷ Более подробно смотри: Новиков С.С. Международно-правовая значимость вклада Российской Федерации в процесс международного миротворчества // Евразийский юридический журнал №7(110) 2017. С.29-33, Он же. Миротворческие миссии ООН на Балканах в 1991–1998 гг.: монография – Владимир: ВЮИ Минюста, 2004. – 171с.; Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990-2000). — Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. — 720 с. Ее же, Для бомбежек Югославии в 1999 г. нужен был повод... // Славянский мир в Третьем тысячелетии. М.: Инслав, 2016. С. 237-249. Ее же, Трудное урегулирование: Как останавливали бомбежки в Югославии в 1999 г. // Новая и новейшая история. М., 2015. № 5. С. 76-92.

²⁷⁸ Бжезинский З. Великая шахматная доска, С. 73.

Существует неопровержимый факт, что ни одна из крупных международных организаций, созданных в новейшее время для борьбы с катаклизмами и несчастьями человечества, не была распущена на основании выполнения своего мандата полностью. В некоторых сферах все-таки добились определенных успехов, например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), благодаря всеобщим усилиям мирового сообщества и достижениям медицины, некоторые страшные болезни, такие как чума, холера, оспа, детский церебральный паралич практически минимизированы. Аналогичная картина и с миротворческими миссиями ООН: официально лишь одна миссия - Временная Администрация ООН в Восточной Славонии (Хорватия) полностью выполнила свой мандат (Прим. автора).

Мирное разрешение всемирно-исторических противоречий между СССР и Западом во главе с США помогло избежать ядерной катастрофы, которая могла случиться в любой момент при принятии ошибочного политического решения (например, во время Карибского кризиса 1962 г.). Фактор ядерной угрозы пока не исключен окончательно, но уже маловероятен. В этом заслуга политиков, лидеров ядерных государств, государственных и негосударственных акторов, представителей «мягкой» дипломатии.

Стоит признать, что есть и негативные формы глобализации, присущие федеративным государствам, но не явные для унитарных стран, и прежде всего это деятельность субъектов федерации за рубежом, которая может не дать возможность государствам согласовано выступать на международной арене.

Профессор Хохлышева О.О. отмечает слабые стороны федерализма:

- недостаточное сотрудничество на внутригосударственном уровне в поиске общих решений проблем, возникающих в связи с глобализацией;
- дублирование международных программ;
- серьезная и дорогостоящая конкуренция между субъектами федерации за привлечение иностранных корпораций на территориях своей юрисдикции;
- недостаток национальных стандартов в ряде важных областей, включая законы об ответственности, фидуциарная ответственность, нормы в отношении охраны окружающей среды и т.д.;

- субнациональный протекционизм и другие барьеры, затрудняющее свободное перемещение товаров, услуг и людских потоков в пределах федерации, что создает препятствия местным товаропроизводителям в их попытках быть конкурентоспособными на международном уровне;

- частое столкновение интересов в области бюджетного федерализма;

- периодически возникающие дебаты по поводу того какой уровень государственной власти имеет больше возможностей для решения широкого спектра возникающих проблем Глобализация также может обострять проблемы национального единства в «хрупких» федерациях в смысле их дезинтеграции.

Однако, федерации могут обладать и преимуществом по сравнению с унитарными государствами в том, когда решаются вопросы, связанные с глобализацией. Большой опыт федеративных государств в сфере внутригосударственных отношений дает им возможность взаимодействовать с другими странами и их субнациональными подразделениями. Региональные и местные органы власти в федерациях обладают полномочиями, гибкостью и бюджетными ресурсами для проведения различных социально-экономических программ, которые, могут быть распространены на остальные субъекты.

С большой долей вероятности можно говорить, что в нынешнем столетии направление по пути к глобализации будет усиливать взаимозависимость между экономическими процессами на местном, национальном и международном уровнях. И это совсем не значит, что границы государств станут анахронизмом, исчезнут. События в Европе 2014-2017 гг., связанные с мигрантским кризисом показали, что у некоторых стран ЕС есть желание их восстановить. Дальнейшее развитие глобальной и региональной торговли и либерализация в области инвестиций, происходящая в связи с деятельностью в рамках Всемирной организации по торговле (WTO), Евросоюза, Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), БРИКС, ШОС и других международных соглашений несомненно сократит разницу между объемами внутренней и международной торговли.

Преодоление глобальных препятствий на пути прогресса человечества зависит от усилий всех людей. Их надежды, что «строители» нового миропорядка построят справедливое глобальное сообщество –

иллюзорны и утопичны. Однако деятельность прогрессивной мировой общественности с учетом новой парадигмы миропонимания и разумного глобализма были бы вполне приемлемы применительно к любому аспекту международно-политической жизни на планете, и особенно это относится к прекращению гонки вооружений, миротворческим процессам, и решения экономических и социальных задач на региональном и глобальном уровнях.

§ 2. Российская внешнеполитическая стратегия XXI в.

Сегодня мы можем точно утверждать о том, что весь романтизм российских надежд 1980-1990-х гг. о «духе партнерства со всеми» испарился. Запад не оставил своих планов подмять под себя всю Восточную Европу и отстранить Россию от мировых дел. Страны Варшавского Договора моментально после распада СССР устремились в Европейский Союз и НАТО, а российская внешняя политика периода Б.Н.Ельцина и А.В.Козырева (господина «Да», как его называли в противовес А.А.Громыко (господин «Нет»)) стала плестись в фарватере американского Госдепартамента. Министр иностранных дел России А.В. Козырев даже подобострастно просил американских «партнеров» рассказать о наших национальных интересах. По-моему, большего позора российский народ еще не испытывал в своей истории. Вместо отрицательного стереотипа западного общества (так как советская идеология доминировала), мы перешли к столь же некритическому, но целиком положительному стереотипу. Необходимо реалистично оценивать современную международную обстановку и уровень международных отношений. То есть реализм во всех его проявлениях.

После Беловежских соглашений (кстати, оригинал которых так и не найден) Российская Федерация прошла два периода осмысления «нового мирового порядка»:

1. В начале и в середине 1990-е гг. российский истеблишмент всеми силами старалось в глобальное мировое сообщество, претендуя на уровень супердержавы, а лишь бы занять какую-либо нишу в «мировом правительстве».

2. В 2000-е гг., после ухода Б.Н.Ельцина и его команды и избрания Президентом РФ В.В.Путина происходит обратный процесс –

Россия жертвует всем лишь бы укрепить национальный суверенитет, отстаивать свои национальные интересы и уйти из-под «жарких» объятий Запада, минимизировать его давление на страну.

Оба периода изначально представляли собой не четко выверенные стратегии внешней политики, а подчас, ответную реакцию на предыдущий этап. Если СССР и весь период его существования был крайне закрытым и обособленным, конфронтационным, то в начале 1990-х гг. Россию захлестнула волна абсолютной открытости, копирования и восхваления всего западного – это касалось от внешней и внутренней политики до культуры потребления. Либерал-реформаторы в России совершили столько ошибок и даже преступлений против своего народа (но не против новых олигархов), что новому руководству страны во главе с В.В.Путиным с начала 2000-х гг. пришлось их устранять, а иногда и «ломать через колено» прошлое мировоззрение и миропонимание как внутренней, так и внешней политики. Назрела потребность в формировании взвешенной и самостоятельной международной политики России. В настоящее время России крайне необходимо обратиться к реализму, к реальной оценке дел в международной политике. Базируясь на такой оценке, следует строить (и этот процесс уже идет) эффективную политику с учетом прагматичного подхода к современной международной обстановке. Мы не скрываем свои цели и задачи, учитываем политическую расстановку сил в мире и обозначили приоритеты в проведении последовательного геополитического курса. Мы определенно поняли главное – США не изменили и не хотят менять стратегического курса внешней политики на установление собственной гегемонии и мирового контроля. Полагаем, что нам необходимо вновь вернуть в лексикон слово «противник», которое в ельцинскую эпоху было употреблять неприлично, но если наши, так называемые «партнеры», открытым текстом пишут в своих Стратегиях безопасности, что Россия является потенциальным противником и угрозой национальной безопасности, мы должны и можем адекватно ответить.

С 2000 г. начинается действительный переход к внешнеполитическому курсу отстаивания национальных интересов. В самом начале деятельности нового президента Российской Федерации была принята новая Концепция внешней политики государства, где впервые были четко определены внешнеполитическая стратегия страны и позиции

по основным направлениям российской внешней политики. Эта Концепция официально закрепляла идею великодержавности России в сочетании с реалистичной оценкой мировой ситуации. Приоритеты внешней политика были следующими:

- обеспечение надежной безопасности страны, сохранение и укрепление её суверенитета и территориальной целостности;
- формирование стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на нормах международного права;
- создание благоприятных внешних условий для поступательного развития России, подъема ее экономики;
- формирование пояса добрососедства по периметру российских границ; - защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом.

В Концепции четко прослеживается мысль о приверженности многополярному мироустройству. Мировой порядок в начале XXI в. должен основываться на механизмах коллективного решения проблем, а стратегия односторонних действий может лишь дестабилизировать международную обстановку, усугубить межгосударственные противоречия. Принятие национально ориентированной Концепции и несомненное стремление нового руководства целенаправленно работать над ее реализацией еще не создавали гарантий от ошибок и спорных решений. Среди них ликвидация российских военных баз на Кубе (Лурдес) и во Вьетнаме (Камрань), а также двух дивизий ракетных войск стратегического назначения на железнодорожной основе. Ликвидированные железнодорожные комплексы до сих пор не имеют аналогов в мире. В этих решениях еще прослеживается инерция политики уступок Западу и прежде всего США, крайне жестко реагировавших на растущую самостоятельность поведения России на международной арене:

- позиция России по вопросу о расширении НАТО была полностью проигнорирована (хотя это и обговаривалось прежним руководством)²⁷⁹ и вслед за странами Восточной Европы в НАТО были приняты страны Балтии;

²⁷⁹ Существуют стенограммы встреч на высшем уровне по данному вопросу, и есть живые свидетели заверений Запада не расштрять НАТО на Восток. Да этого и не скрывают западные политики -Прим. автора.

- на постсоветском пространстве проводилась политика вытеснения России и поддержки антироссийски настроенных политиков, что вполне определенно проявилось в ходе так называемых «цветных революций» в Грузии, на Украине, в Средней Азии;

- Центральная (Средняя) Азия, Закавказье, Прикаспийский регион были объявлены зоной интересов США, что предполагало активную американскую политику и ослабление позиций России в этих регионах;

- США продолжали сохранять дискриминационные ограничения в торговле с Россией, введенные еще в бытность СССР²⁸⁰, и отказывались предоставить нашей стране на постоянной основе статус наибольшего благоприятствования в торговле, являющийся нормой для стран, находящихся в партнёрских отношениях;

- Россия находилась под постоянным прессингом критики и давлением в связи с военным конфликтом в Чечне, а в оценке этих действий использовался двойной стандарт, что было особенно очевидно на фоне действий НАТО в 1999 г. против Югославии, когда авиация блока, преимущественно американская, 11 недель подвергала бомбардировке всю территорию суверенного государства в центре Европы²⁸¹.

В декабре 2001 г. США приняли решение о выходе из Договора ПРО 1972 г., не считаясь с позицией России, считавшей, что развал ПРО угрожает глобальной стратегической стабильности. Для России на рубеже веков сложилась крайне сложная ситуация в сфере обеспечения национальной безопасности: на западе расширение НАТО приобрело необратимый характер, усиливалась нестабильность на южном направлении (Афганистан, Ирак, Пакистан), на востоке росло военное могущество Китая и Японии. Плюс к этому – огромный дисбаланс с США не в пользу России во всех сферах, включая военную: в 2004 г. военные расходы США составили 455 млрд. долларов США²⁸², России – 19,4 млрд. долларов США. Однако и в таких условиях Россия сохранила приверженность принципам и целям своей политики. Вот

²⁸⁰ Поправка Джонсона-Веника.

²⁸¹ Более подробно смотри работы Е.Ю.Гуськовой, Е.Г.Пономаревой, С.С.Новикова и др. в списке литературы

²⁸² В августе 2018 г. президент США Д.Трамп подписал новый бюджет военного ведомства на сумму в 716 млрд. долларов США, что превышает военные бюджеты десяти ближайших союзников США вместе взятых. Возникает вопрос – с какой целью?

лишь некоторые известные эпизоды внешней политики России начала XXI в.

- рассматривая борьбу с международным терроризмом как важнейшую национальную и внешнеполитическую задачу, Россия поддержала меры, предпринятые США после событий 11 сентября 2001 г. и содействовала их реализации, предоставив американской авиации воздушный коридор для доставки грузов войскам в Афганистане;

- однозначное осуждение со стороны Российской Федерации получило вторжение США и их союзников в Ирак, осуществленное весной 2003 г. без санкции ООН под фальшивым предлогом наличия в Ираке оружия массового уничтожения (ОМУ)²⁸³;

- последовательно отстаивая хельсинкский принцип нерушимости границ в Европе, Россия не признала провозглашенную албанскими сепаратистами независимость Косово: узаконивание данного прецедента создавало все условия для масштабного пересмотра границ в Европе²⁸⁴;

- решительными действиями была остановлена агрессия Грузии против народа Южной Осетии, сопровождавшаяся неспровоцированным нападением на российских миротворцев в августе 2008 г.;

- на основании результатов референдума в Крыму (98% за присоединение к России), волеизъявления крымчан и нормах международного права полуостров Крым воссоединился с Россией;

- в 2015 г. по просьбе законного правительства Сирийской Арабской Республики для борьбы с международным терроризмом в эту страну был введен российский воинский контингент.

В каждом отмеченном эпизоде российские политики и дипломаты были последовательны в проведении курса, направленного на отстаивание национальных интересов. Россия медленно, но последовательно восстанавливала свои позиции не только в Евразии, но и за ее пределами. Визиты высших российских руководителей во главе пред-

²⁸³ Эпизод с пробиркой в руках госсекретаря США Коллина Пауэла на заседании в Совете Безопасности ООН

²⁸⁴ См: Гуськова Е. Ю. Трудное урегулирование: Как останавливали бомбежки в Югославии в 1999 г. // Новая и новейшая история. М., 2015. № 5. С. 76-92. Новиков С.С. Бомбардировки Югославии: нарушения международного права странами НАТО и их последствия // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2011. – № 1. – С.104–108.Его же, Международное партнерство в урегулировании конфликта в Косово: монография. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. – 236 с.

ставительных делегаций в страны Латинской Америки и Африки, сопровождавшиеся подписанием многочисленных соглашений об экономическом, военном и других видов сотрудничества, продемонстрировали всему миру, что Россия снова возвращается в узкий круг держав с глобальными интересами.

Концентрированное изложение идеологии внешней политики современной России было представлено гражданам РФ и мировому сообществу в июле 2008 г. на страницах новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России Д.А. Медведевым. Документ дополнял и развивал положения предыдущей Концепции с учетом изменений в мире после 2000 г. Современная Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.²⁸⁵

Основное качество Концепции – это реалистичность. В основе внешней политики лежат прагматизм, открытость, предсказуемость, неконфронтационное продвижение национальных интересов. Отличительной чертой российской внешней политики является ее сбалансированность и многовекторность. Впервые в самостоятельный раздел выделена проблема верховенства права в международных отношениях. Подчеркивается, что поддержание и укрепление международной законности - приоритетное направление для Российской Федерации. Тезис о решимости России выступать на международной арене в поддержку права проходит через весь документ. Другая приоритетная тема Концепции – роль и место ООН в современном мире. Главный тезис утверждает, что ООН и в XXI в. должна оставаться центром регулирования международных отношений и координации мировой политики. Действия любой страны на мировой арене должны строиться в соответствии с принципами и нормами Устава Организации. Любое применение силы с миротворческой целью допустимо только с санкции Совета Безопасности ООН²⁸⁶.

В Концепции осуждается применение в международной политике двойных стандартов; отмечается возрастание влияния религиозно-

²⁸⁵ http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

²⁸⁶ Участвуя в дебатах 2017-2018 гг. по реформированию ООН и ее Совета Безопасности Россия твердо отстаивает незыблемость принципов, заложенных в 1945 г.

го фактора в международных отношениях, что требует обращения к таким категориям как справедливость и нравственность; обращается внимание на недопустимость избирательного подхода к истории и превращение исторической темы в инструмент практической политики. Положения Концепции опираются на опыт и ошибки России и СССР, а также на анализ современных международных процессов и тенденций. Подчеркивается, что Россия не даст вовлечь себя в новую гонку вооружений, разрушительную для экономики и пагубную для внутреннего развития страны. В 2000-е гг. Россия проявила себя самостоятельным центром силы в многополярном мире.

Система международных отношений характеризуется совокупностью связей и взаимодействий между народами, государствами и группами государств. За последние десятилетия в системе международных отношений произошли коренные изменения.

В истории крах одной системы международных отношений вызывался либо масштабными войнами, либо революциями. Своеобразие современного периода заключается в том, что замена системы международных отношений, сложившейся после 1945 г., произошла в условиях относительно мирного времени, несмотря на наличие многочисленных региональных вооруженных конфликтов, и «холодной войны», вызывавших постоянную напряженность между двумя противоположными блоками.

Исследователи считают, что в 1945-1989 гг. существовала особая система международных отношений, для которой характерными были следующие черты:

- биполярная структура;
- придание мировой политике нормативного порядка, создание ООН, других международных организаций и институтов;
- углубляющиеся противоречия между экономически развитыми и слаборазвитыми странами.

В этой системе СССР принадлежала одна из ведущих ролей, определяющая международный климат.

В условиях перехода к новой системе международных отношений Россия претерпела глубокую трансформацию как участник системы международных отношений. Российское государство столкнулось с серьезными геополитическими сдвигами, временной дезориентацией в определении главного противника на международной арене,

перегруппировкой сил, коалиций и союзов, заменой ряда прежних идеологических стереотипов, сменой политических режимов, возникновением новых государств и т.д.

Подобные процессы не могли не ослабить внешнеполитические позиции России. На Западе широкое распространение получил тезис о том, что СССР проиграл холодную войну. Однако в холодной войне проиграли все, и все выиграли от ее окончания. Тем не менее основу взаимоотношений в период распада мирового социализма, Варшавского договора и СССР составляли заявления западных политиков о «нанесении ущерба интересам СССР» (затем они трансформировались в «неиспользование нынешней слабости России в своих односторонних интересах»). Такие формулировки свидетельствуют об одном: сложилось новое соотношение сил не в пользу России. Возникла реальная перспектива утраты Россией статуса великой державы на мировой арене.

Россия не в состоянии была оказать противодействие созданию своего рода «санитарного кордона», расширению НАТО за счет бывших государств — членов Варшавского договора (Чехии, Венгрии, Польши), а в дальнейшем и за счет «второго эшелона» (стран Балтии и других стран). Все это — попытки исключить Россию из механизма принятия решения по ключевым вопросам европейской и мировой безопасности. Такое развитие событий может придать России роль «проигравшего государства», не имеющего равноправного статуса в международных делах. Находясь в очень невыгодной обстановке для обеспечения своего участия в формировании положения дел в Европе и мире, России необходимо по максимуму использовать дипломатические средства, переговорный процесс, т.н., «мягкую» дипломатию.

Одним из результатов таких дипломатических усилий стало подписание основополагающего акта, регулирующего отношения между Россией и НАТО (май 1997 г.). Этот документ предусматривает в рамках деятельности Совместного постоянного совета участие сторон на равноправной основе в случае достижения консенсуса в планировании и подготовке совместных операций, в том числе и миротворческих под руководством Совета Безопасности ООН или под ответственностью ОБСЕ. Вместе с тем положения основополагающего акта не дают России или НАТО права вето по отношению к действиям другой стороны, а также не ущемляют и не ограничивают пра-

ва России или НАТО принимать решения и действовать самостоятельно. Они не могут быть использованы как средство ущемления интересов других. Тем самым партнерство между Россией и Западом получило «право на жизнь».

Для западных политиков, несмотря на определенную слабость, Россия по-прежнему остается «слишком большой» и потенциально «слишком сильной» страной. Не случайным является приглашение России присоединиться к «большой семерке» ведущих развитых государств и составить вместе с ними «большую восьмерку». Эта квазиорганизация решает две важные задачи функционирования системы международных отношений: 1) ликвидировать существующие и не допускать возникновения в будущем региональных конфронтационных военно-политических осей; 2) активизировать демократизацию стран с авторитарными режимами (создание единого мирового политического пространства). Учитывая введение санкций против России якобы из-за аннексии Крыма и оказания помощи восставшему Донбассу, «дела Скрипалей» и т.д. Российская Федерация вышла из состава «большой восьмерки», также российская делегация вышла из состава Парламентской Ассамблеи Совета Европы, которая фактически лишила нашу делегацию права голоса.

Никто из внешнеполитических партнеров не сомневается, что главной задачей внешней политики самостоятельной России является возрождение и укрепление ее международных позиций. На реализацию этой задачи нацелены разработанные Правительством Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации.

Одной из особенностей данной концепции является отсутствие идеологических установок или политических пристрастий к какой-либо политической силе, поворот к национальным интересам России и ее гражданам, защита которых и есть предназначение внешней политики ответственного демократического государства.

В сложившейся системе международных отношений Россия, несмотря на переживаемый кризис, остается одной из великих держав и по своему потенциалу, и по влиянию в мире. Россия несет ответственность за формирующийся новый миропорядок, за построение новой системы адекватных взаимоотношений государств, входивших в состав СССР. Любые действия, направленные на подрыв целостности Российской Федерации, интеграционных процессов в СНГ, нару-

шение прав и свобод человека, вооруженные конфликты в сопредельных государствах рассматриваются как угроза безопасности страны и жизненно важным интересам ее граждан.

Принципиальное значение для защиты внешнеэкономических интересов России имеет сохранение и развитие хозяйственных связей с бывшими союзными республиками. В целях создания эффективной системы комплексной безопасности развивается сотрудничество и в военно-политической сфере.

В фокусе внимания российской внешней политики остаются отношения со странами Востока и Центральной Европы, находящихся в исторически сложившейся сфере ее интересов. Ни в коей мере не должна ущемляться роль России в урегулировании ряда международных конфликтов, чреватых угрозой перерастания в широкомасштабную войну.

Для России большую значимость имеют отношения со странами Западной Европы. Они важны с точки зрения вхождения в формирующееся политическое, экономическое, правовое, социальное пространство, ядром которого выступает Европейское сообщество.

Объективной базой развития российско-американских отношений является взаимная заинтересованность в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений. Здесь ставятся задачи обеспечить на взаимной основе выполнение достигнутых договоренностей по сокращению и уничтожению ядерных, химических и иных вооружений, соблюдение положений Договора по ПРО.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе внешнеполитические приоритеты включают развитие сбалансированных и стабильных отношений со всеми странами, особенно с Китаем, Японией и Индией.

Российская внешнеполитическая концепция имеет целью сформировать вокруг себя необходимый общегосударственный консенсус. Наполнение конкретно-историческим содержанием внешнеполитической концепции поможет приобрести России свойственную ей самодостаточность. Россия найдет и займет свое законное место в мире. Положение региональной державы с ограниченными международными интересами сменится ситуацией, в которой России будут обеспечены выходы на роль мировой державы.

Изменения в мировой политике после окончания «холодной войны», а также начавшаяся в стране демократизация поставили Рос-

сию в положение страны, которая должна заново определить свое место в мировой политике, выявить те приоритеты своей внешнеполитической деятельности, которые определяют ее роль и влияние на мировой арене. Выработка же такой стратегии и тактики определяется не только перспективными планами обновления страны, она в полной мере испытывает на себе влияние политических традиций, массовых и элитарных стереотипов, современных внешнеполитических отношений.

В настоящее время можно говорить о трех основных направлениях (путях, вариантах) выработки Россией своей линии поведения на международной арене.

Первый вариант выбора внешнеполитической стратегии связан с попытками сохранения статуса великой державы и продолжения прежней экспансионистской политики, направленной на расширение зоны политического влияния и контроля над другими государствами. Несмотря на несбыточность такого рода альтернативы, можно констатировать наличие в стране определенных ресурсов для ее воплощения. Прежде всего такая политика возможна на основе угрозы использования государством своего военного, прежде всего атомного, потенциала, воплощения определенных амбиций части политического руководства, а также непреодоленных массовых стереотипов (антизападнических, шовинистических и др.).

Второй путь предполагает обретение Россией статуса региональной державы. В одном случае ее влияние может основываться по преимуществу на факторах силового давления на соседние государства и по сути дела повторять логику поведения «сверхдержавы» в локальном политическом пространстве. При другом варианте завоевание политического влияния страной может основываться на налаживании ею равноправных и взаимовыгодных отношений с соседями, отказом от военных и силовых угроз по отношению к ним и сознательным уходом от вовлечения в мировые конфликты и противоречия.

Третий путь предполагает, что Россия может занимать сугубо прагматичную внешнеполитическую позицию, основанную на принципиальной равноудаленности от тех или иных блоков сил и прагматичном сближении или отдалении от конкретных коалиций и государств. Таким образом, ее общегосударственные интересы будут

формироваться на внеидеологической основе, видоизменяясь в зависимости от конкретной складывающейся ситуации. При таком подходе к внешнеполитическим задачам страна сфокусировать свое внимание на решении экономических и других внутренних проблем.

В реальной политической деятельности государства переплетаются элементы каждой из трех возможных стратегий, и каждая из них предполагает неременное решение задач, связанных с выработкой принципиальных отношений как минимум к трем группам своих внешнеполитических контрагентов: своим союзникам, Западу и странам «третьего мира».

При разработке внешнеполитической стратегии важно сохранить единство принципов формирования внешней и внутренней политики государства. То есть, государство должно предусматривать наличие единых стандартов, регулирующих отношения со всеми этими группами стран. Поэтому, борясь с авторитарными тенденциями Запада, Россия не должна сама допускать такого рода действия по отношению к соседним странам, осуждая проявления национализма и фашизма в сфере международных отношений, столь же решительно бороться с ними внутри страны, требуя открытости от своих конкурентов, должна столь же гласно освещать свои действия в стране и на международной арене.

Среди приоритетных направлений внешней политики России можно выделить следующие:

- создание новой системы взаимоотношений с бывшими социалистическими странами;
- вхождение в европейское и мировое сообщество;
- разработка новых принципов межгосударственных отношений с бывшими республиками СССР;
- разработка новой военно-политической доктрины в изменившемся геополитическом пространстве;
- активизация отношений с Китаем, странами Юго-Восточной Азии;
- равноправное развитие отношений с США;
- противодействие установлению «однополюсного» мира под эгидой США;
- участие в миротворческих акциях прекращения вооруженных конфликтов под эгидой ООН, ОБСЕ и ОДКБ.

Эти направления прозвучали на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г., и тогда Путин изложил свое мнение по поводу существования системного кризиса безопасности в Европе и пагубности однополярного мироустройства. В частности, Путин критиковал США и политику НАТО по расширению своего влияния на Восток, направленную против Российской Федерации. Россию Путин тогда назвал одним из «новых центров мирового роста», наряду с Китаем, Индией и Бразилией.

СМИ и западные политики назвали это выступление самым жестким после завершения холодной войны, сравнивали его с Фултонской речью Уинстона Черчилля в 1946 г. Тем не менее этот сигнал не был должным образом воспринят мировыми лидерами, и последовали войны в Грузии и в Украине.

Обозначим основные положения речи *В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г.:*

- *«Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна».*
- *«Вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам».*
- *«Единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН».*
- *«Если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать».*
- *«НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реаги-*

руем на эти действия» .— о несоблюдении Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ).

- *«Что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?»* — о гарантиях нерасширения НАТО на восток.

- *«Одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль»*. — об экономической политике Запада в отношении стран «третьего мира».

- *«ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран»*.

- *«Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»²⁸⁷*.

Выступление В.В. Путина спровоцировало в западных политических кругах полемику о возобновлении холодной войны. Американские делегаты на конференции сошлись во мнении, что в речи Путина имели место «самые агрессивные выражения, которые кто-либо из российских лидеров делал со времен холодной войны». Тем не менее, реакция министра обороны США Роберта Гейтса была весьма сдержанной. Сенатор США Линдси Грэм заметил, что «Своей единственной речью он сделал больше для объединения США и Европы, чем мы сами смогли бы сделать за десятилетие».

В.В. Путин назвал базовым принципом безопасность каждого, как безопасность всех. Раньше, в идеологически и экономически расколотом мире, она обеспечивалась стратегическими потенциалами двух сверхдержав. Холодная война оставила нам идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления. Однополярный мир с одним сувереном, - это один центр власти, силы, принятия решений, губительный для всех, кто находится в рамках этой системы. Он губителен и для самого «суверена», ибо разрушает его изнутри. Этот мир не имеет ничего общего с демократией, которой Запад учит Россию, но сам, похоже, учиться ей не хочет.

²⁸⁷ См. подробнее: В. В. Путин. Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008. С. 390-402

Для современного мира однополярная модель неприемлема и невозможна. Она не работает, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. Внедрение этой концепции в мировые дела проблем не решает. Множатся новые конфликты, трагедии и очаги напряженности. Наблюдается почти ничем не сдерживаемое применение военной силы в международных делах, пренебрежение основополагающими принципами международного права. Система права одного государства, США, перешагнула свои национальные границы и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере. Она навязывается другим странам. Доминирование фактора силы неизбежно подпитывает тягу ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения. Новые угрозы, такие как терроризм, приобретают глобальный характер. Необходимо задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности, заняться поисками разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Применение силы должно быть исключительной мерой лишь на основе и в рамках ООН. Нельзя безучастно наблюдать на внутренние конфликты в отдельных странах, на действия авторитарных режимов, истинных (а не «назначенных» США и их сателлитами) тиранов, на распространение оружия массового уничтожения.

Бедность – это тоже угроза миру. На программы помощи беднейшим странам выделяются немалые финансовые средства. Однако одной рукой творится благотворительность²⁸⁸, а другой - замораживается экономическая отсталость и собирается прибыль. Социальное напряжение в таких депрессивных регионах выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты, обостряет восприятие несправедливости внешнего мира.

Ведущие страны должны выстраивать более справедливую систему экономических отношений. Россия реалистично оценивает свои возможности и потенциал и хочет иметь дело с ответственными и самостоятельными партнерами, обеспечивая безопасность и процветание не для избранных, а для всех. Но она наталкивается на всевозможные препятствия, в первую очередь при выходе на мировые рынки. Ее яростно критикуют за выгодные сделки с Алжиром, Индией,

²⁸⁸ Есть данные, что больше половины, а подчас и до 70% благотворительных средств для беднейших стран, предоставленных США остается в этой стране, через подписание контрактов. Прим. автора

поддержку Ирана для обеспечения там своих энергетических интересов (атомные станции, нефть, газ), за поставку оружия на Ближний Восток. Предложения энергетической сверхдержавы надежно поставлять газ и нефть Европе воспринимаются как источник энергетической опасности для западного мира. Попытки ассиметрично ответить на наращивание ядерных вооружений США - панически называется на Западе возрождением имперско-советской агрессивности.

Даже недруги России не могут избежать объективности. Вот пример из «Лос Анжелес таймс»: *«Последнее десятилетие усилиями США границы НАТО продвинулись на восток. Сделано это было в нарушение заявлений, воспринятых русскими как договоренность - неофициальная, но все же договоренность, достигнутая на закате советской эры: Москва идет на воссоединение Германии и выводит свои войска из Восточной Европы, а Вашингтон в обмен на это не всаживает ей нож в спину и не придвигает НАТО к границам России. Однако именно это и произошло... Когда в НАТО впустили бывших членов Организации Варшавского договора, среди которых были даже прибалтийские республики бывшего Советского Союза, США в глазах России превратились в «простого и ненасытного победителя». Причем разговоры о том, что когда-нибудь в НАТО вступят и Грузия с Украиной, продолжаются до сего дня, чем создают у России впечатление непрекращающегося унижения и окружения».*

По нашему убеждению, реакция западных СМИ была не адекватна тому, что высказал президент России, в смысловой части. *Запад понимает, что Россия способна преодолеть любые преграды и подниматься во весь рост.* Самую большую опасность Запад усмотрел даже не в том, что Россия фактически как сфинкс «восстала из пепла», а то, что высказала свою точку зрения на мировую политику и международные отношения не посоветовавшись ни с Европой, ни с США, чего ранее себе не позволяла.

Россия очнулась от долгой спячки и требует, чтобы ее уважали как ядерное государство и как контролирующую энергоресурсы сверхдержаву, у которой есть свои интересы. Никто не может объяснить тот факт, что западные политики и комментаторы СМИ государств «истинной демократии» стремление России к равноправию в международных делах воспринимают как объявление новой холодной войны. А речь Президента России 1 марта 2018 г., где было проде-

монстрировано наше новое оружие, но не было даже намека на агрессивные помыслы, преподносится некоторыми политиками как объявление уже реальной «горячей» войны.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основные параметры современной глобализации.
2. В чем заключается суть анализа современного состояния мировой политики, данного профессором О.В. Хохлышевой?
3. Каковы основные интегративные управленческие схемы общепланетарного назначения?
4. Раскройте суть основных глобальных проблем современности.
5. Рассмотрите точку зрения профессора В.В. Богатырева на глобализацию права.
6. Почему по мнению З. Бжезинского существует возможность нагнетания растущих противоречий внутри евро-американской коалиции?
7. В чем заключаются слабые стороны федерализма?
8. В чем заключается принципиальное отличие позиции А.А. Громько от позиции А.В. Козырева?
9. Назовите два периода осмысления «нового мирового порядка» в России после 1991 года.
10. В чем заключаются основные Приоритеты внешней политика Российской Федерации начала 2000-х гг.?
11. Каковы военные расходы США в настоящее время?
12. Определите основные практические действия российского руководства по ликвидации напряженности в международных отношениях в первом двадцатилетии 21 века.
13. Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г.: основные положения.
14. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г.: основные положения и приоритеты.
15. Три основных направления выработки Россией своей линии поведения на международной арене.
16. Каковы основные положения речи В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире мы можем говорить о существовании огромного количества в международно-политической науке теорий и взглядов, которые так или иначе соответствуют трем парадигмам:

- реалистической (в которую входят классический реализм и неореализм);
- либеральной (включает традиционный идеализм и неолиберализм);
- неомарксистской.

Все они имеют свое видение содержания и характерных черт международных отношений. Вышеназванные парадигмы не могут полностью отразить весь спектр науки международных отношений. В последние десятилетия в рамках эволюции миропонимания особенно заметно ее развитие в направлении изучения транснационализма и институционализма, конструктивизма и постмодернизма. Оригинальное звучание получают международная политическая экономия и социология международных отношений; достаточно существенные различия проявляются и в интерпретации указанных выше парадигм. Однако центром современных дискуссий и дебатов по основным аспектам международных и межгосударственных отношений в основном являются разногласия о направлениях развития противоречия между неореализмом и неолиберализмом. Соответственно важнейшей целеустановкой будет анализ указанных парадигм как фундаментальных, базовых.

В теории политического реализма приоритетным остается понятие интереса, определенного в терминах власти, а также неразделимые с ним баланс сил, геополитическая стратегия и т.п. Базовые идеи неореализма были определены Кеннетом Уолтцем в 1979 г. и акценты на данные понятия рассмотрены несколько в другом ключе. Фундаментом неореализма остается структурное понимание силы, однако он рассматривает его шире и идеализирует лишь военный компонент, а интегрирует в нее и другие аспекты: экономический, информационно-коммуникативный, научный, финансовый и производственный. Актуализируются у неореалистов и новые тезисы, такие как, взаимозависимость, экстерриториальная сущность чего-либо более эффективного, новые типы власти - власти над идеями, кредитами, технологиями, рынками и др. Но суть реализма, которая заключается в осмыслении мировой политики как борьбы государств за власть и влияние в мире, остается неизменным.

После завершения холодной войны в мире авторитет политического реализма был сильно подорван. Отдельные сторонники неореализма решили даже «перекраситься» в либеральных или утопических реалистов, доказывая необходимость ревизии ряда тезисов своей парадигмы, и особенно обращали внимание на проявления анархизма в самой природе международных отношений. В частности, Б. Бузан, подтверждая положение реалистов о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене, однако полагает, что природа международных отношений трансформируется в направлении «зрелой анархии», где западные либерально-демократические государства могут выступать в роли гаранта международной безопасности, и прогрессивные достижения доступны теперь даже для слаборазвитых стран и отдельных индивидов. Критики политического реализма доказывают несостоятельность гарантий того, что могущественные, экономически развитые сверхдержавы решат оказать помощь бедным, как в экономическом, политическом, социальном и военном плане странам, когда встанет вопрос об их безопасности.

Базовые моменты реализма подвергались критике и со стороны неомарксизма. Неомарксисты видели мир как глобальную систему разнообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Понятия «мир-система» и «мир-экономика» позволяют не запутаться в этом сложном многообразии. Понятие «мир-экономика» является выражением обширной системы взаимодействия международных акторов, определяющее значение в которой имеют экономические монстры. Главные черты мир-экономики - это мировая организация производства, возрастание роли ТНК в мировом хозяйстве, приоритетная координация производственных комплексов, интернационализация капиталов и сокращение шансов государства на влияние в финансовую сферу. Сторонники неомарксизма выделяют противоположные глобализации процессы. Это - диверсификация экономических, политических, общественных, социокультурных и иных организаций и структур, поиски новых направлений развития. Но радикально-либеральная идеология стремится заретушировать данные процессы. Она внушает обывателям, что не существует альтернативы глобализации и что в сущности жесткой конкуренции, дерегламентации взаимодействий и эгоизма лежит объективная логика экономики.

Тезис о целостности политической системы современного мира – это единственное, что имеет точки соприкосновения основных теорий международных отношений. Но существуют и различия, но не

принципиального характера. Неореалисты видят в политической системе примат межгосударственных отношений, для неолибералов — межгосударственные отношения, плюс отношения других транснациональных акторов, для неомарксистов политическая система — это классовые отношения и раздел государств мира по политико-экономическому уровню развития, то есть Центр и Периферию. Учитывая противоречия и различия в подходах создать общую научную дисциплину практически невозможно. Дискуссии между сторонниками и противниками различных парадигм о том, что же в современной политической системе является главным — структура межгосударственных образований, или активность негосударственных акторов и их взаимодействие с государствами или деление мира по классовому принципу, происходят регулярно и не могут прийти к общему знаменателю. Поэтому можно говорить о признаках мозаичности в теоретических подходах в западных исследованиях по международным отношениям.

Раймоном Ароном были определены так называемые «вечные цели» государства, которые проявляются как в абстрактном понимании - стремление к безопасности, силе и славе, так и в конкретном - увеличение территории, населения и завоевание человеческих душ, то есть идеологическая экспансия. Главная составляющая национального интереса - императив самосохранения государства. И сегодня Россия во весь голос заявила о своих национальных интересах.

Национальные интересы могут быть:

- жизненно важными — т.е. обеспечение государственного суверенитета и независимости; безопасность конституционных институтов и населения; содействие достижению стабильности в мире (прежде всего по периметру границ); обеспечение неприкосновенности территории союзников.

- важными - соблюдение прав человека, процветание страны, гармонизация межнациональных отношений.

- просто интересы - обеспечение экономической безопасности, сохранение духовного достояния страны, укрепление позиций в международном разделении труда.

Резюмируя следует подчеркнуть, что международные отношения — это сложная система глобальных взаимоотношений в обществе, характеризующаяся многосубъектностью и динамичностью развития.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе, А. Х. Право внешних сношений / А.Х. Абашидзе, М.В. Федоров. - М.: Международные отношения, 2012. - 384 с.
2. Абрагян, Д. Р. Практика международного трибунала по морскому праву / Д.Р. Абрагян. - М.: Юстицинформ, 2015. - 160 с.
3. Авраменко, И. М. Словарь международного морского права / И.М. Авраменко. - М.: ТрансЛит, 2011. - 646 с.
4. Арапова, Г. Ю. ; Судебная Практика Европейского Суда По Правам Человека По Свободе Выражения Мнения И Свободе Информации. Т. 6 / Г. Ю. Арапова ;. - Москва: Мир, 2012. - 208 с.
5. Арапова, Г. Ю.; Судебная Практика Европейского Суда По Правам Человека По Статье 10 Европейской Конвенции. Т. 1 / Г.Ю.; Арапова. - Москва: Высшая школа, 2012. - 256 с.
6. Безбородов, Юрий Международное право: от jus gentium к мировому праву / Юрий Безбородов. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. - 144 с.
7. Бекашев, Д. К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции / Д.К. Бекашев, Д.В. Иванов. - М.: Проспект, 2013. - 392 с.
8. Бордунов, В. Д. Международное воздушное право / В.Д. Бордунов. - М.: Авиабизнес, Научная Книга, 2014. - 464 с.
9. Егорова, О. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике: моногр. / О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. - М.: Проспект, 2014. - 144 с.
10. Зайцев, Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / Р.В. Зайцев. - М.: Wolters Kluwer, 2016. - 208 с.
11. Зенкин, И. В. ВТО в схемах и тестах. Методическое пособие по изучению права ВТО / И.В. Зенкин, Н.Г. Якубова. - М.: Международные отношения, 2015. - 160 с.
12. Зенкин, И. В. Право Всемирной торговой организации: моногр. / И.В. Зенкин. - М.: Международные отношения, 2014. - 792 с.
13. Ильин, Ю. Д. Международное публичное право / Ю.Д. Ильин. - М.: Норма, 2014. - 304 с.
14. Каламкарян, Р. А. Международный суд в миропорядке на основе господства права / Р.А. Каламкарян. - М.: Наука, 2012. - 312 с.

15. Каламкарян, Р. А. Право международных договоров. Применение международных договоров во времени и пространстве / Р.А. Каламкарян. - М.: Наука, 2015. - 280 с.
16. Каширкина, А. А. Выполнение международных договоров Российской Федерации / А.А. Каширкина, А.Н. Морозов, О.И. Тиунов. - М.: Норма, 2012. - 256 с.
17. Кешнер, М. В. Экономические санкции в современном международном праве / М.В. Кешнер. - М.: Проспект, 2015. - 192 с.
18. Кислицына, Н. Ф. Развитие системы международного права на современном этапе: моногр. / Н.Ф. Кислицына. - М.: Ленанд, 2014. - 152 с.
19. Коханов, Н. Борьба за современную крепость / Н. Коханов. - М.: Книга по Требованию, 2012. - 161 с.
20. Маклаков, В. В. Права человека и гражданина в Европейском союзе / В.В. Маклаков. - М.: ИНИОН РАН, 2010. - 124 с.
21. Международное частное право / Л.П. Ануфриева и др. - М.: ТК Велби, Проспект, 2014. - 688 с.
22. Международные акты о правах человека. Сборник документов. - М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2014. - 784 с.
23. Международный кодекс ботанической номенклатуры (Венский кодекс). - М.: КМК, 2013. - 288 с.
24. Могунова, М. А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика / М.А. Могунова. - М.: РГГУ, 2014. - 350 с.
25. Моравецкий, Войцех Функции международной организации / Войцех Моравецкий. - М.: Прогресс, 2015. - 384 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Артхашастра, или Наука политики [Извлечение]

Седьмой отдел О ШЕСТИ МЕТОДАХ (ВНЕШНЕЙ) ПОЛИТИКИ

Разделы 98 и 99 КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ШЕСТИ МЕТОДОВ ПОЛИТИКИ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТОЯНИЯ УПАДКА, ЗАСТОЯ И РАЗВИТИЯ

Глава 1. Круг факторов (внешней) политики есть основание для применения ее шести методов. Учителя говорят, что эти шесть методов суть: мир, война, выжидательное положение, наступление, искание защиты и двойственная политика.

Ватавьядхи утверждает, что, собственно, имеются только два метода: мир и война, к которым и сводятся все шесть методов.

Каутилья же считает, что все-таки имеются шесть методов в соответствии с различными положениями.

Тут миром считается заключение договора, связывающего (обе стороны), войною - причинение вреда, выжидательным положением - пребывание в безразличном состоянии, наступлением - принятие мер (к нападению), союзом - прибегание к помощи других и двойственной политикой - использование то войны, то мира (смотря по обстоятельствам). Вот шесть методов (политики).

Если кто-нибудь слабее (другого), то он должен заключать с ним мир. Имеющий превосходство может идти (на другого) войной. Тот, который считает: «ни меня другой, ни я его неспособны победить», - должен держаться выжидательного положения. Имеющий преимущество и превосходство должен наступать. Тот, у которого незначительные силы, должен искать союза (с другими). Если дело решается благодаря помощи союзника, то следует вести двойственную политику. Вот определение методов.

Если (государь), стоя на точке зрения применения какого-либо метода, видит, что, придерживаясь такового, он будет в состоянии проявлять деятельность по постройке в своих владениях укреплений, оросительных сооружений, торговых путей, по заселению пустырей и разведению ценных [пород] лесов и таких, в которых содержатся сло-

ны, [и будет в состоянии] вредить таким же действиям врага и действительно применяет этот метод, то будет успех.

Зная, что собственное преуспеяние будет идти скорее, что оно будет больше и что имеются основания, благодаря которым (в будущем) явится преуспеяние, а также что у врага будет как раз обратное, (государь) должен равнодушно относиться к преуспеянию врага. Если преуспеяние (у обеих сторон) совершается одновременно и имеет одинаковые результаты, то нужно пребывать в мире.

Если (данный государь) видит, что, стоя на точке зрения какого-нибудь метода, он достигнет лишь (отрицательных результатов) в своих действиях и не причинит ущерба врагу, и на основании этого не прибегает к данному методу, то такой метод следует считать ведущим к упадку.

Если владетель видит, что упадок собственный будет совершаться длительно, а упадок у врага - быстро или же что временный упадок приведет в конце концов к процветанию, в то время как у врага будет обратное, то он должен временно оставаться равнодушным к собственному упадку.

Если у обеих сторон упадок происходит одновременно и приводит к одинаковым результатам, то надлежит пребывать в мире.

Тот метод, с применением которого не получается ни процветания, ни упадка, ведет к состоянию застоя.

Если государь знает, что ему придется лишь на короткое время пребывать в застойном состоянии или же что это приведет к конечному процветанию, в то время как у врага будет обратное, то ему следует отнестись безразлично к (временному) состоянию застоя.[...]

Раздел 100 ОБ ИСКАНИИ ПОМОЩИ (У БОЛЕЕ СИЛЬНОГО)

Глава 2. [...] Из двух (государей), которые находятся между собой в дружественных отношениях, следует прибегать к тому, с которым (ищущий союза) дружен, и к тому, который является расположенным. Это есть правильный способ заключать союз (или прибегать к помощи).[...]

Разделы 101 и 102 ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ПОЛИТИКИ (ЦАРЕМ), РАВНЫМ (ВРАГУ), БОЛЕЕ СИЛЬНЫМ И БОЛЕЕ СЛАБЫМ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА БОЛЕЕ СЛАБЫМ

Глава 3. Желаящий победить должен применять шесть методов политики сообразно со своими силами. С равным ему по силам и с

более сильным он должен пребывать в мире. С более слабым он может воевать. Ведь тот, на которого более сильный идет войной, становится подобным пехотинцу, сражающемуся со слоном. Если же он воюет с равным, то это приводит лишь к потерям с обеих сторон, подобно тому как разбиваются два необожженных горшка, если их столкнуть. Только тот, кто воюет с более слабым, имеет успех, будучи подобным камню, разбивающему глиняный сосуд. Если более сильный не желает мира, то следует вести себя, как будто покоряешься силе, или же применять хитрые методы, пока не представится возможность усилиться самому. Если равный не желает мира, то нужно причинять ему вред в той самой мере, в какой тот вредит (данному государю). Ибо огонь сплавляет (металлы) и не может ненакаленное железо соединиться с железом.

Если более слабый во всех отношениях показывает свое подчинение, то следует заключить с ним мир. Ибо как следствие желания мести за причиненное страдание может явиться сила (или боевой жар), равная лесному пожару, которая может привести к победе (хотя бы и более слабого). Кроме того, такой (государь) может найти поддержку в своем круге государств.[...]

Разделы 108-110 СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ТОГО, НА КОГО НАПАДАТЬ - НА ТАКОГО, КОТОРЫЙ (ПО СВОЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ) ЯВЛЯЕТСЯ УДОБНЫМ ОБЪЕКТОМ НАПАДЕНИЯ, ИЛИ ЖЕ НА ОСНОВНОГО ВРАГА. ПРИЧИНЫ, ВСЛЕДСТВИЕ КОТОРЫХ ПОДДАННЫЕ ТЕРПЯТ НУЖДУ, ПРОЯВЛЯЮТ АЛЧНОСТЬ И СТАНОВЯТСЯ ВРАЖДЕБНЫМИ (СВОЕМУ ПРАВИТЕЛЮ). СООБРАЖЕНИЯ О (ВЫБОРЕ) СОЮЗНИКОВ

Глава 5. Если два соседа (государя, желающего победить) находятся в одинаковом состоянии затруднения, то (при возникновении вопроса), против кого идти - против основного врага или же против того, на которого удобно напасть, следует выступать против основного врага. Если достигнут успех над последним, то тогда следует выступать против того, на которого удобно напасть. Ведь при успехе основного врага (другой), тот, на которого удобно напасть, может при случае и оказать помощь, но никак не основной враг, если тот, на которого удобно напасть, имел бы успех.[...]

[...] Следует выступать против основного врага, хотя бы у того были и незначительные затруднения, ибо у подвергшегося нападению

незначительные затруднения становятся тяжелыми. Правда, конечно, что значительные затруднения (того, на которого удобно напасть) станут еще более тяжелыми, но, с другой стороны, не подвергшийся нападению и находящийся в незначительных затруднениях (основной) с легкостью устранит свои затруднения и придет на помощь тому, на которого надобно было напасть. Он тогда набросится (на желающего победить) с тыла.[...]

Еще является вопрос: идти ли против более сильного, но несправедливого (правителя) или же против слабого, но такого, который правит справедливо. Следует идти против более сильного, но правящего несправедливо. Ибо если сильнейший, но правящий несправедливо подвергнется нападению, то его подданные не будут ему помогать; они могут изгнать его или перейти на сторону его врага. Если же подвергнется нападению более слабый, но правящий справедливо, то его подданные будут ему помогать и станут сопутствовать ему, если ему придется бежать.[...]

Истощенные подданные делаются алчными и становятся враждебными (к своему правителю). И, будучи враждебными, они переходят к врагу или же убивают своего владыку. Поэтому не следует вызывать причины, создающие истощение, алчность и враждебность подданных. Те же причины, которые могли бы возникнуть, следует немедленно устранить.[...]

Выступать в поход совместно с другими следует лишь после того, как причины, побуждающие союзников к ведению войны или заключению мира, будут должным образом взвешены. (Следует выступать тогда), когда (союзники) обладают силой и честностью.[...]

Теперь возникает вопрос, с кем следует предпринимать совместный поход - с одним более сильным или с двумя равными? Лучше с двумя равными. Ибо (желающий победить) будет всегда под властью более сильного. Над равными же ему он сможет получить превосходство и выгоды. Между двоими легко посеять раздор, и если один окажется враждебным, то двое других смогут его обуздать и дать ему испытать последствия раздора.

Еще возникает вопрос, с кем лучше заключить союз - с одним равным или же с двумя более слабыми? Лучше с двумя более слабыми. Ибо они смогут выполнить то, что может быть совершено только двоими, и вместе с тем они будут подчиняться (желающему победить, который сильнее их).[...]

Законы Ману [Извлечение]

Глава VII

101. То, что он не имеет, пусть старается [приобрести] силой, приобретенное - охраняет заботливо, сохраненное - приумножает приращением, приумноженное - вручает достойным получать [дары].

102. Следует всегда быть готовым к войне, всегда обнаруживать силу, скрывать тайны, выслеживать слабости врага.

103. Весь мир страшится всегда готового к войне, поэтому все живые существа следует подчинить именно силой.

107. Таким образом, какие бы ни были противники у него, стремящегося к завоеваниям, всех их пусть подчиняет [четырьмя] средствами - переговорами и прочими.

108. Если они не были подчинены первыми тремя средствами, пусть подчиняет их постепенно, одолевая силой.

109. Из четырех средств - переговоры и прочие - ученые всегда рекомендуют для процветания страны переговоры и силу.

110. Как копающий [землю] удаляет сухую траву и [этим] охраняет зерно, так и царь пусть охраняет страну и убивает врагов.

111. Царь, который по неразумию беспечно мучает свою страну, немедленно лишается вместе с родственниками страны и жизни.

112. Как от мучения тела гибнут жизни людей, так от мучения страны гибнут жизни царей.

113. Пусть при управлении страной всегда исполняет следующее правило: царь, имеющий правильно управляемую страну, растит благополучие.

114. Подчинение страны следует обеспечивать, поместив отряд [воинов] посреди двух (деревень), трех, пяти, а также сотен деревень.

115. Следует назначить старосту для [каждой] деревни, управителя десяти деревень, управителя двадцати и ста, а также управителя тысячи.

116. Деревенский староста пусть сам сообщает должным образом о преступлениях, совершенных в деревне, управителю десятью деревнями, управитель десятью - управителю двадцатью.

117. Управитель двадцатью пусть все это сообщает управителю сотни, а управитель сотни деревень - лично управителю тысячи.

118. Что должно быть даваемо царю жителями деревни ежедневно-пища, питье, топливо и т. д., -то пусть собирает деревенский староста.

119. Управитель десятью пусть пользуется одной кулой²⁸⁹, управитель двадцатью - пятью кулами, управитель над сотней деревень - деревней, управитель тысячи - городом.

120. За их действиями в деревнях, а также за частными делами пусть наблюдает особый сановник царя - верный и неутомимый.

121. В каждом городе надо назначить одного, думающего обо всех делах, высокого по положению, грозного на вид, подобного планеты²⁹⁰ среди звезд.

122. Пусть он всегда посещает всех тех [служащих] сам, поведение их в сельских местностях пусть проверяет должным образом посредством-соглядатаев.

123. Ведь слуги царя, назначенные для охраны [народа], бывают большей частью порочными, стремящимися к захвату чужой собственности; от них нужно защищать этот народ.

124. Пусть царь, забрав имущество тех [служащих], которые по злонамеренности вымогают деньги у тяжущихся, отправит [их] в изгнание.

125. Для женщин, занятых на царской службе, и вообще слуг следует установить ежедневное содержание, соответствующее положению и работе.

126. Одна пана²⁹¹ должна быть дана как жалованье для низшего и шесть - для высшего²⁹², а также одно платье в шесть месяцев и дрона²⁹³ зерна ежемесячно.

127. Рассмотрев [цены при] покупке и продаже, длину пути, [издержки на] пищу... и охрану имущества, пусть царь заставит торговцев платить налог.

²⁸⁹ Кула - в данном случае термин, означающий, согласно большинству комментаторов, участок земли, который обработан упряжкой быков в 12 голов

²⁹⁰ имеются в виду Марс, Солнце или Луна

²⁹¹ Пана - мера веса, употребляемая ювелирами. Она составляет 9, 76 г

²⁹² Цифры не следует принимать буквально. Большинство комментаторов считает, что высший служащий должен получать в шесть раз больше низшего. Средние служащие, следовательно, получали жалованье от двух до пяти пан

²⁹³ Дрона - мера веса: равна примерно 20 кг

128. Рассудив, царю надо в стране всегда так устанавливать налоги, чтобы пользовался плодом и царь и исполняющий работы.

129. Как мало-помалу поглощают пищу пиявка, теленок и пчела, так мало-помалу царем должен быть получаем от страны ежегодный налог.

130. Царем может быть взята пятидесятая часть скота и золота, а также восьмая, лоестая или же двенадцатая часть зерна.

131. Он может также брать шестую часть древесины, мяса, меда, коровьего масла, благовоний, лекарственных трав, соков, цветов, корней и плодов.

132. Листьев, зелени, трав, шкур и плетеных изделий, глиняных сосудов и всего, сделанного из камня.

133. Царь, даже погибая, пусть не берет налог с знатока Веды: не должен умереть от голода знаток Веды, живущий в его стране.

134. У какого царя в стране погибает от голода знаток Веды, у того от того же голода быстро погибает страна.

135. Убедившись в поведении, соответствующем Веде, следует установить для него содержание, полагающееся по дхарме, и охранять во всех случаях, как отец родного сына.

136. Какую бы дхарму он ни совершал, ежедневно охраняемый царем, посредством этого возрастает жизнь, богатство, а также страна царя.

137. Пусть царь ежегодно заставляет простой народ, живущий в стране [самостоятельным] промыслом, платить нечто, называемое налогом.

138. Царь может заставить исполнять работу один [день] каждый месяц ремесленников всех специальностей и шудр, живущих своим трудом.

141. Устав от рассмотрения дел людей, пусть назначит на то место главного из сановников, знающих дхарму, - ученого, обузданного, родовитого²⁹⁴.

142. Устроив таким образом все свои дела, пусть он ревностно и заботливо охраняет этих подданных.

²⁹⁴ верховным судьей считался царь; только при невозможности исполнения этих функций им непосредственно он назначал особого сановника

143. Тот царь мертвый, [а] не живой, который вместе со слугами видит, как взывающих [о помощи] подданных враги угоняют из страны, [и не принимает мер к их защите].

144. Высшая дхарма кшатрия - охрана подданных, ибо царь, вкушающий перечисленные плоды²⁹⁵, [тем самым] принимает на себя обязательство по исполнению дхармы.

145. Встав в последнюю часть ночи, исполнив [обряд] личного очищения, сосредоточившись в мыслях, совершив жертвоприношение на огне, почтив брахманов, пусть входит в красивый зал собрания.

146. Оставаясь там, удовлетворив всех подданных, пусть отпустит [их], а отпустив всех подданных, может совещаться с советниками.

147. Совещаться надо, будучи необнаруженным - взойдя на вершину горы, или укрывшись тайком во дворце, или в уединенном месте в лесу.

148. Тот царь, плана которого не знают прочие люди [даже] все вместе, поглощает всю землю, даже лишенный сокровищ.

149. На время совещания надо удалить слабоумных, немых, слепых, глухих, животных²⁹⁶, слишком старых людей, женщин, млеччхов, больных и увечных.

158. Следует считать врагом соседа и сторонника врага, другом - соседа врага, нейтральным - [всякого], кроме этих двух.

159. Надо всех их подчинить своему влиянию переговорами и прочими средствами, [употребленными] отдельно или совместно, мужеством и политикой.

160. Надо всегда обдумывать шесть форм политики: это союз, война, поход, выжидание, разделение [войска] и поиски помощи.

164. Считается, что война [бывает] двух родов: предпринятая самим для [достижения своей] цели - в неблагоприятное или же благоприятное время, - а также из-за обиды, нанесенной союзнику.

165. Поход бывает двух родов: одного - при внезапном наступлении крайних обстоятельств, - и совместно с союзником.

²⁹⁵ Имеются в виду налоги, которые он собирает с подданных

²⁹⁶ Т.е. попугаев, скворцов и других птиц, способных воспроизводить звуки человеческой речи

166. Выжидание бывает двух видов: когда он постепенно ослаблен - по воле рока или из-за прежних деяний и вследствие желания союзника.

167. Пребывание войска и государя ради достижения цели раздельно называется знающими качества шести элементов политики разделением [войска] на две части.

168. Помощь²⁹⁷ бывает двух родов: ради достижения успеха для теснимого врагами [и] для того, чтобы быть известным среди добродетельных [в качестве покровительствуемого сильным государем].

169. Если он уверенно видит свой будущий, [но еще] не созревший успех, а ущерб в настоящее время невелик, то следует прибегнуть к заключению мира.

170. Но предпринимать войну следует тогда, когда он считает всех подданных весьма довольными, а себя весьма усилившимся.

171. Если он считает свое войско воодушевленным и сильным, а [войско] врага находящимся в противоположном [состоянии], надо идти на неприятеля.

172. Когда же он ослаблен [в отношении] перевозочных средств и войск, тогда надо старательно и постепенно умиротворять врага.

173. Когда царь считает неприятеля во всех отношениях сильнее, тогда пусть добивается своей цели, разделив войско²⁹⁸.

174. Но когда он может быть побежден войсками врага, тогда следует прибегнуть к покровительству добродетельного и могущественного царя.

175. Того [царя], который удерживает в подчинении [его вероломных] подданных и войско врага, пусть он чтит всегда со всем старанием, как гуру.

176. Если при этом он видит вред, причиняемый [таким] покровительством, то пусть без колебаний начинает войну.

177. Царь, искусный политик, пусть добивается всеми средствами, чтобы союзники, нейтральные [государя] и враги не были сильнее его.

178. Следует тщательно обдумывать будущее и настоящее всех мероприятий, благо и зло всех прошедших.

²⁹⁷ Это шестая форма политики

²⁹⁸ Царю рекомендуется, оставив войско, укрыться с небольшим отрядом в крепости.

179. Знающий добро и зло [своих действий] в будущем, принимающий быстрое решение в настоящем, знающий итог дел в прошлом - не побеждается врагами.

180. Надо устраивать все так, чтобы его не одолели союзники, нейтральные [государии] и враги: такова сущность политики.[...]

Глава VIII

42- Люди, даже находящиеся вдали, исполняющие присущие им дела, придерживающегося присущего им дела, угодны для народа.

45. Руководствуясь правилами судопроизводства, надо иметь в виду истину, себя самого, свидетеля, место, время и обстоятельства.

60- [Ответчик], приведенный истцом, будучи спрошен, и отрицающий [справедливость иска], должен быть изобличен по крайней мере тремя свидетелями в присутствии брахмана, назначенного царем.

63. В судебных делах должны допускаться свидетели, достойные доверия, из всех при, знающие всю дхарму, чуждые жадности, но обладающих противоположными качествами надо избегать.

64. Не должны допускаться [в свидетели] ни заинтересованные в иске, ни родственники, ни соучастник, ни враги, ни [ранее] изобличенные²⁹⁹, ни пораженные болезнями, ни опороченные³⁰⁰.

65. Не может быть допущен в качестве свидетеля ни Царь, ни ремесленник³⁰¹, ни аггер, ни знаток Веды, ни изучающий Веду, ни отрекшийся от мирских уз.

66. Ни раб, ни осуждаемый людьми, ни дасью, ни предающийся недозволенным занятиям, ни старец, ни дитя, ни низкорожденный, ни лишенный какого-либо органа чувств.

67. Ни бедствующий, ни пьяный, ни безумный, ни мучимый голодом и жаждой, изнуренный усталостью, ни мучимый любовью, ни гневающийся, ни вор.[...]

126. Узнав причину, а также место и время по правде и рассмотрев состояние [виновного] и [суть] преступления, надо накладывать наказание на тех, которые должны быть наказаны.

²⁹⁹ Т.е. уже изобличившиеся в даче ложных показаний

³⁰⁰ Т.е. совершившие тяжкие грехи

³⁰¹ Ремесленнику вследствие зависимости от клиентуры трудно быть беспристрастным.

127. Несправедливое наказание губит честь и разрушает славу среди людей, а в другом мире лишает неба, поэтому следует всегда избегать этого³⁰².

128. Царь, наказывающий не заслуживающих этого, а заслуживающих этого не наказывающий, принимает на себя великое бесчестие и идет в ад.

129. Сначала следует сделать замечание, после него - выговор, третьим [идет] штраф, [и только] после этого высшее - телесное наказание.

130. Но если он не может удержать их даже телесным наказанием, тогда следует применить к ним все это - четыре [вида наказаний] вместе.

335. Ни отец, ни учитель, ни друг, ни мать, ни жена, ни сын, ни пурохита не должны оставаться ненаказанными: для царя ничего не значит имя [того], кто не исполняет своей дхармы.

336. Если какой-либо простой человек должен быть оштрафован на одну карша-пану, тогда [за то же преступление] царь должен быть оштрафован на тысячу: таково установленное правило³⁰³.

³⁰² Наемный работник

³⁰³ Т.е. вина царя соответственно его высокому положению и ответственности при совершении проступка в тысячу раз больше. Комментаторы понимают этот текст буквально и полагают, что штраф царь должен бросить в воду или отдать брахманам

Эразм Роттердамский. Жалоба мира [Извлечение]

[...]Нет такого худого мира, который был бы хуже самой удачной войны! Вспомните сначала все, что влечет за собой война, и вы увидите, насколько выгоднее для вас мир.[...]

Но если уж война становится неизбежной, пусть ведут ее так, чтобы все несчастья и тяготы обрушивались на головы тех, кто явился виновником войны. Теперь государи начинают войны и остаются в безопасности, их военачальники становятся великими людьми, огромная же часть всех бед и потерь падает на плечи земледельцев и простого народа, который не думал о войне и не давал к ней никакого повода. Где же мудрость у государя, если он не понимает подобных вещей? Где же разум у государя, если он относится к подобным вещам столь легкомысленно? Надо найти средства к тому, чтобы границы государств перестали подвергаться частым изменениям и сделались устойчивыми, потому что изменения государственных границ ведут к смутам, а смуты — к войне. Ведь легко можно было бы сделать так, чтобы наследники короля женились в границах своих владений, а если уж им так нравится жениться на иноземках, то у них должна быть отнята всякая надежда на престолонаследие. Точно так же следует признать незаконным, если государь уступает или продает часть своих владений, словно свободные города являются его частным поместьем, ибо свободными городами управляют короли, а порабощенные города стонут под игом тиранов.

Ныне из-за путаных браков государей случается так, что человек, рожденный ирландцем, правит Индией, или, скажем, тот, кто правил сирийцами, внезапно становится королем Англии. Так случается, что одно государство, которое он покидает, остается без государя, а в другом этот государь никому не известен и выглядит как человек, рожденный в другом мире. Приобретая одно государство, передуывая его и устраиваясь в нем, он в то же время разоряет и истощает другое. А иногда он выбивается из сил, стараясь удержать оба государства, когда едва может справиться с одним, и оба теряет. Государям следует раз и навсегда договориться между собой, чем каждый из них должен управлять и править, чтобы никакие хитрости не могли увеличить или уменьшить границы их владений, однажды им вручен-

ных и доверенных, и чтобы никакая федерация или лига не могла их разорить и уничтожить.

...между собой государи должны быть связаны не родством и не, искусственным товариществом, а чистой и искренней дружбой и еще более общим и одинаковым стремлением содействовать всеобщему благосостоянию.

Пусть тот наследует государю, кто является ближайшим к нему по родству или кого народное голосование признало наиболее достойным, и пусть этого будет достаточно для других, чтобы отказаться от престола, как поступают благородные люди среди честных людей. Истинно королевское свойство — уметь отказываться от личных стремлений и судить обо всем лишь с точки зрения всенародной, всеобщей полезности. [...]

Поводы и причины войн надо немедленно устранять. Для того чтобы избежать многих раздоров и столкновений, следует снисходительно относиться к некоторым вещам, ибо вежливость порождает и вызывает вежливость. Иногда мир должен быть куплен. И когда ты подсчитаешь, что поглотит и уничтожит война, и учтешь, сколько горожан спасаешь от разорения, то увидишь сам, что, как бы дорого ты ни заплатил, цена будет незначительной. Ведь война потребовала бы помимо крови твоих граждан гораздо более значительных расходов. И когда ты сообразишь, каких бед избежал и сколько добра защитил, то не жаль будет средств, потраченных для предотвращения войны.

...Пусть все люди проповедают, прославляют и превозносят мир публично и частным образом. И если они не смогут предотвратить вооруженное столкновение, то в любом случае они не должны ни одобрять его, ни участвовать в нем, ни оказывать никаких почестей людям, участвующим в этом преступном деле.[...]

Мир по большей части зависит от сердец, желающих мира. Все те, кому мир приятен, приветствуют всякую возможность его сохранить. Они либо стараются не замечать того, что мешает миру, либо устраняют и мирятся со многим, лишь бы мир — величайшее благо — был сохранен и спасен. Другие же ищут поводов для начала войны. То, что ведет к миру, они оставляют без внимания или уничтожают, но то, что ведет к войне, они усиливают и усугубляют. Мне стыдно рассказывать, из-за каких ничтожных и суетных вещей развязывают и создают великие трагедии и какие страшные пожары возникают из

маленькой искорки. Тогда вспоминается великое множество оскорблений и каждый человек вспоминает нанесенные ему обиды и содеянные беды. И в это же время о добрых делах никто не вспоминает, они оказываются в глубочайшем забвении, так что можно действительно поклясться, что все люди желают войны и стремятся к войне.

Часто личные дела государей вовлекают народы в войну. Но причины, по которым эта война ведется, должны быть явными и известными всем. Когда к войне нет вовсе никаких причин, они иной раз выдумывают поводы для несогласий, путая названия стран и провинций для того, чтобы разжигать взаимную ненависть. Знать поддерживает и раздувает заблуждения неразумных людей и злоупотребляет ими к своей частной выгоде и корысти. Даже некоторые священники участвуют в подобном обмане.

Англичане смотрят на французов как на врагов лишь за то, что они французы. Англичане ненавидят шотландцев лишь за то, что они шотландцы. Немцы враждуют с французами, испанцы — и с теми и с другими. Какая противоестественность во всем этом! Простое название местности разъединяет людей. Почему же такое множество других вещей не может примирить их? Ты, англичанин, ненавидишь француза. Но почему ты, человек, не можешь быть доброжелательным к другому человеку? Почему христианин не может быть доброжелательным к христианину?

Не удовлетворяясь этим, некоторые людские умы намеренно и злобно выискивают поводы для противоречий и споров. Они разделяют на части Францию, такую страну, которую ни горы, ни моря, ни истинное название местностей не разделяет. Из французов они делают немцев, чтобы общие имена не способствовали усилению и росту дружбы.

Если судья в таком отвратительном деле, как развод, не принимает на веру исков и не соглашается с любыми доказательствами, то почему же люди в самом отвратительном из всех дел, таком, как война, принимают на веру любую, самую ничтожную и незначительную причину? Пусть они лучше подумают и рассудят, что на самом деле весь этот мир — единая общая страна для всех людей. Если название страны примиряет тех людей, которые оттуда родом, если кровное родство делает их друзьями, если церковь является единой семьей, одинаково общей для всех людей, если один и тот же дом объединяет

и порождает дружбу, то умные и рассудительные люди должны согласиться с этим и признать справедливость моих слов.[...]

...те, кто призывает людей к согласию, не должны оправдываться ссылками на судьбу или на каких-то злых духов: причину раздора ищите в самих людях!

Почему они гораздо сообразительнее тогда, когда речь идет об их процветании? Почему они быстрее схватывают дурное, чем доброе? Когда нужно сделать что-либо разумное, прежде чем его совершить, всегда рассуждают, раздумывают и рассматривают дело со всех сторон. Но в войну бросаются, не размышляя, закрыв глаза и очертя голову, особенно тогда, когда война уже начата и не может быть предотвращена. Увы, из большой она быстро становится великой! Из одной возникают многие. Из бескровной она превращается в кровавую. А самое главное, когда разражается эта буря, она карает и поражает не одного или двух, а всех людей в равной мере.

И неужели ты все еще хочешь войны? Сначала подумай, что такое мир и что такое война, сколько пользы приносит мир и сколько ущерба и зла приносит война, и тогда ты поймешь, разумно ли замечать мир войной. Если есть где-либо что-то вызывающее восхищение — королевство, в котором все и всюду процветает, с хорошо построенными городами, с тщательно возделанными и обработанными полями, с наилучшими законами, с самыми честными нравами, с самыми святыми обычаями, — подумай про себя: «Пойди я туда войной, вся эта благодать будет мною погублена». С другой стороны, если ты увидишь развалины городов, разбитые улицы, преданные огню храмы, опустошенные поля — все это жалкое зрелище таким, как оно есть, подумай: «Все это — плоды войны!»

Если ты горишь желанием ввести в страну предательскую и жестокую армию наемников, кормить и ублажать ее, разоряя народ и нанося ему ущерб, если хочешь прислуживать им — да, да, льстить им — и даже доверять свою собственную жизнь их произволу, подумай обо всем этом. Это необходимые условия войны.

Ты презираешь воровство, а война этому учит. Ты ненавидишь отцеубийство, а этому научаются на войне. Тот, кто так легко убил многих, разве он остановится перед убийством одного, если он того пожелает? Если пренебрежение к законам является ныне пороком всего общества, то во время войны законам вообще приходится мол-

чать. Если ты считаешь блуд, кровосмешительство или еще худшие вещи злом, то война поощряет все подобные дела. Если святотатство и пренебрежение к религии являются источником всех зол, то буря войны ниспровергает и религию, и веру.

Если ты считаешь, что нынешнее общество порочно потому, что худшие люди в нем имеют большую власть, то значит во время войны царят отъявленные преступники. И их дела, за которые в мирное время их бы распяли и повесили, во время войны считаются самыми главными и самыми почетными. ...Кто лучше сможет ограбить дома других людей и осквернить храмы, чем взломщик и святотатец? Кто отважнее изрубит врага или выпустит ему мечом кишки, чем фехтовальщик или братоубийца? Кто искуснее предаст огню город или военные машины, чем поджигатель домов? Кто легче справится с опасностями волн и морей, чем пират, привыкший к морским грабежам? Чтобы яснее понять и разуметь, насколько отвратительна война, взгляни на тех, кто ее ведет.

Если для верующего государя нет ничего дороже безопасности и процветания его подданных, он должен прежде всего ненавидеть войну. Если счастье государя заключается в том, чтобы счастливо управлять государством, то он должен больше всего любить мир. Если мы хотим, чтобы хороший государь правил наилучшим образом, мы должны желать, чтобы он ненавидел войну, источник всех преступлений. Если он полагает, что все, чем владеют его горожане, принадлежит ему, он должен всеми силами избегать войны, которая, как это часто случается, поглощает все состояние людей; то, что приобретено и создано честным искусством и честным трудом, растрачивается на свирепых палачей.

Победы во все времена почти не бывали бескровными. А теперь и подавно все люди запятнаны человеческой кровью. Кроме того, учти еще падение нравов и общественного порядка, которого не могут возместить никакие выгоды. Ты истощаешь свою казну, ты возвращаешь народ, ты угнетаешь честных, ты толкаешь на преступления бесчестных. Война не кончается до тех пор, пока не устранены все ее последствия. Искусства и ремесла приходят в упадок, обмен и торговля прекращаются. Для того чтобы окружить врага, приходится самим покидать многочисленные области и места. А до начала войны

все местности и страны, граничащие с вами, были вашими друзьями, потому что мир путем обмена товаров объединял всех.

Посмотри и рассуди, сколь великую ошибку ты совершил: владения, которые раньше были твоими, теперь едва ли тебе принадлежат. Сколько лагерных сооружений и военных орудий понадобилось тебе, чтобы осадить маленький город! А для того чтобы взять большой город, тебе придется соорудить и построить осадный город и башни. Ты мог бы построить настоящий город с меньшими затратами! Для того чтобы враг не прошел вперед, ты изгоняешь людей из своей страны и заставляешь их спать под открытым небом. Тебе дешевле станет построить новые стены, чем разрушать их и опрокидывать, сооружая для этого военные машины. Я уже не собираюсь считать и вспоминать, сколько денег пройдет сквозь руки поставщиков и военачальников, хотя и это сумма немалая!

Когда бы ты меня вспомнил и правильно оценил все это, я бы охотно согласился, чтобы ты меня потом изгнал и отверг навсегда и повсеместно, если ты не убедишься, что мир обходится тебе самое меньшее в десять раз дешевле войны. Но если ты при счете пропустишь хотя бы часть своего ущерба, тебе останется презирать самого себя за малодушие. Да, тогда не будет более верного доказательства злонамеренности презренного духа, которая не останется неотмщенной.

Ты думаешь, что если, имея дело с соседним государем и, может быть, твоим родственником или свойственником, который в прошлом благоволил к тебе, ты должен будешь уступить ему часть своих прав, так это уменьшит твоё величие? Но куда более ты унизишь своё величие, если теперь и впредь тебе придется подлаживаться, чтобы понравиться варварским отрядам наемников, гнуснейшим подонкам и самым предательским личностям, которых невозможно ни удовлетворить, ни насытить никаким золотом. Почему тот, кто мудр, посылал послов с просьбой о мире даже к карийцам, самому злобному и несдержанному народу? А ты, неужели ты вверишь свою жизнь и блага и само существование своего народа тем, кто не уважает ни тебя, ни Бога.

Если тебе кажется, что сохранять мир можно только ценою больших жертв, почему бы тебе не подумать так: «Вот я утратил нечто, но зато я, хоть и дорого, купил мир». На это здравый смысл дол-

жен был бы ответить: «Я хотел бы прежде всего сохранить все, что принадлежит мне. Я государь, и, хочу я этого или нет, я управляю обществом». Государь не должен легкомысленно ввязываться в раздоры и начинать войну, которая не имеет ничего общего с общественным интересом. Но в действительности мы видим обратное: все причины войны проистекают и возникают из вещей, не имеющих к народу никакого отношения. Если ты обороняешь ту или иную часть своих поместий, что до этого народу? Ты хочешь отомстить тому, кто бросил твою дочь, но какое до этого дело всему обществу? Рассмотреть и взвесить все подобные вещи и здраво их обдумать — обязанность каждого истинно мудрого человека и благородного государя.[...]

**Гроций Гуго. О праве войны и мира. Три книги, в которых
объясняются естественное право и право народов, а также
принципы публичного права [Извлечение]**

КНИГА ПЕРВАЯ Глава I. ЧТО ЕСТЬ ВОЙНА, ЧТО ЕСТЬ ПРАВО?

1. Все взаимные споры лиц, не связанных воедино общим внутригосударственным правом, относятся к состоянию войны или мира; таковы споры тех, кто еще не объединен в народ, или тех, кто принадлежит к различным народам, — как частных лиц, так и самих государств, а также лиц, обладающих равными с последними правами, а именно — лиц знатного происхождения и свободных граждан в республиках. А так как войны ведутся ради заключения мира и нет такого спора, из-за которого не могла бы возгореться война, то уместно будет в связи с изложением права войны остановиться на том, какого рода обычно возникают разногласия, сопряженные с войной. Самая же война приводит нас затем к миру как своей конечной цели.

II. Поскольку мы намерены толковать о праве войны, то необходимо исследовать вопрос о том, что такое война, о которой идет речь, и что такое право, о котором ставится вопрос. Цицерон утверждал, что война есть состязание силой.[...] война есть состояние борьбы силою как таковое. Это общее понятие обнимает всякого рода войны, о которых должна идти речь в дальнейшем.[...]

2. Этому не противоречит происхождение самого слова «война», ибо слово *bellum* [война] происходит от более древней формы — *duellum* [поединок], подобно тому как *duonus* превратилось в *bonus*, а *duis* — в *bis*. *Duellum* в таком же смысле происходит от *duo* [два], в котором для нас «ми означает «единение». Так же точно у греков слово *polemos* [война] произошло от обозначения «множества»; в древности *lue* [раздор] было выведено из слова «распад», подобно тому как из «разложения тела» произошло *due* [мука].

3. Язык не противится употреблению слова «война» в этом более широком смысле. Однако ничто не препятствует нам присваивать название войны исключительно только вооруженному столкновению государств, поскольку, несомненно, родовое название сообщается нередко также тому или иному виду, в особенности же такому, который имеет какое-нибудь особое преимущество перед другими видами. Я

не ввожу в определение понятия войны признака справедливости, потому что задачу настоящего исследования составляет именно разрешение вопроса о том, может ли какая-нибудь война быть справедливой и какая именно война справедлива. Следует все же отличать постановку вопроса от самого предмета, о котором ставится вопрос.

III. Давая настоящему исследованию заглавие «О праве войны и мира», мы, во-первых, как уже сказано, разумеем именно вопрос о том, может ли какая-нибудь война быть справедливой. И затем — еще другой вопрос: что же может быть в войне справедливо? Ибо право здесь означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не в утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом.[...]

2. [...] Один вид справедливости состоит в отношениях между равными, а другой — в отношениях между господствующими и повинующимися. Поэтому мы едва ли ошибемся, если этот последний вид назовем правом господства, а первый — правом равенства. [...]

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава XVII. О НЕЙТРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

I. Может показаться совершенно излишним рассуждать нам о тех, кто не принимает участия в войне, поскольку достаточно ясно, что на них не распространится право войны.[...]

III. 1. Обязанность тех, кто держится в стороне от войны, состоит в воздержании от содействия тому, кто ведет несправедливую войну, или тому, кто препятствует движению ведущего справедливую войну. [...] В сомнительных же случаях следует соблюдать равенство по отношению к обеим воюющим сторонам. [...]

**Юм Дэйвид. Трактат о человеческой природе. Книга вторая.
Об аффектах. Книга третья. О морали [Извлечение]**

Глава 11.0 МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Когда у большей части человечества уже установилась гражданская власть, когда образовались различные общества, примыкающие друг к другу, у этих соседних государств возникает новый ряд обязательств, сообразный природе тех сношений, которые они поддерживают друг с другом. Писатели, трактующие политические вопросы, говорят нам, что при всякого рода сношениях каждое государственное тело должно рассматриваться как единичное лицо; и действительно, это утверждение правильно постольку, поскольку различные нации так же, как и частные лица, нуждаются во взаимопомощи, а между тем их эгоизм и честолюбие являются вечным источником войн и раздоров. Но хотя нации в данном отношении похожи на индивидуумов, однако в других отношениях они весьма отличаются от последних; поэтому неудивительно, что они подчиняются иным правилам, что дает начало новому своду законов, называемому международным правом. Сюда можно отнести неприкосновенность особы посла, право объявления войны, воздержание от употребления отравленного оружия и другие обязательства подобного рода, очевидно рассчитанные на поддержание нормальных отношений между различными государствами.

Но, хотя эти законы являются добавлением к естественным законам, последние не вполне устраняются первыми, и можно спокойно утверждать, что три основных закона справедливости, т.е. стабильность собственности, передача ее на основе согласия и исполнение обещаний, являются столь же обязательными для государей, как и для их подданных. Одинаковость интересов в обоих случаях ведет к одинаковым последствиям. Без стабильности собственности неминуема вечная война. Без передачи собственности на основе согласия невозможна торговля. Без соблюдения обещаний невозможны лиги и союзы. Таким образом, выгоды, доставляемые миром, торговлей и взаимопомощью, заставляют нас распространять и на государства те понятия справедливости, которые обязательны для индивидуумов. Существует одно правило, весьма распространенное в мире, и, хотя лишь немногие государственные люди склонны признавать его,

оно освящено практикой всех времен, это правило, гласящее, что существует особая нравственная система для государей и она является гораздо более вольной, чем та, которая должна управлять частными лицами. Очевидно, это не следует понимать так, будто общественный долг и обязанности государств имеют меньший объем; точно так же вряд ли кто решится нелепым образом утверждать, будто самые торжественные договоры не имеют силы среди государей. Ведь если последние фактически заключают друг с другом договоры, они должны ожидать известной выгоды от исполнения этих договоров и перспектива выгоды в будущем должна склонять их к исполнению их доли обязательства, т.е. приводить к осуществлению соответствующего естественного закона. Таким образом, значение вышеуказанного политического правила, скорее, таково, что, хотя нравственность, обязательная для государей, имеет одинаковый объем с нравственностью частных лиц, она не имеет той же силы, т.е. что первая на законном основании может быть нарушена по более пустячному поводу.[...]

Но та же самая естественная обязательность, основанная на интересе, существует и в отношениях между независимыми государствами и дает начало той же нравственности, так что ни один человек, как бы нравственно испорчен он ни был, не одобрит государя, который произвольно, по собственному почину не сдержит своего слова или нарушит какой-нибудь договор. Здесь, однако, не мешает отметить следующее: хотя общение между различными государствами очень выгодно и иногда даже необходимо, но оно не так необходимо и выгодно, как общение между индивидуумами, без которого человечество совсем не могло бы существовать. Но если естественная обязательность соблюдения справедливости не так сильна для государств, как для индивидуумов, то и нравственная обязательность, порождаемая ею, должна разделять ее слабость и мы по необходимости должны относиться снисходительнее к государю или к министру, когда он обманывает другого государя или министра, чем к частному лицу, нарушающему свое слово.

Если бы спросили, в каком соотношении находятся два указанных вида нравственности друг к другу, я ответил бы, что это вопрос, на который мы никогда не сможем дать точного ответа: ведь невозможно выразить в числах соотношение, которое мы должны установить между ними. Можно смело утверждать, что такое соотношение

устанавливается без всякого искусства, без всякого старания со стороны людей, что легко видеть на многих примерах иного рода. Практика жизни лучше учит нас различным степеням нашего долга, чем самая утонченная философия, которая когда-либо была изобретена. И это может служить убедительным доказательством того, что все люди имеют неясное представление об основании упомянутых нравственных законов, касающихся естественного и гражданского права, и сознают, что последние возникают исключительно из человеческих договоров, а также из того интереса, который связан для нас с соблюдением мира и порядка. Ибо в противном случае уменьшение интереса никогда не имело бы своим следствием ослабление нравственности и не мирило бы нас гораздо легче с нарушением справедливости государями и государствами, чем с таким же нарушением при частном общении одного подданного с другим.

Гольбах Поль Анри. Избранные произведения [Извлечение]

Беседа восьмая О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ, О МИРЕ, О ВОЙНЕ, О ДОГОВОРАХ и т. д.

ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НАРОДОВ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ МЕСТО ТЕ ЖЕ НОРМЫ МОРАЛИ И ДОЛГА, ЧТО И ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ОТДЕЛЬНЫХ ИНДИВИДОВ

Все свидетельствует о том, что общества, на которые разделен человеческий род, можно рассматривать как большое количество индивидов, объединенных в великое всемирное общество. Те же обязанности, какие природа возлагает на каждое разумное общественное существо, она возлагает и на каждый народ. Природа установила такое же равенство между нациями, как и между членами отдельного общества. Народы имеют между собой такие же взаимоотношения, как и эти последние, они так же испытывают потребность друг в друге и, следовательно, должны быть подчинены тем же законам. Наконец, во всемирном обществе рода человеческого существуют связи, посредством которых один народ оказывается объединенным с другим, так же как гражданин отдельного общества со своими согражданами. Если отдельный человек имеет определенные обязанности по отношению к другому, то и нация имеет базовые по отношению к другим нациям, если природа налагает обязанности на отдельного человека, то она налагает их также и на нацию. Жизненный опыт и разум дают возможность понять правила, которые вытекают из такого рода обязанностей, а собрание этих правил составляет универсальный кодекс законов, которым должны руководствоваться все нации мира без исключения. Но, к несчастью, этот кодекс находится в забвении, отвергается или произвольно истолковывается большинством государей, которые определяют поведение народов.

Итак, не будем подчиняться извращенным правилам бесчеловечной политики, внушающей нациям и их правителям, будто законы существуют отнюдь не для государей, будто верховных правителей

не связывают никакие обязанности, будто единственным правилом их поведения является соблюдение собственных интересов, а единственным мерилom их прав должна быть только сила.[...] Если несправедливый человек порывает нити, связывающие его с обществом, в котором он живет, то несправедливый политический деятель порывает узы, объединяющие его со всемирным обществом.

Если кто-нибудь усомнится в этой истине, пусть он подумает о том, какие чувства вызывают у соседних наций те вероломные государи, те неугомонные воители, те честолюбивые завоеватели, чьей судьба слишком часто ставит во главе империй. Не возбуждают ли они у окружающих государств такие же чувства тревоги и подозрения, то же недоверие, тот же ужас, какие внушают к себе преступники гражданам отдельного общества? Разве народы не предпринимают усилий, чтобы обуздать и удержать в определенных границах власть, вызвавшую их недоверие, чтобы пресечь злоупотребления, которые их волнуют, чтобы предупредить намерения, возбуждающие их справедливые опасения. Разве народам, управляемым несправедливыми политиками, не приходится постоянно искупать кровью преступления своих развращенных государей?

Беседа девятая О РАСПАДЕ ГОСУДАРСТВ

§ 1. КАК ГОСУДАРСТВА ПРИХОДЯТ К РАСПАДУ

В своем непрерывном развитии природа ведет все существующее к гибели; этому непреложному закону более или менее медленно следуют как физические, так и духовные явления.[...]

Государственные организмы подобно человеческим носят в себе зародыши своей гибели; как и люди, они пользуются более или менее долговременным здоровьем; как и люди, они подвержены острым заболеваниям и кризисам, которые уносят их жизнь очень быстро, или хроническим болезням, которые подтачивают их постепенно, исподволь разрушая основы жизни. Подобно больным людям общества подвержены бредовому состоянию, безумию, революционным переворотам; обманчивая полнота часто скрывает их тайные недуги; смерть наступает неожиданно, следуя непосредственно за самым цветущим здоровьем. Всегда деятельная природа неожиданно создает иногда условия для появления людей, которые оздоравливают государство, избавляют его от недугов и страданий, можно сказать, возрож-

дают его из пепла. Но чаще природа заставляет нации порождать существа, которые способны лишь разрушать, которые губят все вокруг себя и в мгновение ока низвергают общество в пропасть.

Государство распадается, как только пороки его правителей возрастают в такой степени, что лишают его безопасности, сил и нравственных устоев, необходимых для поддержания общественного целого. Установив это, мы можем утверждать, что политическому организму угрожает распад, когда правители пренебрегают заботой о поддержании в гражданах духовного подъема, необходимого для того, чтобы побудить общество к отвечающей его потребностям деятельности; когда, забывая сохранять равновесие сил в государстве, правители допускают, чтобы одна отрасль управления поглотила все остальные; когда из-за какого-либо внутреннего порока нация утрачивает могущество, положение среди других наций и уважение, которым она должна пользоваться в соответствии с дарованными ей природой преимуществами.[...]

Нация находится в состоянии распри, когда принципы, которыми руководствуется ее правительство, порочны, а законы плохи и бессильны; когда к власти относятся с презрением; когда анархия охватывает все сословия государства; когда граждане обособляют свои интересы от интересов Родины и отмежевываются от нее; когда гражданские войны вооружают граждан друг против друга; когда с помощью Насилия вменяют форму правления в государстве; когда иноземные захватчики вторгаются в страну, чтобы расчленить ее и лишить ее независимости; наконец, когда пружины государственного механизма ослабевают и роскошь делает все умы равнодушными во всему, что приносит пользу, внушая безразличие к общественному благу и презрение к добродетели. Тогда у государства нет больше граждан, оно заполнено порочными, оторванными от своей родины существами, которых воодушевляет лишь необузданная страсть к богатству, наслаждениям и легкомысленному образу жизни.

§ XXV. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

I. [...] Хорошими являются только те законы, которые соответствуют природе общественного человека и обязывают его выполнять свой долг по отношению ко всем другим членам общества; нравственность — это осознание указанных обязанностей, добродетель состоит в том, чтобы приносить пользу обществу, общество должно обеспечить благосостояние тем, кто ему полезен; оказываемая им по-

мощь и доставляемые им преимущества — основа его власти над гражданами; никакая власть не может быть справедливой, если целью ее не является благо людей.

II. Править людьми — значит осуществлять по отношению к ним власть, принадлежащую обществу, с тем чтобы заставить их жить согласно его целям. Правительство действует от имени общества, от которого оно получило власть, или силу принуждать всех членов общественного союза выполнять их общественные обязанности и подчиняться законам, которые представляют собой лишь выражение общей воли. Отсюда следует, что правительство является общественной силой, предназначенной подавлять страсти индивидов, если они противоречат благу общества, и заставлять людей выполнять взаимные обязательства, взятые ими на себя при заключении общественного договора. Одним словом, правительство существует для того, чтобы заставить людей, живущих в обществе, выполнять обязанности, предписываемые моралью. Каждая из форм правления обладает как преимуществами, так и недостатками. Всякая форма правления является хорошей, если правительство точно и последовательно выполняет обязательства общества по отношению к его членам и обязывает последних соотноситься с целями общества.

III. Государи являются уполномоченными общества, избравшего и утвердившего их для того, чтобы с их помощью осуществлять власть над гражданами; подчиняться государю, который правит в соответствии с убеждениями и целями объединения, — значит подчиняться обществу, от которого исходит суверенная власть. Таким образом, права государя — это права, которые пожелала ему доверить нация; его власть основана на власти нации; причиной оказываемого ему подданными послушания и мерой этого послушания является благо, которое его власть обеспечивает нации, никогда не дающей согласие на то, что нарушает ее благополучие. Справедливость — основная добродетель государя; он не может уклоняться от нее, не подвергаясь опасности.

IV. Государь подчинен законам, являющимся выражением воли всего общества, граждане же подчинены государю, поскольку его повеления соответствуют общему благу. Нет таких групп граждан, интересы которых можно обособить от интересов общества, обеспечивающего преимущества для всех и в силу этого имеющего право подчинять всех общественной власти. Каждый класс по-своему должен

способствовать общему благу. Разногласия, разобщение интересов граждан — вот подлинный источник слабости наций и злоупотреблений, от которых они страдают.

V. Деспотизм состоит в противопоставлении общим интересам личных интересов тех, кто находится у власти. Это прихоть одного человека или одного сословия, навязанная в качестве закона всему обществу. Абсолютная власть очень скоро перерождается в тиранию, которая является состоянием войны между государем и всем управляемым народом, основанным на насилии и одинаково пагубным для обеих сторон, состоянием, которое ни один гражданин в своих личных интересах не должен ни поддерживать, ни допускать. Нет ничего более чуждого целям общества, чем деспотизм или своеволие государя; такое своеволие разрывает узы, связывающие граждан, изгоняет из их сердец любовь к родине, стремление к деятельности, трудолюбие и добродетель, приносит счастье всего общества в жертву капризам одного или нескольких людей. Неограниченная власть никогда не может обеспечить нациям возможность пользоваться действительным и долговечным благополучием.

VI. Свобода является неотъемлемым правом всякой нации и всякого общества, ввиду того что она существенно необходима для сохранения и процветания общественных союзов. Быть свободным — значит выполнять только законы, направленные на обеспечение блага общества и одобренные им. Своёволие так же чуждо общественному благу, как деспотизм или тирания. Свобода невозможна там, где нет добродетели; в свою очередь патриотизм, величие души, честь, любовь к общественному благу могут существовать лишь у наций, пользующихся подлинной свободой.

VII. Политика должна в равной степени следить за всем, что важно для благосостояния и сохранения общества. Законодательство должно способствовать удовлетворению потребностей государства; ему следует побуждать граждан к труду, насаждать в их душах добродетель и любовь к родине, поощрять рост народонаселения, развитие сельского хозяйства и развертывание действительно полезной торговли, подавлять порок, награждать достойную похвалы деятельность и необходимые для общества таланты.

VIII. Человеческий род следует рассматривать как огромное общество, в котором природа установила такие же законы, какие устанавливаются для всех граждан в хорошо организованном отдельном

обществе. Народы — это более или менее благоразумные и могущественные индивиды всемирного общества; их связывают с другими народами те же обязанности, какие объединяют всех граждан одного государства. Основой прав человека должны быть нормы морали в применении к условиям жизни всех народов земли. Войны необходимо рассматривать с той же точки зрения, что и насилия и убийства; завоевание — это не что иное, как кража. Союзы и договоры между государствами требуют такой же добросовестности, как и контракты, договоры и союзы между частными лицами. [...]

IX. Несправедливая или пренебрегающая своими обязанностями политика повседневно наносит нациям жестокие раны. Безумства и насилия государей, как и их преступное равнодушие, ослабляют общества и приводят их к гибели.

Таковы истины, которые должны лежать в основе всякой политической системы. Эти истины были достаточно ясно показаны во всех частях настоящего труда, предпринятого единственно в интересах наибольшего блага людей, равно как и тех, кто предписывает им законы.

Кант Иммануил. Собрание сочинений [Извлечение]

МЕТАФИЗИКА ПРАВОВ В ДВУХ ЧАСТЯХ Учения о праве.
Часть вторая.

§ 45 Государство (*civitas*) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, т.е. как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статутарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государство в идее, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (*norma*) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем).

В каждом государстве существует три власти, т.е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*): верховная власть (суверенитет) в лице законодателя, исполнительная власть в лице правителя (правлящего согласно закону) и судебная власть (присуждающая каждому свое согласно закону) в лице судьи, как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе закон всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе веление поступать согласно закону, т.е. принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе судебное решение (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву.

§46 Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не в состоянии поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого (ибо *vilenti non fit iniuria*). Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть только всеобщим образом объединенная воля народа, может быть законодательствующей.

Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т.е. государства, называются гражданами (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе свобода каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское равенство — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской самостоятельности — быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим.

Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина; а эта способность предполагает самостоятельность того в составе народа, кто намерен быть не просто частицей общности, но и ее членом, т.е. ее частицей, действующей по собственному произволу совместно с другими. Но это последнее качество делает необходимым различение граждан активных и пассивных, хотя понятие пассивный гражданин кажется противоречащим дефиниции понятия гражданин вообще.

Однако эта зависимость от воли других и неравенство ни в коей мере не противоречат свободе и равенству этих лиц как людей, которые вместе составляют народ; вернее, лишь в соответствии с условиями свободы и равенства этот народ может стать государством и вступить в [состояние] гражданского устройства. Но иметь в этом устройстве право голоса, т.е. быть гражданами, а не просто принадлежащими к государству, — этому удовлетворяют не все с равным правом. В самом деле, из того, что они могут требовать, чтобы все другие обращались с ними как с пассивными частицами государства согласно законам естественной свободы и равенства, еще не вытекает права относиться к самому государству в качестве активных его членов, организовать его или содействовать введению тех или иных законов; отсюда вытекает лишь то, что, какого бы рода ни были положительные законы, на которые они дают свое согласие, они не должны противоречить естественным законам свободы и соответствующему этой свободе равенству всех в составе народа, а именно они не

должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное.

§47 Каждая из трех указанных властей в государстве представляет собой определенный сан, и, как неизбежно вытекающая из идеи государства вообще и необходимая для его основания (конституции), каждая из них есть государственный сан. Все эти власти содержат в себе отношение общего главы (который с точки зрения законов свободы не может быть никем иным, кроме самого объединенного народа) к разрозненной массе народа как к подданному, т.е. отношение повелителя (*imperans*) к повинующемуся (*subditus*). — Акт, через который народ сам конституируется в государство, собственно говоря, лишь идея государства, единственно благодаря которой можно мыслить его правомерность, — это первоначальный договор, согласно которому все (*omnes et singuli*) в составе народа отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т.е. народа, рассматриваемого как государство (*universi*); и нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели частью своей природной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, для того чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, т.е. в правовом состоянии, потому что зависимость эта возникает из его собственной законодательствующей воли.[...]

К ВЕЧНОМУ МИРУ

К кому обращена эта сатирическая надпись на вывеске одного голландского трактирщика рядом с изображенным на этой вывеске кладбищем? Ко всем ли людям или только к главам государств, которые никогда не смогут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон? Вопрос остается открытым. И все же автор настоящего сочинения оговаривает для себя следующее: политик-практик в споре с политиком-теоретиком должен поступать достаточно последовательно и не усматривать опасности для государства в мнениях теоретика, высказанных им публично и без задней мысли; ведь отношения между ними таковы, что практик с гордым самодовольством, свысока смотрит на теоретика как на школьного мудреца, пустые идеи которого не опасны для государства, исходящего из принципов, основанных на опыте; государствен-

ный муж, умудренный опытом, может не опасаться за исход игры, как бы ни были удачны ходы его партнера. Автор надеется, что эта оговорка (*clausula salvatoria*) в достаточной мере оградит его от любого злонамеренного истолкования данного сочинения.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ, КОТОРЫЙ СОДЕРЖИТ ПРЕЛИМИНАРНЫЕ СТАТЬИ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

1. «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны».

Ибо иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не мир, который означает окончание всякой вражды и присоединять к которому прилагательное «вечный» есть уже подозрительный плеоназм. Мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, даже те, которые, быть может, в данный момент не известны самим договаривающимся сторонам и которые впоследствии могут быть хитро и изворотливо выисканы в архивных документах. Если называть вещи своими именами, то сохранение (*reservatio mentalis*) на будущее старых претензий, о которых в данный момент ни одна из сторон не упоминает, так как обе слишком обессилены, чтобы продолжать войну, хотя и исполнены преступного намерения использовать для этой цели первый удобный случай, есть иезуитская казуистика, недостойная правителя, так же как и готовность к обоснованию подобных действий недостойна его министра.

2. «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое – это не имеет значения) ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством».

Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не представляет собой имущества (*patrimonium*). Государство – это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме него самого. Поэтому всякая попытка привить его, имеющего, подобно стволу, собственные корни, как ветвь, к другому государству означала бы уничтожение первого как моральной личности и превращение моральной личности в вещь и противоречила бы идее первоначального договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом. Общеиз-

вестно, какую опасность для Европы (другие части света никогда не знали ничего подобного) создает в наше время способ приобретения, состоящий в том, что даже государства могут вступать в брак; на это смотрят либо как на новый ловкий способ без затраты сил благодаря родственным союзам увеличить свое могущество, либо как на средство расширить свои владения. Сюда же следует отнести и передачу своих войск одним государством другому в качестве наемников, используемых против не общего им врага; в этом случае подданные употребляются и потребляются как вещи, которыми можно распоряжаться по своему произволу.

3. «Постоянные армии (*miles perpetuus*) со временем должны полностью исчезнуть». Ибо, будучи постоянно готовыми к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их к стремлению превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, которое не имеет предела, и поскольку связанные с миром военные расходы становятся в конце концов обременительнее короткой войны, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени. К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, — значит использовать их как простые машины или орудия в руках другого (государства, а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас. Иное дело — добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне. Накопление богатств может привести к тем же результатам, а именно: другие государства, усмотрев в том военную угрозу, будут вынуждены прибегнуть к упреждающему нападению так как из трех сил: вооруженной силы, силы союзов и силы денег — последняя может быть наиболее надежным орудием войны), если бы не было так трудно определять размеры этой угрозы.

4. «Государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики».

Поиски средств внутри страны или вне ее не вызывают подозрения, если это делается для экономических нужд страны (улучшения дорог, строительства новых населенных пунктов, создания запасов на случай неурожайных лет и т.д.). Но как орудие борьбы держав между собой кредитная система, при которой долги могут непомерно увеличиваться, оставаясь в то же время гарантированными (поскольку кре-

диторы не предъявляют своих требований одновременно), — остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии — является собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны. Превосходя фонды всех других государств, вместе взятых, этот фонд может быть истощен лишь с прекращением поступления налогов (что, однако, можно надолго отсрочить оживлением оборота, воздействуя на промышленность и ремесло). Эта легкость ведения войны, соединенная со склонностью к ней власть имущих, кажется врожденной человеческому роду и является большим препятствием на пути к вечному миру. Поэтому прелиминарный договор тем более должен включать в себя задачу устранения этого препятствия, иначе неизбежное в конце концов государственное банкротство нанесет неоправданный ущерб другим государствам. Следовательно, другие государства имеют право объединяться против такого государства и его притязаний.

5. «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства».

Ибо что может дать ему право на это? Быть может, дурной пример, который одно государство показывает подданным другого государства? Напротив, этот пример может служить предостережением, как образец того, какие беды навлек на себя народ своим беззаконием. Да и вообще дурной пример, который одно свободное лицо дает другому, еще не может рассматриваться как нанесение ущерба последнему. Сюда, правда, нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распадается на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на самостоятельность. Если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (ибо в противном случае возникнет анархия). Но до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независимого народа, борющегося лишь со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство, следовательно, является дурным примером для других и угрожает автономии всех государств.

6. «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время, как,

например, засылка тайных убийц (*percussores*), отправителей (*venefici*), нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене (*perduellio*) в государстве неприятеля и т.д.».

Это бесчестные приемы борьбы. Ведь и во время войны необходимо испытывать хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, иначе нельзя будет заключить никакого мира и враждебные действия превратятся в истребительную войну (*bellum internecium*). Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой. Ни одна из сторон не может быть объявлена неправой, так как это уже предполагает судебное решение, и лишь исход войны (подобно тому как это имеет место в так называемом суде Божьем) решает, на чьей стороне право. Карательная война (*bellum punitivum*) между государствами немислима (поскольку между ними не существует отношений начальника и подчиненного). Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Итак, подобная война, а также использование средств, которые открывают пути к ней, должны быть, безусловно, воспрещены. А то, что названные средства неизбежно приводят к ней, явствует из того, что эти гнусные дьявольские приемы войны, войдя в употребление, недолго удерживаются в пределах войны, например шпионаж (*uti exploratoribus*), когда одни пользуются бесчестностью других, которую сразу невозможно искоренить, но переходят и в мирное состояние, совершенно уничтожая тем самым его назначение.[...]

Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Философия права [Извлечение]

Основные произведения: «Phänomenologie des Geistes», 1807 (русский перевод «Феноменология духа», 1913); «Logik», 1812 (русский перевод «Логика», 1937); «Enzyklopadie der Wissenschaften», 1817 (русский перевод «Энциклопедия философских наук в кратком очерке», ч. 1-3, 1861 - 1868).

§331 Народ как государство есть дух в своей субстанциальной разумности и непосредственной действительности, поэтому он есть абсолютная власть на земле; следовательно, каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому. Быть таковым для другого, т.е. быть признанным им, есть его первое абсолютное право. Но вместе с тем это право лишь формально, и требование государством этого признания только потому, что оно есть государство, абстрактно; есть ли оно в самом деле нечто в себе и для себя сущее, зависит от его содержания, строя, состояния, и признание как содержащее в себе тождество обоих моментов столь же зависит от воззрения и воли другого государства.[...]

§332 Непосредственная действительность, в которой государства находятся по отношению друг к другу, обособляется на многообразные отношения, определение которых исходит из обоюдного самостоятельного произвола, и тем самым носит вообще характер договоров. Однако материя этих договоров неизмеримо менее многообразна, чем в гражданском обществе, где отдельные лица находятся в самых различных отношениях взаимной зависимости, между тем как самостоятельные государства представляют собой преимущественно внутри себя самодовлеющие целостности.

§333 Принцип международного права как всеобщего, которое в себе и для себя должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит, в отличие от особенного содержания позитивных договоров, в том, что договоры, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу, должны выполняться. Однако так как взаимоотношения государств основаны на принципе суверенности, то они в этом аспекте находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу и их права имеют свою действительность не во всеобщей, конституированной над ними как власть, а в их особенной воле. Поэтому названное всеобщее определение остается должен-

ствованием, и состояние между государствами колеблется между отношениями, находящимися в соответствии с договорами и с их снятием.

Примечание. Над государствами нет претора, в лучшем случае их отношения регулируются третейскими судьями и посредниками, да и то лишь от случая к случаю, т.е. согласно особенной воле. Кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, который способен уладить любые споры, устранить в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти всякие недоразумения и тем самым сделать невозможным решение их посредством войны, предполагает согласие государств, которое исходило бы из моральных, религиозных или любых других оснований и соображений, вообще — всегда из особенной суверенной воли и вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности.

§334 Если особенные воли не приходят к соглашению, спор между государствами может быть решен только войной. Однако какие именно нарушения — а такие нарушения в охватываемой ими обширной области и при многосторонних отношениях между подданными разных государств могут легко возникнуть, и их может быть множество — следует рассматривать как определенное нарушение договоров, противоречие признанию или оскорбление чести, остается в себе не подлежащим определению, так как государство может приносить свою бесконечность и честь в любую из своих единичностей, и оно тем более склонно к такому раздражению, чем больше сильная индивидуальность побуждается длительным внутренним миром искать и создавать себе сферу деятельности в области внешней политики.

§336 Примечание. Одно время много говорилось о противоположности между моральностью и политикой и о том, чтобы политика соответствовала требованиям моральности. Здесь следует лишь вообще заметить, что благо государства имеет совершенно иное оправдание, чем благо отдельного лица, что нравственная субстанция, государство, имеет свое наличное бытие, т.е. свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом то деятельности и поведения. Воззрение о мнимом неправде, которое в этом про-

тивоположении якобы всегда свойственно политике, покоится преимущественно на поверхности представлений о моральности, о природе государства и его отношения к моральной точке зрения.

§338 Вследствие того, что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых так же и в войне, в состоянии бесправия, насилия и случайности, сохраняется лес», в которой они значимы друг для друга как в себе и для себя сущие, так что в войне сама война определена как нечто долженствующее быть преходящим. Поэтому война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира, что, следовательно, послы должны быть неприкасаемы, и что война вообще ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц.

Прибавление. Поэтому войны новейшего времени ведутся гуманно и люди не испытывают ненависти по отношению друг к другу. В худшем случае личная враждебность проявляется у тех, кто находятся на передовых позициях, но в армии как армии вражда - нечто неопределенное, отступающее перед чувством долга, которое каждый уважает в другом.

§ 340 В отношении государств друг с другом, поскольку они выступают в них как особенные, привносится в высшей степени бурная, принимающая огромные размеры в своем явлении игра внутренней особенности страстей, интересов, целей, талантов и добродетелей, насилия неправа и пороков, внешней случайности, — игра, в которой само нравственное целое, самостоятельность государства, подпадает под власть случайности. Вследствие их особенности, в которой они в качестве существующих индивидов имеют объективную действительность и свое самосознание, принципы народных духов вообще ограничены и их судьбы и деяния в их отношении друг к другу представляют собой выступающую в явлении диалектику конечности этих духов, из которой всеобщий дух, мировой дух, столь же порождает себя неограниченным, сколь осуществляет, применяя к ним, свое право — а его право есть наивысшее — во всемирной истории.[...]

Клаузевиц Карл Филипп Готфрид. О войне [Извлечение]

О ВОЙНЕ Часть первая. ПРИРОДА ВОЙНЫ

Глава 1. ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в сущности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью будет — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

11. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ВОЙНЫ ВНОВЬ ВЫДВИГАЕТСЯ НА ПЕРВЫЙ ПЛАН

...политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Поскольку мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе; она находится в зависимости от взаимоотношений обоих государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Между...двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический по-

вод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет сама по себе пригодна для того, чтобы служить выражением цели военных действий. Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Бывают случаи, что только ею одной определяется степень обоюдных усилий.

23. ВОЙНА ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВСЕГДА ОСТАЕТСЯ СЕРЬЕЗНЫМ СРЕДСТВОМ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СЕРЬЕЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ. БЛИЖАЙШЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Война в человеческом обществе, — война целых народов, и притом народов цивилизованных, — всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Если бы она была совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно независимое. Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и стратегией приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в самой основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является

крайностью, разрешающей свое напряжение одним единственным разрядом. Она находится под действием сил, развивающихся не вполне одинаково и равномерно; порою прилив этих сил оказывается достаточным для того, чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие.

24. ВОЙНА ЕСТЬ ТОЛЬКО ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ

Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств. Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с военными средствами. Это требование отнюдь не является незначительным, но сколь бы сильно ни сказывалось его влияние на намерения политики, все же это воздействие следует мыслить только как видоизменяющее их, ибо политическое намерение является целью, война же только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели.

26. ВСЕ ВИДЫ ВОЙНЫ МОГУТ РАСШИРЯТЬСЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ.

Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом выступает весьма определенно, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и такие сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение, а осторожное, лукавое, да, пожалуй, и нечестное мудрствование, избегающее открытого употребления силы.

27. ПОСЛЕДСТВИЯ ТАКОГО ВЗГЛЯДА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ И ДЛЯ ОСНОВ ТЕОРИИ

Итак, мы видим, во-первых, что ни при каких условиях мы не должны мыслить войну как нечто самостоятельное, а как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно это понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются.

28. ВЫВОД ДЛЯ ТЕОРИИ

Итак, война бывает не только настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу, но также и в своих общих формах, по отношению к господствующим в ней тенденциям, она представляет собой странную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку.

Первая из этих трех сторон обращена больше к народу, вторая — больше к полководцу и его войску, а третья — к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели войны принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в такое резкое противоречие с действительностью, что поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории — сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.[...]

Глава II А. ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА В ВОЙНЕ

Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий. Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.[...]

Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями.

Итак, в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это — средства, из которых каждое в зависимости от особенностей конкретной обстановки может быть применено с целью преодолеть волю противника.!...]

[...] Кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил — первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без

крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, на которых его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу. [...]

Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов. Скорее, чем с каким-либо из искусств, войну можно было бы сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей; гораздо ближе к войне политика, которую с своей стороны можно рассматривать как своего рода торговлю, в более крупном масштабе. Политика, кроме того, является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах. [...]

Б. О РАЗМЕРАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ ВОЙНЫ И НАПРЯЖЕНИЯ

Насилие, которое нам придется применить к противнику, будет находиться в соответствии с размерами наших политических требований, а также требований противника. Поскольку последние известны, казалось бы, степень обоюдных усилий могла быть определена. Однако политические требования не всегда бывают достаточно явны, и в этом первая причина различия средств, применяемых с той и другой стороны. Положение и обстановка государств неодинаковы; в этом может заключаться вторая причина.

Точно так же неодинаковы и сила воли, характер и способность правителей; это — третья причина. Эти три причины вводят известную неопределенность в расчет сопротивления, которое мы встретим, а следовательно, в расчет тех средств, которые надо будет использовать, и конечной военной цели, которую следует себе поставить.

Таким образом, начинающий войну вновь вынуждается обратиться на средний путь, следуя которому, он до известной степени будет действовать по принципу — применять на войне лишь те средства и задаваться лишь такой конечной военной целью, которые будут

достаточны для достижения политической цели. При следовании этому принципу воюющему придется отказаться от безусловного обеспечения успеха и от использования более широких возможностей.[...]

Глава VI А. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ НА КОНЕЧНУЮ ВОЕННУЮ ЦЕЛЬ

Мы никогда не встретимся с таким случаем, чтобы государство, выступающее в интересах другого, относилось к ним столь же серьезно, как к своим собственным. Обычно отправляют среднего размера вспомогательную армию; если ее постигнет неудача, то на всем деле ставят крест и стараются выпутаться возможно дешевле.

В европейской политике давно вошло в обычай, что, заключая союзы защиты и вооруженного сопротивления, государства обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку; при этом, однако, вражда и интересы одного союзника не становятся обязательными для другого; поддержка состоит лишь в том, что государства, не обращая внимания ни на объект войны, ни на усилия противника, обещают друг другу определенную, обычно очень умеренную военную силу.

При таком выполнении союзнического долга союзник не рассматривает свои отношения с противником как состояние настоящей войны, которая обязательно должна была бы начинаться с объявления войны и заканчиваться заключением мира.

Б. ВОЙНА ЕСТЬ ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

...Все знают, конечно, что война вызывается лишь политическими отношениями между правительствами и между народами; но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам.

Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Мы говорим — при вмешательстве иных средств, чтобы вместе с тем подчеркнуть, что эти политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но по существу продолжают, какую бы форму ни принимали средства, которыми они пользуются, и что главные линии, по которым развиваются связанные с ними военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира. И как можно представить это иначе?

Разве когда-либо прекращаются вместе с дипломатическими нотами дипломатические отношения различных народов и правительств? Разве война не является только другим видом письма и речи, выражающим их мысли? Война, конечно, имеет свою собственную грамматику, но не собственную логику.

Следовательно, война никогда не может рассматриваться отдельно от политических отношений, и если это где-либо происходит, то тем самым в известной мере разрываются связующие нити и получается нечто бессмысленное и бесцельное.

Политика, используя войну, уклоняется от всех строгих выводов, вытекающих из природы войны, мало заботится о конечных возможностях, интересуется лишь ближайшими вероятностями. Отсюда вносится во все дело значительная неопределенность, и, следовательно, война становится своего рода игрой; при этом политика каждого правительства лелеет надежду превзойти в этой игре своего противника искусством и дальновидностью.

...Раз война есть часть политики, то, следовательно, она будет принимать и ее свойства, Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретет свой абсолютный облик.

Ни в каком случае военное искусство не является для политики предопределяющим фактором, и мы можем здесь рассматривать политику лишь как представительницу всех интересов общества в целом.

Итак, вопрос состоит лишь в том, должна ли при составлении плана войны политическая точка зрения склоняться перед точкой зрения чисто военной (если таковая вообще была бы мыслима), т.е. или совершенно исчезать, или ей подчиняться, или же политическая точка зрения должна быть господствующей, а военная находиться у нее в подчинении?

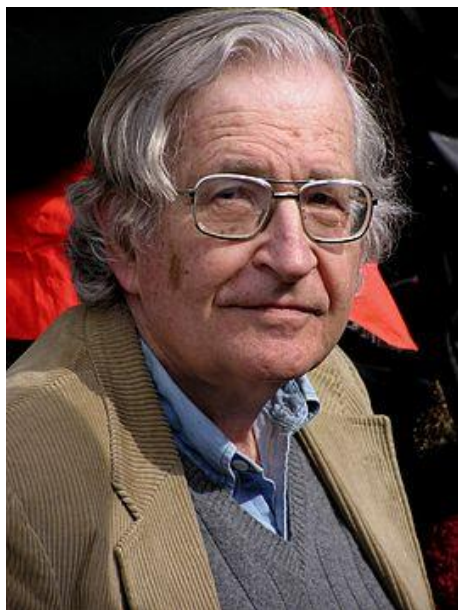
Мысль, что политическая точка зрения с началом войны должна исчезнуть, была бы возможной лишь в том случае, если бы война была боем не на жизнь, а на смерть вследствие одной только вражды; войны же в том виде, как они бывают в действительности, являются не чем иным, как проявлением именно политики, как мы уже выше показали. Подчинять политическую точку зрения военной — бес-

смысленно, так как политика родила войну. Политика — это разум, война же — только орудие, а не наоборот. Следовательно, остается только подчинить военную точку зрения политической.

Война должна вполне соответствовать замыслам политики, а политика должна соразмерять их в соответствии с имеющимися для войны средствами. Если политик и солдат не совмещаются в одном лице, то для достижения этого имеется лишь одно хорошее средство — сделать главнокомандующего членом правительства, дабы он в важнейшие моменты принимал участие в его совещаниях и решениях.

... война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить мерой политики. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам.

Хомский Н. 9-11 [Извлечение]

Цивилизации: Запад и Восток. На основе интервью, данных 20-22 сентября 2001 года представителям европейских медиа: Марили Маргомену (Alpha TV Station, Греция), Мигелю Мора (El Pais, Испания), Натали Левюалль (Liberation, Франция)

Вопрос: После атаки на США госсекретарь Колин Пауэлл сказал, что американское правительство будет пересматривать закон о терроризме, включая закон 1976 г., запрещающий акции убийства иностранцев. Европейский союз тоже

склоняется к тому, чтобы ввести новый закон о терроризме. Каким образом ответ на эти атаки может привести к ущемлению наших свобод? Например, дает ли терроризм государству право устанавливать над нами контроль с целью выслеживания подозреваемых и предотвращения будущих терактов?

Хомский. Слишком абстрактный ответ может ввести в заблуждение, так что давайте обратимся к какому-либо актуальному и достаточно типическому примеру того, чем, на деле, могут оборачиваться планы по ослаблению принципов сдерживания государственного насилия. Утренняя (21 сентября) New York Times приводит мнение Майкла Уолцера, уважаемого всеми интеллектуала и признанного морального лидера. Он призывает к «идеологической кампании - собрать все аргументы в оправдание терроризма и опровергнуть их», но поскольку ему известно, что таких доводов в пользу терроризма, который им подразумевается, не существует, по крайней мере - разумных доводов, то этот запрос превращается в призыв к отказу от попыток исследовать причины, обусловившие террористические акты, направленные против государств, Уолцером поддерживаемых. И далее он продолжает, в расхожей манере, причислять себя ко всем тем, кто приводит эти «доводы в оправдание терроризма», молчаливо одобряя при этом политические убийства: например, Израилем тех палестинцев, которые, по утверждениям Израиля, поддерживают тер-

роризм. Ни одного доказательства этих утверждений не представляется или же не считается необходимым представить: во многих случаях даже сомнения в них отвергаются как беспочвенные. А к неизбежному «побочному ущербу» - жертвам среди женщин, детей и просто находившихся неподалеку - относятся как к обычному делу. Предоставленные США боевые вертолеты в течение 10 месяцев использовались для осуществления таких убийств. Уолцер ставит слово «убийство» в кавычки, означающие, что для него этот термин есть часть того, что он обозначает как «пылкие и сильно искаженные отчеты о палестино-израильском конфликте и блокаде Ирака».

Он, очевидно, имеет в виду критику поддерживаемых США израильских злодеяний на территориях, почти 35 лет находящихся под жесткой и жестокой военной оккупацией, и критику США за разрушение мирной жизни Ирака (и тем самым - укрепление режима Саддама Хусейна). Такого рода критика, очень редкая в Соединенных Штатах, для Уолцера, вероятно, представляется избыточной. Под «искаженными отчетами» он, скорее всего, имеет в виду изредка встречающиеся в прессе упоминания того выступления Государственного Секретаря Мадлен Олбрайт по национальному телевидению, когда ее попросили определить позицию по отношению к тому факту, что около полумиллиона иракских детей умерло в результате применения режима санкций. Она признала, что решение в пользу санкций было «тяжелым выбором» для ее администрации, но при этом добавила: «Мы думаем, что в данном случае цель оправдывает средства».

Я привожу этот единственный пример, с легкостью умножаемый, чтобы проиллюстрировать то, что в действительности означает ослабление регулирующих государственную политику ограничений. Мы можем вспомнить, что жестокие и преступные государства весьма склонны оправдывать свои действия как «контртеррористические»: например, нацисты в их борьбе с партизанским сопротивлением. И такие действия, как правило, находят оправдание у самых уважаемых интеллектуалов.

И это - не факты из древней истории. В декабре 1987 г. - на пике наибольшей озабоченности угрозой международного терроризма - Генеральная Ассамблея ООН провела свою основную резолюцию по этому вопросу, осуждая эту «чуму» в самых сильных выражениях и

призывая все страны действовать решительно, чтобы одолеть ее. Резолюция прошла 153 голосами против 2 (США и Израиль), только Гондурас воздержался. Ее «оскорбительный» пассаж гласит: «Ничто в данной резолюции ни в какой мере не может поставить под сомнение право на самоопределение, свободу и независимость, как то формулируется Уставом ООН, народов, насильственным образом лишенных этого права..., в том числе и народов, находящихся под колониальными или расистскими режимами или другими формами колониального господства; или же право этих народов на борьбу, поиск и получение поддержки (в соответствии с Уставом и другими принципами международного права)». Эти права не были признаны ни Соединенными Штатами и Израилем, ни их тогдашним союзником ЮАР. Африканский Национальный Конгресс был для Вашингтона «террористической организацией», а вот Южная Африка не причислялась им к Кубе и другим странам в качестве еще одного «террористического государства». В своих действиях Вашингтон сообразуется именно с удобной для него трактовкой «терроризма», последствия чего самым печальным образом сказываются на жизни простых людей.

Сегодня много говорится о принятии всеобщей конвенции против терроризма: задача не из простых. Подробно представленное в различных докладах затруднение заключается в том, что США не подпишутся под проектом, содержащим какое бы то ни было положение, напоминающее оскорбляющий их пассаж из резолюции ООН 1987 г.; а ни один из их союзников не согласится с определением понятия терроризма в соответствии с официальными дефинициями Кодекса США или военных учебников без того, чтобы это определение было переработано так, чтобы под определение терроризма никогда не попадали ни могущественные державы, ни их клиенты. Если честно, есть много факторов, которые должны быть учтены при ответе на ваш вопрос. Однако исторические свидетельства здесь чрезвычайно важны. На этот вопрос нельзя отвечать обобщенно. Многое зависит от конкретных обстоятельств и предложений по проблеме.

Бундестаг в Германии уже решил, что немецкие солдаты присоединятся к американским войскам, - и это при том, что, согласно опросу Института Форса, 80 процентов немцев против этого. Что Вы думаете по этому поводу?

В данный момент, европейские власти колеблются по вопросу своего присоединения к крестовому походу Вашингтона, опасаясь, что своим массированным нападением на мирных жителей США сыграют на руку бен Ладену и прочим, мобилизуя отчаявшихся и озлобленных людей в их ряды; последствия чего могут быть даже еще более страшными.

Что вы думаете о нациях, действующих во время войны как глобальное сообщество? Уже не в первый раз каждая страна ставится перед выбором: присоединиться к Соединенными Штатами или же быть отнесенной к стану врагов; теперь об этом же объявляет и Афганистан.

Администрация Буша сразу поставила перед нациями мира выбор: присоединяйтесь к нам или готовьтесь к уничтожению (Примечание издателя: здесь Хомский ссыпается на цитату, приведенную в *New York Times*, 14 September 2001)

«Глобальное сообщество» решительно противостоит террору, включая массированный террор могущественных государств, также осуждая ужасные преступления 11 сентября. Но «глобальное сообщество» бездействует. Когда западные государства и интеллектуалы используют выражение «международное сообщество», они имеют в виду самих себя. К примеру, когда НАТО наносило бомбовые удары по Сербии, это, согласно западной риторике, делалось «международным сообществом»; хотя те, кто не прятал голову в песок, знали, что большинство людей было настроено против этого, зачастую открыто выражая свою позицию. Однако, кто не поддерживает действия власть имущих и богатых, не оказываются частью «глобального сообщества», равно как и термином «терроризм» обычно обозначается «терроризм, обращенный против нас и наших друзей».

Нет ничего удивительного в том, что Афганистан пытается подражать Соединенным Штатам, обращаясь к мусульманам за помощью. Масштаб, конечно, гораздо меньше. Даже будучи изолированными от внешнего мира, лидеры Талибан, скорее всего, очень хорошо понимают, что исламские государства им не друзья. Эти государства подвергались террористическому нападению со стороны радикальных исламских группировок, которые 20 лет назад были организованы и выучены для ведения Священной войны против Советского Союза, а

затем стали преследовать свои собственные террористические цели, начав с убийства египетского президента Садата.

Будет ли, по-Вашему, нападение на Афганистан «войной с терроризмом»?

Нападение на Афганистан, скорее всего, принесет смерть большому числу мирных жителей; в стране, где миллионы людей и так уже находятся на грани голодной смерти, это число даже будет громадным. Бессмысленное убийство мирных жителей - это терроризм, а не война против терроризма.

Могли бы Вы представить, какой была бы ситуация, если террористическое нападение в США, произошло ночью, когда во Всемирном торговом центре находилось очень мало людей? Другими словами, если бы жертв было совсем немного, прореагировало бы американское правительство в том же духе? Т. е., насколько действенной здесь оказалась символическая составляющая этой катастрофы: то, что удар был направлен именно на Пентагон и Twin Towers?

Я сомневаюсь в том, что ситуация была бы принципиально иной. Даже если бы потери не были столь огромными, преступление, все равно, было бы ужасным. Пентагон, по понятным причинам, - это больше, чем «символ». Что касается Всемирного торгового центра, нам остается лишь догадываться, что террористы имели в виду, когда они подложили туда бомбу в 1993 г. и полностью его разрушили 11 сентября. Однако мы можем быть вполне уверены в том, что это имело самое отдаленное отношение к таким вещам, как «глобализация», «экономический империализм» или «культурные ценности» - проблемы, абсолютно чуждые для бен Ладена, его соратников и прочих радикальных исламистов, подобных тем, что были осуждены за взрыв 1993 г. Все это их совершенно не заботит, как, очевидно, не заботит и сам тот факт, что творимые ими в течение многих лет злодеяния нанесли огромный урон бедным и угнетенным людям как в мусульманском, так и в остальном мире; и очередной раз - 11 сентября.

Среди первых жертв этой акции оказались палестинцы оккупированных военными частями территорий, что преступники, конечно же, не могли не предвидеть. У них другие интересы, и бен Ладен достаточно красноречиво изложил их в своих многочисленных интервью: свергнуть коррумпированные и репрессивные режимы арабского мира и заменить их на чисто исламские режимы, поддержать мусуль-

ман в их борьбе против «неверных» в Саудовской Аравии (которая, как он считает, оккупирована США), Чечне, Боснии, Западном Китае, Северной Африке, Юго-Восточной Азии и, возможно, далее.

Для западных интеллектуалов удобны рассуждения о «глубинных причинах» - таких, как ненависть к западным ценностям и прогрессу. Это - полезный способ для того, чтобы избегать вопросов об истории возникновения самой организации бен Ладена, о причинах распространения гнева, страха и отчаяния среди населения региона, рекрутирующих добровольцев в ряды радикальных исламистских террористических групп. Поскольку ответы на эти вопросы вполне ясны, но не соответствуют общепринятой доктрине, оказывается предпочтительным отбросить сами вопросы за их «поверхностностью» и «незначительностью» и вернуться к «глубинным причинам», на самом деле, являющимся, скорее, поверхностными даже в тех случаях, когда они действительны.

Должны ли мы вообще называть то, что происходит, войной?

Не существует точного определения понятия «войны». Люди говорят о «войне с бедностью», «войне с наркоманией» и т. д. То, что набирает силу - это не конфликт между государствами, хотя и может в него перерасти.

Можем ли мы говорить о столкновении между двумя цивилизациями?

Об этом сейчас модно говорить, но в этом мало смысла. Коротко повторим известные исторические факты. Наиболее населенное исламское государство - это Индонезия, являющаяся любимчиком США с тех самых пор, как Сухарто в 1965 г. пришел в ней к власти, а устроенная ее армией резня унесла жизни сотен тысяч людей, в большинстве своем - безземельных крестьян. Эта бойня происходила при поддержке Соединенных Штатов и сопровождалась на Западе всплеском эйфории, позднее показавшейся настолько постыдной, что память о ней была полностью вытеснена. Сухарто оставался «нашим парнем», как его называла администрация Клинтона, и тогда, когда за ним уже тянулся самый страшный во второй половине XX-го века, шлейф кровавой истории убийств, пыток и другого насилия. Наиболее экстремистское исламское фундаменталистское государство, наряду с Талибан, - это Саудовская Аравия, являвшаяся клиентом США с самого своего основания. В 1980-х гг. США вместе с паки-

станскими службами разведки (при содействии Саудовской Аравии, Великобритании и пр.) рекрутировали, вооружили и подготовили наиболее радикальных исламских фундаменталистов, каких только можно было найти, чтобы использовать их для нанесения максимального ущерба советским войскам в Афганистане. Как утверждает Саймон Дженкинс из лондонской Times, этими действиями был «разрушен умеренный режим и создан режим фанатиков из групп, безудержно финансируемых американцами» (большинство средств, впрочем, поступало, скорее всего, из Саудовской Аравии). Одним из тех, кто извлек из этого выгоду косвенным образом, был Усама бен Ладен.

Также в 1980-х гг. США и Великобритания оказали значительную поддержку своему другу и союзнику Саддаму Хуссейну - фигуре, конечно, более светской, однако, все равно, находящейся на «исламской» стороне конфликта, - причем, как раз в период осуществления им его самых жестоких зверств, включая газовую атаку на курдов и многое другое.

Кроме того, в 1980-х гг. Соединенные Штаты вели масштабную войну в Центральной Америке, обернувшуюся 200 000 замученных и изувеченных, миллионами сирот и беженцев и полным разорением четырех государств. Основной же мишенью для США стала католическая церковь, тяжело согрешившаяся в Латинской Америке тем, что поддержала «льготные выборные права» для бедных.

В начале 1990-х гг., в первую очередь, осуществляя циничные властные стратегии. Соединенные Штаты - вряд ли к их большой выгоде - избрали боснийских мусульман в качестве своих балканских клиентов.

Если ограничиться приведенными примерами - где обнаружим мы раздел между цивилизациями? Должны ли мы прийти к заключению о существовании столкновения между цивилизациями в лице латиноамериканской католической церкви, по одну сторону, и США с мусульманским миром, включая его наиболее преступные и фанатические религиозные элементы, по другую? Я, конечно же, не предлагаю столь абсурдного вывода. Но каким здесь вообще может быть вывод на рациональных основаниях?

Думаете ли Вы, что мы используем слово «цивилизация» адекватно? Смог бы действительно цивилизованный мир привести нас к подобного рода глобальной войне?

Ни одно цивилизованное общество не будет терпеть что-либо подобное перечисленному мною - а это ведь лишь небольшой отрезок истории США (история Европы и того хуже). И конечно же, ни один «цивилизированный мир» не втянул бы человечество в масштабную войну вместо того, чтобы прибегнуть к мерам, предписанным международным правом, и учесть многочисленные прецеденты.

Для радикальных исламистов, мобилизованных ЦРУ и его партнерами, ненависть и есть то, что они выражают. США были рады поддержать эту ненависть и насилие, когда они были направлены против врагов США; но радость ушла, когда эта ненависть, взращиванию которой они способствовали, обратилась против них и их союзников, как это уже 20 лет имеет место. Для населения региона, особой категории людей, причины их чувствований тайной не являются. Так что и источники этих чувств также неплохо известны.

Что бы, на Ваш взгляд, могло помочь гражданам западных стран в восстановлении мира?

Это зависит от того, чего хотят эти граждане. Если они хотят эскалации насилия, модели осуществления чего хорошо известны, они, безусловно, могут призывать Соединенные Штаты попасться в «дьявольскую ловушку» бен Ладена и приступить к уничтожению мирных жителей. Если они хотят снизить уровень насилия - им следует использовать свое влияние, чтобы направить великие державы на другой путь: тот, который я описал ранее и для следования которому, опять-таки, есть много прецедентов. Но для этого необходимо стремление к изучению того, что лежит за этими злодеяниями. Можно часто услышать, что мы не должны рассматривать эти вопросы, так как это было бы оправданием терроризма, - позиция настолько глупая и разрушительная, что она вряд ли заслуживала бы разъяснений, но, к сожалению, очень расхожая. Тем не менее, если мы не хотим способствовать эскалации насилия, мишенями которого могут стать и богатые, и власть имущие, то именно этим мы теперь и должны заниматься, равно как и во всех остальных случаях, включая те, что имели место в Испании. [Фрагмент интервью Хомского испанской прессе, по этому и упоминание об Испании. - Прим. ред.]

Действительно ли США «напрашивались» на эти нападения? Являются ли они следствием американской политики?

Нападения не являются «следствиями» политики США в каком-то прямом смысле. Но косвенно они, конечно, ею вызваны - бесспорно. Почти нет сомнений в том, что преступники - это члены террористической организации, формировавшейся в наемных армиях, организованных, выученных и вооруженных при участии ЦРУ, Египта, Пакистана, французской разведки, финансируемых Саудовской Аравией и пр. Как все это происходило в деталях - остается невыясненным. Формирование этих сил, если верить советнику по национальной безопасности президента Картера Збигневу Бжезинскому, началось в 1979. Он утверждал - хотя, возможно, все это не что иное, как бахвальство, - что в середине 1979 г. выступил инициатором оказания тайной поддержки моджахедам, воюющим против афганского правительства, чтобы заманить русских в так называемую «афганскую ловушку» - выражение, которое стоит запомнить. Он очень гордился тем, что в эту «афганскую ловушку» они все-таки попали - 6 месяцев спустя послав войска на поддержку правительству, последствия чего нам хорошо известны. Соединенные Штаты совместно со своими союзниками набрали огромную наемную армию: 100 000 - или даже более - человек, сформировав эти силы из самых воинственных групп со всего мира - радикальных исламистов, или, иначе, исламских фундаменталистов. Они назывались «афганцами», хотя, подобно бен Ладену, большинство из них было не афганского происхождения

Бен Ладен присоединился к ним где-то в 1980-х гг. Он был вовлечен в финансирование организаций, которые, вероятно, существуют до сих пор. Эти организации вели Священную войну против русских оккупантов. Они сеяли ужас на территории, контролируемой русскими. Они выиграли войну, и русские захватчики вывели свои войска. Но их деятельность не была ограничена лишь этой войной. В 1981 г. группы боевиков, набранные из тех же самых сил, совершили убийство египетского президента Садата, сыгравшего не последнюю роль в их первоначальном формировании. Взрыв 1983 г., осуществленный одиночкой-камикадзе, возможно, связанным с теми же самыми силами, практически заставил уйти американских военных из Ливана. И так далее и тому подобное.

К 1989 г., моджахеды успешно закончили Священную войну в Афганистане. Как только американцы пошли на постоянное военное присутствие в Саудовской Аравии, бен Ладен и остальные заявили, что расценивают таковое как ничем не отличающееся от русской оккупацией Афганистана, и подняли оружие против американцев, как это уже случилось в 1983, когда США разместили военные базы в Ливане. Саудовская Аравия, так же как и Египет, - основные враги организации бен Ладена. Задачей ставится свержение так называемых «неисламских» правительств в Египте, Саудовской Аравии, других государствах Ближнего Востока и Северной Африки. И так далее и тому подобное.

В 1997 они убили около 60 туристов в Египте, тем самым разрушив египетскую туристическую индустрию. Их деятельность в течение многих лет осуществлялась по всему региону: в Северной и Восточной Африке, на Ближнем Востоке, но также на Балканах, в Центральной Азии, западном Китае, Юго-восточной Азии, в США. Это одна и та же группа, сформировавшаяся в ходе войн 1980-х гг. и, если верить Бжезинскому, даже раньше - во время установки «афганской ловушки». Кроме того, как известно всем, хоть немного интересующимся регионом, террористы черпают свои силы из того отчаяния, гнева и растерянности, которые, равно, разделяют и бедные, и богатые, и светские круги, и радикальные исламисты. То же, что эти настроения в не малой степени возникают вследствие политики Соединенных Штатов, - очевидно для всех, желающих видеть, и подтверждается вновь и вновь.

Вы сказали, что страны, выделяющиеся своей практикой терроризма, подобно США, используют насилие по политическим мотивам. Когда и где?

Я нахожу этот вопрос трудным. Как я уже где-то говорил, Соединенные Штаты - это, в конце концов, единственная страна, осужденная Гаагским трибуналом за международный терроризм - за «противоправное использование силы» в политических целях, как сформулировал это Трибунал, указывая США на необходимость прекратить эти преступления и заплатить существенную компенсацию. США, конечно же, с презрением проигнорировали решение Международного суда, отреагировав на него лишь эскалацией террористической войны против Никарагуа и наложением вето на резолюцию Со-

вета Безопасности, которая призывала все государства к следованию нормам международного права (США вместе с Израилем и однажды с Сальвадором голосовали и против других подобных резолюций Генеральной Ассамблеи). Террористическая война проводилась в соответствии с официальной политикой нападения на «легкие цели» - такие незащищенные гражданские объекты, как сельскохозяйственные предприятия и медицинские клиники, без вступления в вооруженное столкновение с самой никарагуанской армией. Террористы могли следовать этим инструкциям, благодаря полному контролю над никарагуанским воздушным пространством и использованию новейших систем коммуникации, обеспечиваемыми для них их наставниками из США.

Следует принять к сведению то, что эти террористические действия получили широкое одобрение. Майкл Кинсли - известный комментатор, находящийся на либеральном крае господствующего политического дискурса, - доказывал, что нам не следует сразу же отклонять доводы Государственного Департамента в пользу стратегии поражения «легких целей»: «благоразумная политика» должна «отвечать тесту на анализ затрат-и-выгод», на определение «количества крови и лишений, которыми придется заплатить за возможность того, что демократия возникнет и на другой стороне». То же, как США понимает термин «демократия» в этом контексте, иллюстрируется на примере их действий в регионе. Принимается за должное, что американская элита имеет право на подобное тестирование, а затем - на осуществление прошедшего этот тест проекта.

Если еще более сгустить краски: идея, что Никарагуа должна иметь право на защиту, была воспринята как возмутительная во всех официальных политических кругах Соединенных Штатов. США вынудили своих союзников прекратить поставки оружия в Никарагуа - в надежде, что эта функция перейдет к России; как то и произошло, обеспечив необходимый пропагандистский эффект. Администрация Рейгана неоднократно распространяла слухи, что в Никарагуа для защиты ее воздушного пространства и для предотвращения нападения Соединенных Штатов на «легкие цели» поставляются истребители из России. Слухи были ложные, но поучительна реакция на них. Сторонники мирной линии поставили эти слухи под сомнение, но сказали, что если слухи подтвердятся, конечно же, нужно бомбить Никарагуа, потому что она представляет угрозу нашей безопасности. Поиски в базе данных показали, что не было даже и намека на то, что Никарагуа

имела право на самозащиту. Это говорит нам довольно много о глубокой укорененности доминирующей в западной цивилизации «культуры терроризма».

И это еще не самый впечатляющий пример - я привожу его, потому что он неоспорим: в виду решения Международного суда; а еще потому, что тогда безуспешные попытки Никарагуа использовать для разрешения конфликта законные методы (вместо взрывов бомб в Вашингтоне) задали образец для сегодняшнего дня, хотя и не единственный. Никарагуа была для США лишь отдельным эпизодом в их террористических войнах в Центральной Америке в пору того ужасного десятилетия, когда были убиты сотни тысяч людей и 4 страны оказались разрушенными.

В те же годы США проводили крупномасштабные террористические операции и в других местах, в том числе и на Среднем Востоке. Лишь один пример: взрыв бомбы, заложенной в машине перед мечетью в Бейруте в 1985, причем время взрыва было выбрано так, чтобы убить максимальное количество мирных граждан - в результате погибло 80 человек и 250 получили ранения, - а также мусульманского шейха, который остался невредимым. США поддерживали и гораздо худшие формы терроризма: к примеру, вторжение Израиля в Ливан, которое, вопреки заявлениям, не было вызвано необходимостью самозащиты, - тогда погибло около 18 000 ливанских и палестинских мирных жителей; или жестокость злодеяний «железного кулака», совершенных в последующие годы в ходе операций по обезвреживанию «крестьян-террористов», как то формулировалось Израилем. В том же ряду - позднейшие вторжения 1993 и 1996 гг., широко поддерживаемые США (до тех пор, пока международная реакция на побоище в Кане не заставила Клинтона уйти в тень). За период после 1982 г. количество жертв среди мирного населения в одном Ливане составило еще около 20 000 человек.

В 1990-х гг. США поставляли 80 процентов оружия, используемого Турцией в ее отличавшейся чрезвычайной жестокостью карательной кампании против курдов на юго-востоке страны, унесшей жизни десятков тысяч людей, вынудившей 2-3 миллиона человек покинуть свои дома и оставившей 3500 деревень разрушенными (в 10 раз больше, чем во время натовских бомбежек Косово). Когда Турция в 1984 г. начала свои террористические действия, приток оружия резко увеличился, снизившись до уровня прежних лет только в 1999 г., когда

цели карательных акций были достигнуты. В 1999 г. Турция уступила свое (наряду с Израилем и Египтом) лидерство в получении поставок американского оружия Колумбии - наиболее злостному нарушителю прав человека на всем западном полушарии в 1990-х гг. и, соответственно, безоговорочно ведущему получателю американской помощи вооружениями и know-how.

США (и Великобритания) также оказали поддержку индонезийским агрессорам, которые с их помощью вырезали в Восточном Тиморе уже около трети населения.

Они продолжали ее оказывать и во время зверств 1999 г., когда тысячи были убиты еще до акций начала сентября, приведших к тому, что 85 процентов населения покинули свои дома и 70 процентов страны было разрушено. Причем все это время администрация Клинтона продолжала придерживаться неизменной позиции: «Это - область ответственности правительства Индонезии, и мы не хотим вмешиваться в ее внутренние дела».

Сказано это было 8 сентября, уже после сообщений о самых ужасных сентябрьских зверствах. К тому времени Клинтон испытывал серьезное давление - прежде всего, со стороны Австралии, но также и внутри страны: от него требовали сделать что-то, что приостановило бы зверства. Несколькими днями позже администрация Клинтона дала понять индонезийским генералам, что игра окончена. И они немедленно изменили курс. Ранее они жестко заявляли, что никогда не покинут Восточный Тимор, и, действительно, укрепляли свои позиции в индонезийском Западном Тиморе (используя британские реактивные самолеты, которые англичане продолжали исправно поставлять), готовясь к возможному вооруженному нападению. Но стоило Клинтону сказать одно слово - и курс изменился на 180 градусов: было объявлено о выводе войск и разрешено миротворческим силам ООН, руководимым Австралией, беспрепятственно войти в зону конфликта. Ход событий убедительно демонстрирует ту скрытую силу, которая всегда была доступна Вашингтону и могла бы быть использована, чтобы предотвратить 25 лет фактического геноцида, достигшего апогея в новой волне насилия, развернувшегося с начала 1999 г. Вместо этого, сменяющие друг друга американские администрации, к действиям которых в 1978 г. - на одном из пиков насилия - присоединилась также Великобритания и другие, как раз предпочитали оказывать ключевую поддержку, военную и дипломатическую, убийцам - «нашему типу парней», как

администрация Клинтона называла кровавого президента Сухарто. Эти факты, ясные и драматические, прямо указывают, на ком лежит первичная ответственность за эти ужасные преступления, совершавшиеся в течение 25 лет и, на деле, лишь продолжающиеся в лагерях беженцев в индонезийском Западном Тиморе.

Тот факт, что эти постыдные страницы прошлого превозносятся для обоснования нашего нового увлечения «гуманитарной интервенцией» и служат оправданием натовских бомбовых ударов по Сербии, также многое говорит о характере западной цивилизации.

Я уже упомянул о жертвах среди иракского гражданского населения: около миллиона погибших, половина из которых - дети, по сообщениям источников, которые невозможно просто проигнорировать. И это еще не самый впечатляющий пример. Честно говоря, я даже удивлен, что этот вопрос вообще становится обсуждаемым - особенно во Франции, чьи собственные акции масштабного государственного терроризма и насилия хорошо известны. [Фрагмент интервью Хомского для французской прессы, поэтому и упоминание о Франции. - Прим. ред.] Можно ли говорить о существовании в США единодушных реакций на это событие? Разделяете ли Вы их полностью или частично?

Если Вы имеете в виду реакцию возмущения по поводу ужасающего преступного нападения и сочувствия жертвам, тогда реакции действительно единодушны повсюду, включая и мусульманские страны. Конечно, любой нормальный человек полностью, а не «частично» разделяет их. Если Вы имеете в виду призывы к смертоубийственному нападению, которое безусловно уничтожит большое количество невиновных людей - и потому как раз будет отвечать самым горячим молитвам бен Ладена, - то о подобных «единодушных реакциях» говорить не приходится, несмотря на те поверхностные впечатления, которые можно получить, смотря телевизор. Что касается меня, я присоединяюсь к многочисленной партии тех, кто выступает против таких действий. - Чрезвычайно многочисленной.

Какова настроенность большинства - никто с точностью сказать не может: настолько она неопределенна и сложна. И если можно характеризовать ее как «единодушную», то только по отношению к оценке фактической стороны этого преступления.

Осуждаете ли Вы терроризм? Как можем мы решить, какой акт является террористическим и какой - актом сопротивления тирании

или оккупационной власти? К какой категории Вы отнесете недавний удар, направленный против США?

Я понимаю термин «терроризм» именно в том смысле, в каком он определен в официальных документах США: «преднамеренное использование насилия или угрозы насилия для достижения целей, являющихся по существу политическими, религиозными или идеологическими, и осуществляемое путем угроз, физического давления или запугивания». В соответствии с таким - вполне корректным - определением, недавнее нападение на США действительно является актом террора; на деле же - ужасающим террористическим преступлением. Вряд ли где-либо в мире это будет оспариваться, да и не должно.

Но наряду с буквальным значением термина, процитированным только что из официальных американских документов, существует еще и используемое в целях пропаганды, которое, к сожалению, и является стандартным: это понятие «терроризма» относится к террористическим актам, совершенным нашими врагами против нас или наших союзников. Подобное пропагандистское использование термина фактически универсально. В этом смысле все «осуждают терроризм». Даже фашисты резко его порицали и проводили, как это у них называлось, «контртеррористические» операции против партизан-террористов.

США в общем согласны с таким подходом. После войны они организовывали и осуществляли тот же самый «контртерроризм» в Греции и в других странах. [Фрагмент интервью для греческой прессы, поэтому и упоминания Греции - Прим. ред.]. Более того, американские карательные программы зачастую напрямую цитировали элементы нацистской модели, принимаемой за образцовую: при разработке после войны программ осуществления карательных - получивших общее название «контртеррористических» - акций по всему миру проводились консультации с офицерами Вермахта и использовались их учебники (исследованию этих вопросов посвящена важная работа Майкла Макклинтока). При использовании подобного подхода те же самые люди могут, в зависимости от обстоятельств, то считаться террористами, то - борцами за свободу и наоборот. И это широко практиковалось в недавнее время совсем недалеко от Греции.

В 1998 г. Армия освобождения Косово (АОК) была официально осуждена США как «террористическая организация» за их нападения на сербскую полицию и гражданское население, преследующие цели провокации сербов на неадекватный и brutальный ответ, как то они

тогда открыто и заявляли. Еще в январе 1999 г. Великобритания, занимающая в НАТО наиболее жесткую позицию по этому вопросу, придерживалась мнения, что АОК была ответственна за большее количество смертей, чем Сербия (во что трудно поверить, но само бытование подобного мнения что-то да говорит нам о тогдашних настроениях в высших эшелонах НАТО). Если доверять объемной документации, подготовленной Государственным Департаментом, НАТО, ОБСЕ и другими западными организациями, то вплоть до выключения КВМ-мониторов и бомбовых ударов в марте 1999 г. ситуация в регионе по существу не менялась. Однако изменился политический курс: США и Великобритания решили начать атаку на Сербию, и «террористы» сразу же превратились в «борцов за свободу». После войны «борцы за свободу» и их ближайшие сподвижники опять стали «террористами», «разбойниками» и «убийцами», хотя, с их точки зрения, они продолжали то же самое дело и преследовали те же самые цели, только теперь - в Македонии, союзнике США.

Терроризм осуждают все, но мы должны задать вопрос, что ими имеется в виду. Мой ответ на Ваш вопрос Вы можете найти в тех многочисленных книгах и статьях, что я написал о терроризме за последние несколько десятилетий. Я использую это понятие в буквальном смысле и поэтому осуждаю все террористические действия, а не только те, которые называются «террористическими» из пропагандистских соображений.

Опасен ли ислам для западной цивилизации? Представляет ли западный образ жизни угрозу для человечества?

Вопрос слишком широкий и смутный для того, чтобы я мог на него ответить. Но, так или иначе, должно быть ясно, что ни США не рассматривает ислам в качестве врага, ни наоборот.

Что до «западного образа жизни», то его характеризует множество различных реалий: многие из них достойны восхищения, многие - с энтузиазмом приняты исламским миром, но также многие - преступные и даже угрожающие выживанию человечества.

А что касается «западной цивилизации», нам здесь, возможно, пригодятся слова, приписываемые Ганди, который, когда его спросили, что он думает о «западной цивилизации», ответил: это было бы хорошей идеей.

Валлерстайн Иммануэль. После либерализма [Извлечение]

ГЛАВА 8 *Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной мир-системы*

26 августа 1789 г. французское Национальное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина. С тех пор и доныне она остается символическим утверждением того, что мы теперь называем правами человека. Она была подкреплена и обновлена во Всеобщей декларации прав человека, принятой без единого голоса против и лишь при нескольких воздержавшихся Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. Никогда, однако, не существовало параллельного символического утверждения прав «народов», по крайней мере, до того, как ООН 14 декабря 1960 г. приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Преамбула к Декларации 1789 г. предлагает считать в качестве исходного рассуждения, что «неведение, забвение или презрение прав человека являются единственными причинами общественных бедствий и порчи правительств». Мы начинаем, таким образом, с проблемы невежества, как и приличествует документу Просвещения, и непосредственный вывод из этой идеи — как только с невежеством будет покончено, не будет и общественных бедствий.

Почему Французская революция не издала подобной декларации о правах народов? На самом деле аббат Грегуар предложил в 1793 г. Конвенту, чтобы тот предпринял усилия по кодификации законов, относящихся к «правам и соответствующим обязанностям наций, правам народов (gens)». Но Мерлен де Дюари возразил, что «это предложение следовало бы адресовать не Конвенту французского народа, но скорее общему конгрессу народов Европы», и предложение было отклонено.

Наблюдение было уместно, но, разумеется, в то время не существовало такого общего конгресса. И когда он возник и приступил к

работе (более или менее), сначала в форме Лиги наций, затем ООН, такая декларация была принята далеко не сразу. В 1945 г. колониальные державы, одержавшие победу в борьбе за свою собственную свободу, все еще не допускали мысли о незаконности колониализма. Лишь в декларации 1960 г., после того как значительная часть колониального мира уже завоевала свою независимость, ООН подтвердила свою «веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство больших и малых наций» и потому «торжественно провозгласила необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях».

Современная миросистема — капиталистическая мирэкономика — начала свое существование в долгом XVI в. Однако в течение трех столетий он функционировал без какой-либо твердо установленной геокультуры. Иначе говоря, в период XVI-XVIII вв. в капиталистической мирэкономике не существовало системы ценностей и правил, о которых можно было бы сказать, что большинство народов активно их принимает, а большинство людей соглашается с ними хотя бы пассивно. Французская революция *lato sensu* изменила положение. Она установила два новых принципа: естественность и нормальность политических изменений и суверенитет народа. Эти принципы так быстро и так глубоко укоренились в народном сознании, что ни Термидор, ни Ватерлоо не могли выкорчевать их. В результате так называемая Реставрация во Франции (и на самом деле во всей миросистеме) ни в одном пункте и ни в каком смысле не была подлинным восстановлением *Ancien Regime*.

Выработка ... геокультуры приняла форму дебатов между идеологиями. Я использую здесь термин «идеология» в специфическом значении. Я уверен, что троица идеологий, разработанных в XIX в. — консерватизм, либерализм и социализм, — на самом деле была ответами на единственный вопрос: исходя из широкого согласия с двумя идеями, о нормальности изменений и о суверенитете народа, какая политическая программа наиболее успешно гарантирует хорошее общество?

Ответы были чрезвычайно просты. Консерваторы, бывшие в ужасе от этих концепций и, в сущности, питавшие отвращение к ним, отстаивали предельную осторожность в общественных действиях.

Политические изменения, говорили они, должны предприниматься лишь тогда, когда призывы к ним будут поддержаны подавляющим большинством, но даже и в этом случае изменения должны осуществляться при минимально возможных разрывах с прошлым. Что же до суверенитета народа, они доказывали, что он будет использован наиболее мудрым образом, если реальная власть будет *de facto* передана в руки тех, кто традиционно отправляет ее и кто представляет мудрость непрерывной традиции.

Противоположный взгляд принадлежал социалистам (или радикалам). Они приветствовали изменение и призывали народ полностью и прямо осуществить свой суверенитет в интересах обеспечения максимальной скорости, с которой могли бы быть проведены изменения в направлении к более эгалитарному обществу.

Консервативная и социалистическая позиции были четко очерчены и просты для понимания: как можно медленнее или быстрее! Сильнее сопротивление уравнительным тенденциям или, напротив, решительное разрушение структур, построенных на неравенстве! Вера в то, что возможны лишь очень незначительные изменения против веры, что все может быть сделано, если только будут преодолены существующие изощренные социальные препятствия! Это знакомые контуры «правая против левой», пара терминов, которые сами были рождены Французской революцией. Но что же в таком случае либерализм, заявляющий, что он противостоит консерватизму с одной стороны и социализму с другой? Либералы редко находили общий язык между собой, даже пребывая в пределах конкретного места и времени, и уж точно не могли договориться применительно к разным местам и разным периодам времени.

Следовательно, вовсе не четкость программ определяла либерализм как идеологию, а скорее его особое внимание к процессу. Строго говоря, либералы верили, что политические изменения неизбежны, но они верили также, что к хорошему обществу эти изменения ведут лишь постольку, поскольку процесс является рациональным, то есть решения социальной направленности являются результатом тщательного интеллектуального анализа. Отсюда особо важным считали, чтобы текущая политика вырабатывалась бы и осуществлялась теми, кто обладает наибольшими возможностями осуществлять такие рациональные решения, то есть экспертами и специалистами. Именно они

могли наилучшим образом разработать реформы, которые могли бы (и действительно это делали) усовершенствовать систему, где они живут. Ведь либералы по определению не были радикалами. Они стремились усовершенствовать систему, а не преобразовать ее, потому что с их точки зрения мир XIX столетия уже был кульминацией человеческого прогресса или, если употребить недавно возрожденную фразу, «концом истории». Если мы живем в последнюю эпоху человеческой истории, естественно, наша первоочередная (на самом деле единственно возможная) задача состоит в совершенствовании системы, то есть в занятии рациональным реформизмом.

Три идеологии Нового времени были, затем, тремя политическими стратегиями, призванными ответить на народные верования, господствовавшие в нашем современном мире после 1789 г. В этой троице идеологий особенно интересны две вещи. Во-первых, хотя все три идеологии формально были антигосударственными, на практике все три работали на укрепление государственных структур. Во-вторых, из всех трех незамедлительно и очевидно восторжествовал либерализм, что можно увидеть на примере двух политических процессов: со временем как консерваторы, так и социалисты сдвигали свои действующие программы скорее в направлении к либеральному центру, чем от него; и на самом деле именно консерваторы и социалисты, которые действовали отдельно, но дополняя друг друга, несут ответственность за реализацию либеральной политической программы в гораздо большей мере, чем сами либералы с заглавной буквы «Л». Вот почему по мере того, как либеральная идеология торжествовала, либеральные политические партии имели тенденцию к исчезновению. Что представляют собой права человека в рамках торжествующей либеральной идеологии, и откуда, как предполагается, они приходят? На самом деле на этот вопрос давались разные ответы. Но в целом либералам свойственно отвечать, что права человека коренятся в естественном праве. Такой ответ придает правам человека мощную основу, позволяющую давать отпор оппонентам. Однако, когда это предположение озвучено и перечислен конкретный список прав человека, большая часть вопросов по-прежнему остаются открытыми: у кого есть моральное (и юридическое) право давать перечень таких прав? Если одна группа прав приходит в противоречие с другой, какая из них имеет приоритет, и кто это решает? Являются ли

права абсолютными, или же они ограничены некими рациональными оценками последствий их применения? (Эта последняя дилемма отражена в известном заявлении судьи Оливера Уэнделла Холмса, что свобода слова не предполагает права заорать «Пожар!» в переполненном театре.) И, самое главное — кто имеет право пользоваться правами человека?

Последний вопрос может показаться неожиданным. Разве не очевидно, что верный ответ — «все»? Вовсе нет! На самом деле такого никто и никогда не заявлял. Например, почти повсеместно признано, что такими правами не обладают несовершеннолетние, или по крайней мере не все несовершеннолетние, с очевидным основанием, что умственные способности несовершеннолетних не позволяют им пользоваться этими правами разумно и безопасно для себя и для других. Но если исключены несовершеннолетние, то как насчет впадших в маразм стариков, грудных младенцев, социопатов, преступников? А потом список можно будет продолжать до бесконечности: как насчет подростков, невротиков, военнослужащих, неграмотных, бедных, женщин? Где та очевидная линия, которая отделяет способность от неспособности? Подобной линии, конечно же, не существует, и уж точно не существует линии, которая определялась бы естественным правом. Таким образом, оказывается, что определение лиц, на которых распространяется действие этих прав человека, неизбежно является всегда рекуррентным вопросом, зависящим от настоящего политического курса.

Определение того, кто имеет права человека, в свою очередь, тесно связано с вопросом, кто может претендовать на осуществление прав человека. И здесь появляется еще одно понятие, рожденное Французской революцией, — «гражданин». Потому что людьми, которые наиболее явно были уполномочены осуществлять народный суверенитет, были именно «граждане». Но кто такие граждане? Подразумевается, что это группа конечно более широкая, чем «король», или «знать», или даже «собственники», но одновременно это группа более узкая, чем «все», или даже чем «все, проживающие в географических границах данного суверенного государства».

И вот тут-то и начинается главная история. Где лежит власть суверена? В феодальной системе власть была раздроблена. Человек мог быть подданным нескольких стоящих выше него повелителей, и часто

так и было в действительности. Вышестоящий повелитель в связи с этим не мог рассчитывать на беспорную власть над своими подданными. Современная миросистема создала радикально иную правовую и моральную структуру, в которой суверенные государства, действующие в межгосударственной системе и ограниченные ею, претендуют на исключительную юрисдикцию над всеми лицами, живущими на их территории. Более того, все эти территории были связаны географически, то есть были связаны пограничным и таможенным режимом и тем самым отделены от других территорий. Кроме того, в рамках межгосударственной системы не осталось никому не принадлежащих территорий.

Таким образом, когда «подданные» превратились в «граждан», все проживающие в государстве оказались разделены на «граждан» и «неграждан» (или иностранцев). Иностранцы также подразделялись на множество категорий; эти категории ранжировались от долгосрочных (даже пожизненных) мигрантов, с одной стороны, до транзитных пассажиров, с другой. Но в любом случае такие иностранцы не были гражданами. С другой стороны, поскольку государства были соединением «регионов» и «местностей», в начале XIX в. сами граждане, как бы их ни определять, обычно были людьми весьма разного происхождения — говорящими на разных языках, придерживающимися разных обычаев, хранящими разную историческую память. Когда подданные стали гражданами, гражданам, в свою очередь, предстояло превратиться в представителей нации, то есть людей, у которых лояльность к своему государству стоит на первом месте по отношению к любой иной социальной лояльности. Это было нелегко, но это имело важное значение, если осуществление народного суверенитета не должно было стать результатом возможных иррациональных межгрупповых конфликтов.

Поэтому, в то время как такие государства, как Великобритания, Франция и США, воспитывали чувство национализма среди своих граждан, в других местах, например, в Германии и Италии, националисты боролись за создание государств, которые, в свою очередь, воспитали бы такой же национализм. В большинстве государств XIX в. первостепенное значение в развитии такого чувства национального самосознания придавалось двум общественным институтам: началь-

ной школе и армии. Те государства, которые лучше всего решали эти задачи, и процветали успешнее всего.

В XX в. случилось так, что угнетенные расизмом и сексизмом стали настаивать на пользовании правами, которые, как говорили либералы, теоретически им принадлежали, — пользовании и правами человека, и правами народов. Первая мировая война обозначила эту политическую цезуру. Разрушение порядка в отношениях между государствами центра, «тридцатилетняя война», длившаяся с 1914 по 1945 г., открыла пространство для новых движений.

Поскольку наиболее насущной проблемой на мировой сцене был колониализм/империализм, то есть юридический контроль над большей частью Азии, Африки и Карибского бассейна со стороны европейских государств (а также США и Японии), прежде всего, проявилось требование прав народов, а не прав человека. Законность этого требования наиболее ярко была продемонстрирована Вудро Вильсоном, когда он сделал центральной темой глобального либерализма «самоопределение наций». Конечно, Вильсон настаивал на предоставлении самоопределения в строгих юридических формах, методически, рационально, когда нации будут готовы к нему. До тех пор, пока такие условия не созреют, эти нации могут существовать в режиме «опеки» (используя язык Устава ООН 1945 г.).

Консерваторы, как и можно было ожидать, имели тенденцию быть еще осторожней и считать, что «готовность» к самоопределению вызреет через очень длительный срок времени, если это вообще когда-нибудь случится. В первой половине XX в. консерваторы часто обращались к теме прав человека, чтобы оспорить права народов. Они доказывали, что население колоний — это не подлинные «народы», а просто совокупность индивидов, чьи личные права человека могут быть признаны, когда индивид имеет достаточный уровень образования и освоил в достаточной мере западный стиль жизни, тем самым доказывая, что он — очень редко она — достиг статуса «цивилизованной личности». Это была логика доктрины формальной ассимиляции, которой пользовался ряд колониальных держав (например, Франция, Бельгия и Португалия), но и другие колониальные державы практиковали сходный, хотя и не формализованный подход к определению и предоставлению прав человека.

Те социалисты, которые в годы Первой мировой войны были настроены коренным образом антисистемно и антилиберально, иначе говоря, большевики (или ленинисты) и Третий Интернационал, поначалу очень подозрительно относились ко всем разговорам о правах народов, которые они ассоциировали с националистическими движениями европейского среднего класса. В течение длительного времени они были открыто враждебны этой концепции. Затем довольно внезапно в 1920 г. они радикально изменили курс. На бакинском Съезде народов Востока тактический приоритет классовой борьбы в Европе/Северной Америке был тихонечко положен под сукно в пользу тактического приоритета антиимпериализма, — темы, вокруг которой Третий Интернационал надеялся построить политический союз между европейскими, в основном коммунистическими, партиями и по крайней мере наиболее радикальными национально-освободительными движениями Азии (и других частей периферийных зон). Но, сделав это, ленинисты по сути присоединились к вильсонской программе самоопределения наций. А когда, после Второй мировой войны, СССР активно проводил политику поощрения «социалистического строительства» в ряде стран, более или менее тесно привязанных политически к Советскому Союзу, он *de facto* присоединился к выполнению программы мирового либерализма по экономическому развитию слаборазвитых стран.

Таким образом, можно сказать, что в 1945-1970 гг. либерализм пережил второй взлет. Если в десятилетия, предшествовавшие 1914 г., он, казалось, торжествовал в Европе, в 1945-1970 гг. он, казалось, торжествовал по всему миру. США, всемирный выразитель либерализма, были державой-гегемоном. Их лишь теоретический оппонент, СССР, осуществлял тактическую программу, которая, если говорить о правах народов, по сути ничем не отличалась от либеральной. Тем самым он фактически содействовал США в приручении опасных классов миросистемы. Более того, казалось, что эта либеральная политика действительно приносит плоды этим самым опасным классам. Национально-освободительные движения пришли или приходили к власти по всему третьему миру. И эти классы, казалось, приходят к власти (по крайней мере частично) повсюду, не только при помощи коммунистических режимов в советском блоке, но и при серьезной поддержке социал-демократических партий в Западной Европе и дру-

гих странах белого сообщества. И, как часть невероятного глобального расширения экономики 1945-1970 гг., темпы экономического роста почти во всех периферийных странах были весьма велики. Это были годы оптимизма, даже там, где (как во Вьетнаме) борьба оказалась весьма жестокой и разрушительной.

Оглядываясь на то, что ретроспективно выглядит почти золотым веком, поражаешься, насколько в это время отсутствовала какая-либо озабоченность правами человека. Повсюду бросалось в глаза отсутствие прав человека или пренебрежение ими. От чисток и фальсифицированных процессов в Восточной Европе до различных форм диктатуры в странах третьего мира (и не забудем маккартизм в США и Verurteilung в Федеративной Республике Германии), это вряд ли была эпоха триумфа прав человека. Но, что еще более существенно, это не был период, когда политические движения мира проявляли очень большую риторическую озабоченность правами человека. Доводы защитников прав человека повсюду рассматривались как угроза национальному единению в битвах «холодной войны». И в странах третьего мира, наиболее тесно связанных с Западом, уважение к правам человека было ничуть не большим, чем в государствах, максимально тесно связанных с советским блоком. Более того, открыто высказываемая озабоченность США/СССР положением с правами человека в сфере влияния оппонента была ограничена пропагандистским радиовещанием и не оказывала серьезного влияния на реальную политику.

Когда под сомнение было поставлено то, что прежде считалось успешной реализацией прав народов в эпоху после 1945 г., это имело два политических последствия. С одной стороны, многие занялись отстаиванием прав новых «народов». Может быть, полагали они, дело именно в том, что не признавались права их «народа». Отсюда новые и более воинственные этнические движения, движения за отделение, требования «меньшинств» в существующих государствах, которые развивались одновременно с выдвижением требований других групп, или квазинародов, таких как женщины, геи и лесбиянки, инвалиды, престарелые. С другой стороны, если права народов не принесли плодов, зачем тогда подавлять стремление к правам человека, оправдывая это стремлением обеспечить права народов? Вот почему в государствах советского блока и в однопартийных государствах или воен-

ных диктатурах третьего мира внезапно стали все активнее выдвигаться требования немедленной реализации прав человека. Это было движение за так называемую демократизацию. Но и в западном мире это было время распада структур, которые прежде серьезно ограничивали выражение прав человека, и время создания новых прав, например, «права на невмешательство в частную жизнь» в США.

Более того, казалось, что не просто все заговорили о правах человека в своих собственных странах, но говорить начали и о правах человека в других странах: заявление Картера о правах человека как главной заботе внешней политики США, Хельсинкские соглашения, распространение таких движений, как «Международная амнистия» (Amnesty International) и «Врачи без границ» (Medians du Monde), желание интеллектуалов третьего мира обсуждать права человека как главную и приоритетную проблему.

Два движения последних 10-20 лет — поиск новых «народов», права которых должны быть утверждены, и более интенсивные требования, касающиеся «прав человека» — были реакцией на разочарования и обманы эпохи 1945-1970 гг., которые привели к революции 1968 г. — революции, которая развертывалась вокруг темы ложности надежд глобального либерализма и тех гнусных намерений, которые стояли за предлагаемой мировым либерализмом программой рационального реформизма. Поначалу два ответа казались одним. Те же люди, что утверждали права «новых» народов, требовали и больших прав человека.

Однако к концу 1980-х гг. и особенно с геополитическими потрясениями прежней системы гегемонии США, отмеченными крахом коммунистических режимов, два движения пошли раздельными, даже противоположными, путями. К 1990-м гг. появились целые движения, использующие (вновь) тему прав человека, чтобы противопоставить ее правам «новых» народов. Это можно было наблюдать в неоконсервативной кампании против политкорректности в США. Но то же самое просматривается в поддержке Medecins du Monde и близкими к ним французскими интеллектуалами *droit d'ingerence* (права на интервенцию) — вмешательства в Боснии и Сомали сегодня, в Китае и Иране — завтра; и (почему же нет) в находящиеся под властью чернокожих муниципальные органы управления в США — послезавтра.

Сегодня либерализм загнан в угол своей собственной логикой. Он продолжает утверждать законность прав человека и, чуть менее громко, прав народов. Он все еще не имеет в виду того, что есть на самом деле. Он утверждает права с целью, чтобы они не были применены в полном объеме. Но это все труднее сделать. И либералы, зажатые, как говорится, между Сциллой и Харибдой, показывают свою подлинную суть, превращаясь в большинстве в консерваторов и лишь в редких случаях в радикалов.

Давайте возьмем простой, очень важный и очень насущный вопрос, относящийся к делу: миграцию. Политическая экономия проблемы миграции чрезвычайно проста. Мировая экономика более, чем когда-либо, поляризована в двух отношениях: социально-экономически и демографически. Между Севером и Югом зияет разрыв, и есть все признаки, что в ближайшие десятилетия он станет еще шире. Последствия очевидны. Существует громадное давление миграционного потока с Юга на Север.

Посмотрим на него с точки зрения либеральной идеологии. Понятие прав человека очевидно включает в себя право на свободу передвижений. По логике либерализма, не должно быть ни паспортов, ни виз. Каждому должно быть позволено работать и селиться повсюду, как, например, происходит сегодня в США и в большинстве суверенных государств — уж точно в тех государствах, которые претендуют на то, что являются либеральными.

На практике, разумеется, большинство людей на Севере буквально приходит в ужас от идеи открытых границ. Но и политики в последнюю четверть века идут вовсе не в этом направлении. Соединенное Королевство было первым государством, которое воздвигло новые барьеры, чтобы отгородиться от подданных своих прежних колоний. В одном только 1993 г. произошли три важных события. Парламент Германии жестко свернул гостеприимство для «беженцев», боясь того, что такими могут стать жители Восточной Европы. (Разоблачать злобных коммунистов, которые не выпускают народ из своих стран, было хорошим шоу, но теперь мы увидели, что происходит, когда больше нет злобных коммунистов у власти, способных ограничить эмиграцию.) Во Франции правительство провело законы, которые не только ограничили миграцию из бывших колоний, но даже усложнили условия получения гражданства детьми мигрантов, ро-

дившимися во Франции. А в США в 1993 г. губернатор крупнейшего штата, Калифорнии — и нельзя сказать, что факт скорого превращения ее в штат с небелым большинством не имеет отношения к делу, — призвал к принятию поправки к Конституции США, которая бы положила конец одной из наших наиболее чтимых традиций — *jus soli* делающего любого рожденного в США их гражданином по праву рождения.

Каковы аргументы, выдвигаемые в Великобритании, Германии, Франции, США? То, что мы (Север) не можем принимать на себя бремя (экономическое бремя) всего мира. А почему, собственно говоря, нет? Лишь столетием раньше тот же самый Север брал на себя «бремя белого человека», бремя «цивилизаторской миссии» среди варваров. Теперь варвары, опасные классы говорят: «Спасибо вам большое! Забудьте о том, чтобы цивилизовать нас; просто дайте нам возможность пользоваться некоторыми правами человека, скажем, правом на свободу передвижения и поиск работы всюду, где мы можем найти ее».

Внутренние противоречия либеральной идеологии носят тотальный характер. Если у всех людей равные права и у всех народов равные права, мы не можем сохранять такую неэгалитарную систему, какой всегда была и всегда будет капиталистическая мирэкономика. Но если это открыто признать, то капиталистическая мирэкономка потеряет легитимность в глазах опасных (то есть обездоленных) классов. А если система лишена легитимности, она не выживет.

Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [Извлечение]

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Активными геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ, с тем чтобы изменить - до степени, когда это отражается на интересах Америки, - существующее геополитическое положение. Они имеют потенциал и/или склонность к непостоянству с геополитической точки зрения. По какой бы то ни было причине - стремления к национальному величию, идеологической реализованности, религиозному мессианству или экономическому возвышению - некоторые государства действительно стремятся заполнить региональное господство или позиции в масштабах всего мира. Ими движут глубоко укоренившиеся, сложные мотивации, которые лучше всего объясняются фразой Роберта Браунинга: «... возможность человека дотянуться до чего-либо должна превосходить его возможность это что-то схватить, иначе для чего же существуют небеса?» Таким образом, они тщательнейшим образом критически оценивают американскую мощь, определяют пределы, в рамках которых их интересы совпадают или за которыми вступают в противоречие с американскими, и после этого формируют свои собственные более ограниченные евразийские задачи, иногда согласующиеся, а иногда и противоречащие американской политике. Соединенные Штаты должны уделять особое внимание евразийским государствам, движимым такими мотивами.

Геополитические центры - это государства, чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Чаще всего геополити-

ческие центры обуславливаются своим географическим положением, которое в ряде случаев придает им особую роль в плане либо контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геополитическим действующим лицам в получении ресурсов. В других случаях геополитический центр может действовать как щит для государства или даже региона, имеющего жизненно важное значение на геополитической арене. Иногда само существование геополитического центра, можно сказать, имеет очень серьезные политические и культурные последствия для более активных соседствующих геостратегических действующих лиц. Идентификация ключевых евразийских геополитических центров периода после холодной войны, а также их защита являются, таким образом, принципиальным аспектом глобальной геостратегии Америки.

С самого начала следует также отметить, что, хотя все геостратегические действующие лица чаще являются важными и мощными странами, далеко не все важные и мощные страны автоматически становятся геостратегическими действующими лицами. Так, в то время как идентификация геостратегических действующих лиц представляется относительно легкой, отсутствие в таком перечне некоторых очевидно важных стран может потребовать обоснования.

В текущих условиях в масштабе всего мира по крайней мере пять ключевых геостратегических действующих лиц и пять геополитических центров (при этом два последних, возможно, также частично квалифицируются как действующие лица) могут идентифицироваться на новой евразийской политической карте. Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными и активными фигурами, в то время как Великобритания, Япония и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) не подпадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере - в пределах своих более лимитированных возможностей - также геостратегически активными странами.

На данной стадии достаточно сказать, что на западной оконечности Евразии ключевыми и динамичными геостратегическими действующими лицами являются Франция и Германия. Для них обеих мотивацией является образ объединенной Европы, хотя они расходятся во мнениях относительно того, насколько и каким образом такая

Европа должна оставаться увязанной с Америкой. Но обе хотят сложить в Европе нечто амбициозно новое, изменив таким образом статус-кво. Франция, в частности, имеет свою собственную геостратегическую концепцию Европы, такую, которая в некоторых существенных моментах отличается от концепции Соединенных Штатов, и она склонна участвовать в тактических маневрах, направленных на то, чтобы заставить Россию проявить себя с невыгодной стороны перед Америкой, а Великобританию - перед Германией, даже полагаясь при этом на франко-германский альянс, чтобы компенсировать свою собственную относительную слабость.

Более того, и Франция, и Германия достаточно сильны и напористы, чтобы оказывать влияние в масштабах более широкого радиуса действия. Франция не только стремится к центральной политической роли в объединяющейся Европе, но и рассматривает себя как ядро средиземноморско-североафриканской группы стран, имеющей единые интересы. Германия все более и более осознает свой особый статус как наиболее значимое государство Европы - экономический «тягач» региона и формирующийся лидер Европейского Союза (ЕС). Германия чувствует, что несет особую ответственность за вновь эмансипированную Центральную Европу, что в какой-то мере туманно напоминает о прежних представлениях о ведомой Германией Центральной Европе. Кроме того, и Франция, и Германия считают, что на них возложена обязанность представлять интересы Европы при ведении дел с Россией, а Германия в связи с географическим положением, по крайней мере теоретически, даже придерживается великой концепции особых двусторонних договоренностей с Россией.

Великобритания по контрасту не является геостратегической фигурой. Она придерживается меньшего количества значимых концепций, не тешит себя амбициозным видением будущего Европы, и ее относительный упадок также снизил ее возможности играть традиционную роль государства, удерживающего баланс сил в Европе. Двойственность в отношении вопроса об объединении Европы, а также преданность угасающим особым взаимоотношениям с Америкой превратили Великобританию в никому не интересное государство в плане серьезных вариантов выбора будущего Европы. Лондон ... сам исключил себя из европейской игры.

Бывший высокопоставленный британский деятель в Европейской комиссии сэр Рой Денман в своих мемуарах вспоминает, что еще на конференции в Мессине в 1955 г., где в предварительном порядке рассматривался вопрос о создании Европейского Союза, официальный представитель Великобритании категорически заявил собравшимся архитекторам Европы:

«Будущий договор, который вы обсуждаете, не имеет шанса получить общее одобрение; если согласование по нему будет достигнуто, то у него не окажется шанса быть реализованным. А если он будет реализован, то окажется совершенно неприемлемым для Великобритании... До свидания, господа! Успеха» [Roy Denman. Missed Chances. - London: Cassel, 1996]

Более 40 лет спустя вышеупомянутая фраза в значительной степени остается определением принципиального отношения Великобритании к созданию истинно объединенной Европы. Нежелание Великобритании участвовать в Экономическом и Монетарном союзе, который начнет, как намечено, функционировать с января 1999 г., отражает нерасположенность этой страны идентифицировать свою судьбу с Европой. Суть этого отношения была блестяще суммирована в начале 1990-х гг.:

- Великобритания отвергает цель политического объединения;
- Великобритания отдает предпочтение модели экономической интеграции на основе свободной торговли;
- Великобритания предпочитает координацию внешней политики, безопасности и обороны вне структурных рамок ЕС;
- Великобритания редко полностью использует свой авторитет в ЕС [См. Robert Skidelsky. Great Britain and the New Europe // From the Atlantic to the Urals / Ed. David P. Calleo and Philip H. Gordon. - Arlington, 1992. - P. 145].

Великобритания, все еще сохраняет свое значение для Америки. Она продолжает оказывать определенное глобальное влияние через Сообщество, но уже не является неугомонной крупной державой, равно как и ее действия не мотивируются амбициозными мечтами. Она является основным сторонником Америки, очень лояльным союзником, жизненно важной военной базой и тесным партнером в принципиально важной разведывательной деятельности. Ее дружбу

нужно подпитывать, но ее политический курс не требует неусыпного внимания. Она - ушедшая на покой геостратегическая фигура, почивающая на роскошных лаврах, в значительной степени устранившаяся от авантюры великой Европы, в которых Франция и Германия являются основными действующими лицами.

Прочие средние по своим масштабам европейские государства, большинство из которых являются членами НАТО и/или Европейского Союза, либо следуют ведущей роли Америки, либо потихоньку выстраиваются за Германией или Францией. Их политика не имеет особо широкого регионального влияния, и они не в том положении, чтобы менять свою основную ориентацию. На этой стадии они не являются ни геостратегическими действующими лицами, ни геополитическими центрами. Это же правомерно и в отношении наиболее важного потенциального центрально-европейского члена НАТО и ЕС - Польши. Польша слишком слаба, чтобы быть геостратегическим действующим лицом, и у нее есть только один путь: интегрироваться с Западом. Более того, исчезновение старой Российской империи и укрепляющиеся связи Польши как с Атлантическим альянсом, так и с нарождающейся Европой все более и более наделяют Польшу исторически беспрецедентной безопасностью, одновременно ограничивая ее стратегический выбор.

Россия, что едва ли требует напоминания, остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. Она лелеет амбициозные геополитические цели, которые все более и более открыто провозглашает. Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей. Кроме того, России еще предстоит сделать свой основополагающий геостратегический выбор в плане взаимоотношений с Америкой: друг это или враг? Она, возможно, прекрасно чувствует, что в этом отношении имеет серьезные варианты выбора на Евразийском континенте. Много зависит от развития внутривосточного положения и особенно от того, станет Россия европейской демократией или - опять - евразийской империей. В любом случае она, несомненно, остается действующим лицом, даже

несмотря на то, что потеряла несколько своих «кусков», равно как и некоторые из ключевых позиций на евразийской шахматной доске.

Аналогичным образом едва ли стоит доказывать, что Китай является крупным действующим лицом на политической арене. Китай уже является важной региональной державой и, похоже, лелеет более широкие надежды, имея историю великой державы и сохраняя представление о китайском государстве как центре мира. Те варианты выбора, которым следует Китай, уже начинают влиять на геополитическое соотношение сил в Азии, в то время как его экономический движущий момент несомненно придаст ему как большую физическую мощь, так и растущие амбиции. С воскрешением «Великого Китая» не останется без внимания и проблема Тайваня, а это неизбежно повлияет на американские позиции на Дальнем Востоке. Распад Советского Союза привел к созданию на западных окраинах Китая ряда государств, в отношении которых китайские лидеры не могут оставаться безразличными. Таким образом, на Россию также в значительной степени повлияет более активная роль Китая на мировой арене.

В восточной периферии Евразии заключен парадокс. Япония явно представляет собой крупную державу в мировых отношениях, и американо-японский альянс часто - и правильно - определяется как наиболее важные двусторонние отношения. Как одна из самых значительных экономических держав мира Япония, очевидно, обладает потенциалом политической державы первого класса. Тем не менее она его не использует, тщательно избегая любых стремлений к региональному доминированию и предпочитая вместо этого действовать под протекцией Америки. Япония, как и Великобритания в случае Европы, предпочитает не вступать в политические перипетии материковой Азии, хотя причиной тому, по крайней мере частичной, является давняя враждебность многих собратьев-азиатов в отношении любой претензии Японии на ведущую политическую роль в регионе.

В свою очередь, такая сдержанная политическая позиция Японии позволяет Соединенным Штатам играть центральную роль по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке. Таким образом, Япония не является геостратегическим действующим лицом, хотя очевидный потенциал, способный быстро превратить ее в таковую, особенно если Китай или Америка неожиданно изменят свою нынешнюю политику, возлагает на Соединенные Штаты особое обязательство

тщательно пестовать американско-японские отношения. И это вовсе не японская внешняя политика, за которой Америке следует тщательно наблюдать, а японская сдержанность, которую Америка должна очень бережно культивировать. Любое существенное ослабление американско-японских политических связей непосредственно повлияло бы на стабильность в регионе.

Легче обосновать отсутствие Индонезии в перечне динамичных геостратегических действующих лиц. В Юго-Восточной Азии Индонезия является наиболее важной страной, но ее возможности оказывать влияние даже в самом регионе ограничены относительной неразвитостью экономики, продолжающейся внутривнутриполитической нестабильностью, рассредоточенностью входящих в архипелаг островов и подверженностью этническим конфликтам, которые усугубляются центральной ролью китайского меньшинства во внутренних финансах страны. В чем-то Индонезия могла бы стать серьезным препятствием для китайских южных устремлений. В конце концов Австралия признала это. Она какое-то время опасалась индонезийского экспансионизма, но позднее начала приветствовать более тесное австралийско-индонезийское сотрудничество в области безопасности. Но потребуется период консолидации и устойчивого экономического успеха, прежде чем Индонезию можно будет рассматривать как доминирующее в регионе действующее лицо.

Индия, наоборот, находится в процессе своего становления как региональной державы и рассматривает себя как потенциально крупное действующее лицо в мировом масштабе. Она видит в себе и соперника Китаю. Возможно, это переоценка своих стародавних возможностей, но Индия, несомненно, является наиболее сильным государством Южной Азии, и стала она таковой не столько для того, чтобы запугать или шантажировать Пакистан, сколько чтобы сбалансировать наличие у Китая ядерного арсенала. Индия обладает геостратегическим видением своей региональной роли как в отношении своих соседей, так и в Индийском океане. Однако ее амбиции на данном этапе лишь периферически вторгаются в евразийские интересы Америки, и, таким образом, как геостратегическое действующее лицо Индия не представляет собой, по крайней мере не в такой степени, как Россия или Китай, источник геополитического беспокойства.

Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы.

Несмотря на ограниченные территориальные масштабы и незначительное по численности население, Азербайджан с его огромными энергетическими ресурсами также в геополитическом плане имеет ключевое значение. Это пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимость государств Средней Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю. Собственные и весьма значительные нефтяные ресурсы Азербайджана могут также быть подчинены контролю России, если независимость этой страны окажется аннулированной. Независимый Азербайджан, соединенный с рынками Запада нефтепроводами, которые не проходят через контролируемую Россией территорию, также становится крупной магистралью для доступа передовых и энергопотребляющих экономик к энергетически богатым республикам Средней Азии. Будущее Азербайджана и Средней Азии почти в такой же степени, как и в случае Украины, принципиально зависит от того, кем может стать или не стать Россия.

Турция и Иран заняты установлением некоторой степени влияния в каспийско-среднеазиатском регионе, используя потерю Россией своей власти. По этой причине их можно было бы считать геостратегическими действующими лицами. Однако оба эти государства сталкиваются с серьезными внутренними проблемами и их возможности осуществлять значительные региональные подвижки в расстановке сил власти ограничены. Кроме того, они являются соперниками и, таким образом, сводят на нет влияние друг друга. Например, в Азербайджане, где Турция добилась влиятельной роли, позиция Ирана (вытекающая из обеспокоенности возможными национальными волнениями азербайджанцев на собственной территории) для России оказалась более полезной.

Однако и Турция, и Иран являются в первую очередь важными геополитическими центрами. Турция стабилизирует регион Черного моря, контролирует доступ из него в Средиземное море, уравнивает Россию на Кавказе, все еще остается противоядием от мусульманского фундаментализма и служит южным якорем НАТО. Дестабилизированная Турция, похоже, дала бы большую свободу насилию на южных Балканах, одновременно обеспечив России восстановление контроля над недавно получившими независимость государствами Кавказа. Иран, несмотря на свое двойственное отношение к Азербайджану, аналогичным образом обеспечивает стабилизирующую поддержку новому политическому разнообразию Средней Азии. Он доминирует над восточным побережьем Персидского залива, а его независимость, несмотря на сегодняшнюю враждебность к Соединенным Штатам, играет роль барьера для любой перспективной российской угрозы американским интересам в этом регионе.

И наконец, Южная Корея - геополитический центр Дальнего Востока. Ее тесные связи с Соединенными Штатами позволяют Америке играть роль щита для Японии и с помощью этого не давать последней превратиться в независимую и мощную военную державу без подавляющего американского присутствия в самой Японии. Любая существенная перемена в статусе Южной Кореи либо в связи с объединением, либо из-за перехода в расширяющуюся сферу влияния Китая непременно коренным образом изменила бы роль Америки на Дальнем Востоке, изменив, таким образом, и роль Японии. Кроме того, растущая экономическая мощь Южной Кореи также превращает ее

в более важное «пространство» само по себе, контроль над которым приобретает все большую ценность.

Вышеприведенный перечень геостратегических действующих лиц и геополитических центров не является ни постоянным, ни неизменным. Временами некоторые государства могут быть внесены или исключены из него. Безусловно, с какой-то точки зрения могло бы так сложиться, что Тайвань или Таиланд, Пакистан, или, возможно, Казахстан или Узбекистан нужно было бы также внести в последнюю категорию. Однако на данном этапе ситуация вокруг каждой из вышеупомянутых стран не принуждает нас к этому. Изменения в статусе любой из них представляли бы значительные события и повлекли за собой некоторые сдвиги в расстановке сил, но сомнительно, чтобы их последствия оказались далеко идущими. Единственным исключением мог бы стать Тайвань, если кто-нибудь предпочтет рассматривать его отдельно от Китая. Но даже тогда этот вопрос встал бы лишь в том случае, если Китай вознамерился бы использовать значительную силу для завоевания острова, бросая вызов Соединенным Штатам и таким образом в более широком плане угрожая политической репутации Америки на Дальнем Востоке. Вероятность такого хода событий представляется небольшой, но эти соображения все же стоит иметь в виду при формировании политики США в отношении Китая.

ВАЖНЫЙ ВЫБОР И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Выявление центральных действующих лиц и ключевых центров помогает определить дилеммы общей американской политики и предвосхитить возникновение крупных проблем на Евразийском суперконтиненте. До всестороннего обсуждения в последующих главах все эти моменты можно свести к пяти основным вопросам:

- Какая Европа предпочтительнее для Америки и, следовательно, созданию какой Европы она должна способствовать?
- Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки, и что и как должна Америка для этого делать?
- Каковы перспективы возникновения в Центральной Европе новых "Балкан" и что должна сделать Америка, чтобы свести до минимума опасность, которая может в результате возникнуть?
- На какую роль на Дальнем Востоке следует поощрять Китай и каковы могут быть последствия вышеупомянутого не только для Соединенных Штатов, но также и для Японии?

- Каковы возможные евразийские коалиции, которые в наибольшей степени могут быть опасными для интересов Соединенных Штатов, и что необходимо сделать, чтобы предотвратить их возникновение?

США всегда заявляли о своей приверженности делу создания единой Европы. Еще со времен правления администрации Кеннеди обычным призывом является призыв к «равному партнерству». Официальный Вашингтон постоянно заявляет о своем желании видеть Европу единым образованием, достаточно мощным, чтобы разделить с Америкой ответственность и бремя мирового лидерства.

Это обычная риторика. Однако на практике США не так определены и не так настойчивы. Действительно ли Вашингтон искренне хочет видеть в Европе настоящего равного партнера в мировых делах или же он предпочитает неравный альянс? Например, готовы ли США поделиться лидерством с Европой на Ближнем Востоке, в регионе, который не только в географическом плане расположен ближе к Европе, чем к Америке, и в котором несколько европейских стран имеют свои давние интересы? Сразу же приходят на ум вопросы, связанные с Израилем. Разногласия между США и европейскими странами по поводу Ирана и Ирака рассматриваются США не как вопрос между равными партнерами, а как вопрос неподчинения.

Двусмысленность относительно степени американской поддержки процесса объединения Европы также распространяется на вопрос о том, как должно определяться европейское единство, и особенно на вопрос о том, какая страна должна возглавить объединенную Европу (и вообще должна ли быть такая страна). Вашингтон не имеет ничего против разъединяющей позиции Лондона по поводу интеграции Европы, хотя Вашингтон отдает явное предпочтение скорее германскому, чем французскому, лидерству в Европе. Это понятно, учитывая традиционное направление французской политики, однако этот выбор имеет также определенные последствия, которые выражаются в содействии появлению время от времени тактических франко-британских договоренностей с целью противодействовать Германии, равно как и в периодическом заигрывании Франции с Москвой с целью противостоять американо-германской коалиции.

Появление по-настоящему единой Европы - особенно, если это должно произойти с конструктивной американской помощью, - по-

требует значительных изменений в структуре и процессах блока НАТО, основного связующего звена между Америкой и Европой. НАТО не только обеспечивает основной механизм осуществления американского влияния в европейских делах, но и является основой для критически важного с точки зрения политики американского военного присутствия в Западной Европе. Однако европейское единство потребует приспособления этой структуры к новой реальности альянса, основанного на двух более или менее равных партнерах, вместо альянса, который, если пользоваться традиционной терминологией, предполагал наличие гегемона и его вассалов. Этот вопрос до сих пор большей частью не затрагивается, несмотря на принятые в 1996 г. крайне скромные меры, направленные на повышение роли в рамках НАТО Западноевропейского союза (ЗЕС), военной коалиции стран Западной Европы. Таким образом, реальный выбор в пользу объединенной Европы потребует осуществления далеко идущей реорганизации НАТО, что неизбежно приведет к уменьшению главенствующей роли Америки в рамках альянса.

Короче говоря, в своей долгосрочной стратегии в отношении Европы американская сторона должна четко определиться в вопросах европейского единства и реального партнерства с Европой. Америка, которая по-настоящему хочет, чтобы Европа была единой и, следовательно, более независимой, должна будет всем своим авторитетом поддержать те европейские силы, которые действительно выступают за политическую и экономическую интеграцию Европы. Такая стратегия также должна означать отказ от последних признаков однажды освященных особых отношений между США и Великобританией.

Политика в отношении создания объединенной Европы должна также обратиться - хотя бы и совместно с европейцами - к крайне важному вопросу о географических границах Европы. Как далеко на восток должен расширяться Европейский Союз? И должны ли восточные пределы ЕС совпадать с восточной границей НАТО? Первый из этих двух вопросов - это скорее вопрос, по которому решение должно приниматься в Европе, однако мнение европейских стран по этому вопросу окажет прямое воздействие на решение НАТО. Принятие решения по второму вопросу, однако, предполагает участие Соединенных Штатов, и голос США в НАТО по-прежнему решающий. Учитывая растущее согласие относительно желательности принятия

стран Центральной Европы как в ЕС, так и в НАТО, практическое значение этого вопроса вынуждает фокусировать внимание на будущем статусе Балтийских республик и, возможно, на статусе Украины.

Таким образом, существует важное частичное совпадение между европейской дилеммой, которая обсуждалась выше, и второй, которая касается России. Легко ответить на вопрос относительно будущего России, заявив о том, что предпочтение отдается демократической России, тесно связанной с Европой. Возможно, демократическая Россия с большим одобрением относилась бы к ценностям, которые разделяют Америка и Европа, и, следовательно, также весьма вероятно, стала бы младшим партнером в создании более стабильной и основанной на сотрудничестве Евразии. Однако амбиции России могут пойти дальше простого достижения признания и уважения ее как демократического государства. В рамках российского внешнеполитического истеблишмента (состоящего главным образом из бывших советских чиновников) до сих пор живет глубоко укоренившееся желание играть особую евразийскую роль, такую роль, которая может привести к тому, что вновь созданные независимые постсоветские государства будут подчиняться Москве.

В этом контексте даже дружественная политика Запада рассматривается некоторыми влиятельными членами российского сообщества, определяющего политику, как направленная на то, чтобы лишить Россию ее законного права на статус мировой державы. Вот как это сформулировали два российских геополитика: «Соединенные Штаты и страны НАТО - хотя и уважают чувство самоуважения России в разумных пределах, но, тем не менее, неуклонно и последовательно уничтожают геополитические основы, которые могли, по крайней мере теоретически, позволить России надеяться на получение статуса державы номер два в мировой политике, который принадлежал Советскому Союзу».

Более того, считается, что Америка проводит политику, в рамках которой «новая организация европейского пространства, которое создается в настоящее время Западом, по существу строится на идее оказания помощи в этой части мира новым, относительно небольшим и слабым национальным государствам через их более или менее тесное сближение с НАТО, ЕС и т.д.» [Богатуров А. и Кременюк В. Современные отношения и перспективы взаимодействия между Россией

и Соединенными Штатами Америки // Независимая газета. 1996. 28 июня. (Оба автора являются ведущими учеными, работающими в Институте США и Канады.)]

Приведенные выше цитаты хорошо определяют - хотя и с некоторым предубеждением - ту дилемму, перед которой стоят США. До какой степени следует оказывать России экономическую помощь, которая неизбежно приведет к усилению России как в политическом, так и в военном аспекте, и до какой степени следует одновременно помогать новым независимым государствам в их усилиях по защите и укреплению своей независимости? Может ли Россия быть мощным и одновременно демократическим государством? Если она вновь обретет мощь, не захочет ли она вернуть свои утраченные имперские владения и сможет ли она тогда быть и империей, и демократией?

Политика США по отношению к важным геополитическим центрам, таким как Украина и Азербайджан, не позволяет обойти этот вопрос, и Америка, таким образом, стоит перед трудной дилеммой относительно тактической расстановки сил и стратегической цели. Внутреннее оздоровление России необходимо для демократизации России и в конечном счете для европеизации. Однако любое восстановление ее имперской мощи может нанести вред обеим этим целям. Более того, именно по поводу этого вопроса могут возникнуть разногласия между Америкой и некоторыми европейскими государствами, особенно в случае расширения ЕС и НАТО. Следует ли считать Россию кандидатом в возможные члены в обе эти структуры? И что тогда предпринимать в отношении Украины? Издержки, связанные с недопущением России в эти структуры, могут быть крайне высокими - в российском сознании будет реализовываться идея собственного особого предназначения России, - однако последствия ослабления ЕС и НАТО также могут оказаться дестабилизирующими.

Еще одна большая неопределенность проявляется в крупном и геополитически неустойчивом пространстве Центральной Евразии; эта неопределенность доведена до предела возможной уязвимостью турецкого и иранского центров. В районе, граница которого показана на карте X, она проходит через Крым в Черном море прямо на восток вдоль новых южных границ России, идет по границе с китайской провинцией Синьцзян, затем спускается вниз к Индийскому океану, от туда идет на запад к Красному морю, затем поднимается на север к

восточной части Средиземного моря и вновь возвращается к Крыму, там проживает около 400 млн. человек приблизительно в 25 странах, почти все из них как в этническом плане, так и в религиозном являются разнородными, и практически ни одна из этих стран не является политически стабильной. Некоторые из этих стран могут находиться в процессе приобретения ядерного оружия.

Этот огромный регион, раздираемый ненавистью, которую легко разжечь, и окруженный конкурирующими между собой могущественными соседями, вероятно, является и огромным полем битвы, на котором происходят войны между национальными государствами, и зоной (это скорее всего), где царит затянувшееся этническое и религиозное насилие. Будет ли Индия выступать в качестве сдерживающего фактора или же воспользуется некоторыми возможностями, чтобы навязывать свою волю Пакистану, в большой степени скажется на региональных рамках возможных конфликтов. Внутренняя напряженность в Турции и Иране, вероятно, не только усилится, но значительно снизит стабилизирующую роль, которую эти государства могут играть во взрывоопасном регионе. Такие события, в свою очередь, возможно, затруднят процесс ассимиляции международным сообществом новых государств Центральной Азии, а также отрицательно повлияют на безопасность в Персидском заливе, в обеспечении которой доминирующую роль играет Америка. В любом случае и Америка, и международное сообщество могут столкнуться здесь с проблемой, по сравнению с которой недавний кризис в бывшей Югославии покажется незначительным.

Частью проблемы этого нестабильного региона может стать вызов главенствующей роли Америки со стороны исламского фундаментализма. Эксплуатируя религиозную враждебность к американскому образу жизни и извлекая выгоду из арабо-израильского конфликта, исламский фундаментализм может подорвать позиции нескольких прозападных ближневосточных правительств и в итоге поставить под угрозу американские региональные интересы, особенно в районе Персидского залива. Однако без политической сплоченности и при отсутствии единого по-настоящему мощного исламского государства вызову со стороны исламского фундаментализма будет не хватать геополитического ядра и, следовательно, он будет выражаться скорее всего через насилие.

Появление Китая как крупной державы ставит геостратегический вопрос крайней важности. Наиболее привлекательным результатом было бы кооптирование идущего по пути демократии и развивающегося свободный рынок Китая в более крупную азиатскую региональную структуру сотрудничества. А если Китай не станет проводить демократических преобразований, но продолжит наращивать свою экономическую и военную мощь? Может появиться Великий Китай, какими бы ни были желания и расчеты его соседей, и любые попытки помешать этому могут привести к обострению конфликта с Китаем. Такой конфликт может внести напряженность в американо-японские отношения, поскольку совсем необязательно, что Япония захочет следовать американскому примеру в сдерживании Китая, и, следовательно, может иметь революционные последствия для определения роли Японии на региональном уровне, что, возможно, даже приведет к прекращению американского присутствия на Дальнем Востоке.

Однако достижение договоренностей с Китаем потребует своей собственной цены. Признать Китай в качестве региональной державы не означает простого одобрения одного лишь лозунга. Такое превосходство на региональном уровне должно иметь и сущностное содержание. Откровенно говоря, в каком объеме и где готова Америка признать китайскую сферу влияния, что необходимо сделать в качестве составной части политики, направленной на успешное вовлечение Китая в мировые дела? Какие районы, находящиеся в настоящее время за пределами политического радиуса действия Китая, можно уступить в сферу влияния вновь появляющейся Поднебесной империи?

В этом контексте сохранение американского присутствия в Южной Корее становится особенно важным. Трудно представить себе, что без него американо-японское соглашение в оборонной области будет существовать в нынешней форме, поскольку Япония вынуждена будет стать более независимой в военном плане. Однако любое движение в сторону корейского воссоединения, вероятно, разрушит основу для продолжения американского военного присутствия в Южной Корее. Воссоединенная Корея может счесть необходимым отказаться от американской военной защиты; это фактически может стать ценой, которую потребует Китай за то, что он всем своим авторитетом поддерживает объединение полуострова. Короче говоря, урегу-

лирование США своих отношений с Китаем неизбежно непосредственным образом скажется на стабильности отношений в области безопасности в рамках американо-японо-корейского «треугольника».

И в заключение следует кратко остановиться на некоторых возможных обстоятельствах, которые могут привести к созданию будущих политических союзов; более полно этот вопрос будет рассмотрен в соответствующих главах. В прошлом на международные дела оказывала влияние борьба между отдельными государствами за господство на региональном уровне. Впредь Соединенные Штаты, вероятно, должны будут решать, как справляться с региональными коалициями, стремящимися вытолкнуть Америку из Евразии, тем самым создавая угрозу статусу Америки как мировой державы. Однако будут или не будут такие коалиции бросать вызов американскому господству, фактически зависит в очень большой степени от того, насколько эффективно Соединенные Штаты смогут решить основные дилеммы, обозначенные здесь.

Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия - ведомым. Чтобы предотвратить создание этого блока, как бы маловероятно это ни выглядело, США потребуются проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии.

Географически более ограниченную, но потенциально даже более важную проблему может представлять собой китайско-японская «ось», которая может возникнуть вслед за крушением американских позиций на Дальнем Востоке и революционными изменениями во взглядах Японии на мировые проблемы. Такой блок может объединить мощь двух чрезвычайно продуктивных народов и использовать в качестве объединяющей антиамериканской доктрины некую форму «азиатчины» («asianism»). Однако представляется маловероятным, что в обозримом будущем Китай и Япония образуют такой альянс, учитывая их прошлый исторический опыт; а дальновидная американ-

ская политика на Дальнем Востоке, конечно же, должна суметь предотвратить реализацию подобных изменений.

Существует также возможность - хотя и маловероятная, но которую нельзя полностью исключить - серьезной перегруппировки сил в Европе, заключающейся или в тайном германо-российском сговоре, или в образовании франко-российского союза. В истории есть подобные прецеденты, и каждая из этих двух возможностей может реализоваться в случае, если остановится процесс европейского объединения и произойдет серьезное ухудшение отношений между Европой и Америкой. Фактически в случае реализации последней из упомянутых возможностей можно представить, что произойдет налаживание взаимопонимания между Европой и Россией с целью выдавливания Америки с континента. На данной стадии все эти варианты представляются невероятными. Для их осуществления понадобились бы не только проведение Америкой крайне неправильной европейской политики, но и резкая переориентация основных европейских государств.

Каким бы ни было будущее, разумно сделать вывод о том, что американское главенство на Евразийском континенте столкнется с различного рода волнениями и, возможно, с отдельными случаями насилия. Ведущая роль Америки потенциально не защищена от новых проблем, которые могут создать как региональные соперники, так и новая расстановка сил. Нынешняя мировая система с преобладанием Америки, снятием «угрозы войны с повестки дня» стабильна, вероятно, только в тех частях мира, в которых американское главенство, определяемое долгосрочной геостратегией, опирается на совместимые и родственные общественно-политические системы, связанные многосторонними рамками.

Для США пришло время выработать и применять комплексную, всеобъемлющую и долгосрочную геостратегию по отношению ко всей Евразии. Эта необходимость вытекает из взаимодействия двух фундаментальных реальностей: Америка в настоящее время является единственной супердержавой, а Евразия - центральной ареной мира. Следовательно, изменение в соотношении сил на Евразийском континенте будет иметь решающее значение для мирового главенства Америки, а также для ее исторического наследия.

Американское мировое первенство уникально по своим масштабам и характеру. Это гегемония нового типа, которая отражает многие из черт, присущих американской демократической системе: она плюралистична, проницаема и гибка. Эта гегемония формировалась менее одного столетия, и основным ее геополитическим проявлением выступает беспрецедентная роль Америки на Евразийском континенте, где до сих пор возникали и все претенденты на мировое могущество. Америка в настоящее время выступает в роли арбитра для Евразии, причем нет ни одной крупной евразийской проблемы, решаемой без участия Америки или вразрез с интересами Америки.

Каким образом США управляют главными геостратегическими фигурами на евразийской шахматной доске и расставляют их, а также как они руководят ключевыми геополитическими центрами Евразии, имеет жизненно важное значение для длительной и стабильной ведущей роли Америки в мире. В Европе основными действующими лицами останутся Франция и Германия, и главная задача Америки будет заключаться в укреплении и расширении существующего демократического плацдарма на западной окраине Евразии. На Дальнем Востоке Евразии, вероятнее всего, центральную роль все больше и больше будет играть Китай, и у Америки не будет политического опорного пункта на Азиатском материке до тех пор, пока не будет достигнут геостратегический консенсус между нею и Китаем. В центре Евразии пространство между расширяющейся Европой и приобретающим влияние на региональном уровне Китаем будет оставаться «черной дырой» в геополитическом плане, по крайней мере до тех пор, пока в России не завершится внутренняя борьба вокруг вопроса о ее постимперском самоопределении, в то время как регион, расположенный к югу от России, - «Евразийские Балканы» - угрожает превратиться в котел этнических конфликтов и великодержавного соперничества.

В этих условиях в течение некоторого периода времени - свыше 30 лет - вряд ли кто-либо будет оспаривать статус Америки как первой державы мира. Ни одно государство-нация, вероятно, не сможет сравняться с Америкой в четырех главных аспектах силы (военном, экономическом, техническом и культурном), которые в совокупности и определяют решающее политическое влияние в мировом масштабе. В случае сознательного или непреднамеренного отказа Америки от своего статуса единственной реальной альтернативой американскому

лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масштабе. В связи с этим представляется правильным утверждение о том, что Америка стала, как определил президент Клинтон, «необходимым» для мира государством.

Здесь важно подчеркнуть как факт существования такой необходимости, так и реальную возможность распространения анархии в мире. Разрушительные последствия демографического взрыва, миграции, вызванной нищетой, радикальной урбанизации, а также последствия этнической и религиозной вражды и распространения оружия массового уничтожения могут стать неуправляемыми, если развалятся опирающиеся на государства-нации основные существующие структуры даже элементарной геополитической стабильности. Без постоянного и направленного американского участия силы, которые способны вызвать беспорядок в мире, уже давно бы стали господствовать на мировой арене.

Возможность развала таких структур связана с геополитической напряженностью не только в современной Евразии, но и вообще в мире.

В результате этого может возникнуть опасность для мировой стабильности, и эта опасность, вероятно, будет усиливаться перспективой все более ухудшающихся условий человеческого существования. В частности, в бедных странах мира демографический взрыв и одновременная урбанизация населения приводят не только к быстрому росту числа нищих, но и к появлению главным образом миллионов безработных и все более недовольных молодых людей, уровень разочарования которых растет внушительными темпами. Современные средства связи увеличивают разрыв между ними и традиционной властью и в то же время все в большей степени формируют в их сознании чувство царящей в мире несправедливости, что вызывает у них возмущение, и поэтому они наиболее восприимчивы к идеям экстремизма и легко пополняют ряды экстремистов. С одной стороны, такое явление, как миграция населения в мировом масштабе, уже охватившая десятки миллионов людей, может служить временным предохранительным клапаном, но, с другой - также вероятно, что она может быть средством переноса с континента на континент этнических и социальных конфликтов.

В результате возможные беспорядки, напряженность и, по крайней мере, эпизодические случаи насилия могут нанести удар по унаследованному Америкой руководству миром. Новый комплексный международный порядок, который создан американской гегемонией и в рамках которого «угроза войны не существует», вероятно, будет распространяться на те части света, где американское могущество укрепляется демократическими социополитическими системами и усовершенствованными внешними многосторонними структурами, но также руководимыми Америкой.

Американская геостратегия в отношении Евразии, таким образом, вынуждена будет конкурировать с силами турбулентности. Есть признаки того, что в Европе стремление к интеграции и расширению ослабевает и что вскоре могут вновь возродиться европейские националисты традиционного толка. Крупномасштабная безработица сохранится даже в самых благополучных европейских странах, порождая чувство ненависти к иностранцам, что может привести к сдвигу во французской и германской политике в сторону существенного политического экстремизма и ориентированного вовнутрь шовинизма. Фактически может даже сложиться настоящая предреволюционная ситуация. Историческое развитие событий в Европе, будет реализовано лишь в том случае, если США будут не только поощрять стремление Европы к объединению, но и подталкивать ее к этому.

Еще большая неопределенность существует относительно будущего России, и здесь перспективы позитивного развития весьма туманны. Следовательно, Америке необходимо создать геополитическую среду, которая благоприятствовала бы ассимиляции России в расширяющиеся рамки европейского сотрудничества и способствовала достижению такой независимости, при которой новые суверенные соседи России могли бы полагаться на свои собственные силы. Однако жизнеспособность, к примеру, Украины и Узбекистана (не говоря уже о разделенном на две части в этническом отношении Казахстане) будет оставаться под сомнением, особенно если внимание Америки переключится на другие проблемы, такие, например, как новый внутренний кризис в Европе, увеличивающийся разрыв между Турцией и Европой или нарастание враждебности в американо-иранских отношениях.

Возможность окончательного серьезного урегулирования отношений с Китаем также может остаться нереализованной в случае будущего кризиса, связанного с Тайванем, или из-за внутреннего политического развития Китая, которое может привести к установлению агрессивного и враждебного режима, или из-за того, что американо-китайские отношения просто испортятся. Китай в таком случае может стать крайне дестабилизирующей силой в мире, внося огромную напряженность в американо-японские отношения и, возможно, вызывая разрушительную геополитическую дезориентацию в самой Японии. В этих условиях стабильность в Юго-Восточной Азии, конечно же, окажется под угрозой, и можно только предполагать, как стечение этих обстоятельств повлияет на позицию и единство Индии, страны, крайне важной для стабильности в Южной Азии.

Эти замечания служат напоминанием о том, что ни новые глобальные проблемы, которые не входят в компетенцию государства-нации, ни более традиционные геополитические вопросы, вызывающие озабоченность, не могут быть решены, если начнет разрушаться основная геополитическая структура мировой власти. В условиях, когда на небосклоне Европы и Азии появились упредительные сигналы, американская политика, чтобы быть успешной, должна сфокусировать внимание на Евразии в целом и руководствоваться четким геостратегическим планом.

ГЕОСТРАТЕГИЯ В ОТНОШЕНИИ ЕВРАЗИИ

Отправным пунктом для проведения необходимой политики должно быть трезвое осознание трех беспрецедентных условий, которые в настоящее время определяют геополитическое состояние мировых дел: 1) впервые в истории одно государство является действительно мировой державой; 2) государством, превосходящим все другие в мировом масштабе, является неевразийское государство и 3) центральная арена мира - Евразия - находится под превалирующим влиянием неевразийской державы.

Однако всеобъемлющая и скоординированная геостратегия в отношении Евразии должна опираться на признание границ эффективного влияния Америки и неизбежное сужение с течением времени рамок этого влияния. Как отмечалось выше, сам масштаб и разнообразие Евразии, равно как потенциальные возможности некоторых из ее государств, ограничивают глубину американского влияния и сте-

пень контроля за ходом событий. Такое положение требует проявления геостратегической интуиции и тщательно продуманного выборочного использования ресурсов Америки на огромной евразийской шахматной доске. И поскольку беспрецедентное влияние Америки с течением времени будет уменьшаться, приоритет должен быть отдан контролю за процессом усиления других региональных держав, с тем чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Америки в мире.

Как и шахматисты, американские стратеги, занимающиеся мировыми проблемами, должны думать на несколько ходов вперед, предвидя возможные ответные ходы. Рассчитанная на длительное время стратегия должна быть сориентированной на краткосрочную (следующие пять или около пяти лет), среднесрочную (до 20 лет или около 20 лет) и долгосрочную (свыше 20 лет) перспективы. Кроме того, эти стадии необходимо рассматривать не как совершенно изолированные друг от друга, а как части единой системы. Первая стадия должна плавно и последовательно перейти во вторую (конечно же, это должна быть заранее намеченная цель), а вторая стадия должна затем перейти соответственно в третью.

В краткосрочной перспективе Америка заинтересована укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии. Эта задача предполагает поощрение возможных действий и манипуляций, с тем чтобы предотвратить появление враждебной коалиции, которая попыталась бы бросить вызов ведущей роли Америки, не говоря уже о маловероятной возможности, когда какое-либо государство попыталось бы сделать это. В среднесрочной перспективе вышеупомянутое постепенно должно уступить место вопросу, при решении которого больший акцент делается на появлении все более важных и в стратегическом плане совместимых партнеров, которые под руководством Америки могли бы помочь в создании трансевразийской системы безопасности, объединяющей большее число стран. И наконец, в долгосрочной перспективе все вышесказанное должно постепенно привести к образованию мирового центра по-настоящему совместной политической ответственности.

Ближайшая задача заключается в том, чтобы удостовериться, что ни одно государство или группа государств не обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из

Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра. Укрепление трансконтинентального геополитического плюрализма должно рассматриваться не как самоцель, а только как средство для достижения среднесрочной цели по установлению по-настоящему стратегических партнерств в основных регионах Евразии. Вряд ли демократическая Америка захочет постоянно выполнять трудную, требующую большой отдачи и дорогостоящую задачу по контролю за Евразией путем осуществления манипуляций и действий, обеспеченных американскими военными ресурсами, с тем чтобы помешать любому другому государству добиться регионального господства. Первая стадия, таким образом, должна логично и продуманно перейти во вторую, такую, на которой оказывающая благотворное влияние американская гегемония все еще удерживает других от попыток бросить вызов не только демонстрацией того, насколько высоки могут быть издержки такого вызова, но и тем, что не угрожает жизненно важным интересам потенциальных региональных претендентов на важную роль в Евразии.

Среднесрочная цель представляет собой содействие установлению настоящих партнерских отношений, главенствующее положение среди которых должны занимать отношения с более объединенной и в политическом плане более оформленной Европой и с Китаем, превосходящим другие страны на региональном уровне, а также (можно надеяться) с постимперской и ориентированной на Европу Россией, а на южной окраине Евразии - с демократической Индией, играющей стабилизирующую роль в регионе. Однако именно успех или провал усилий, направленных на установление более широких стратегических отношений с Европой и Китаем, соответственно сформирует определяющие условия для роли России - позитивной или негативной.

Из этого следует, что расширенные Европа и НАТО будут способствовать реализации краткосрочных и долгосрочных целей политики США. Более крупная Европа расширит границы американского влияния - и через прием в новые члены стран Центральной Европы также увеличит в европейских советах число государств с проамериканской ориентацией, - но без одновременного образования такой интегрированной в политическом плане Европы, которая могла бы вскоре бросить вызов Соединенным Штатам в геополитических во-

просах, имеющих крайне важное для Америки значение, в частности на Ближнем Востоке. Политически оформленная Европа также необходима для прогрессивной ассимиляции России в систему мирового сотрудничества.

Допустим, что Америка не может самостоятельно создать еще более единую Европу (это дело европейцев, особенно французов и немцев), но Америка может помешать появлению такой более объединенной Европы. И это может оказаться пагубным для стабильности в Евразии и, следовательно, для собственных интересов Америки. Действительно, если Европа не станет более единой, то она скорее всего вновь станет более разобщенной. Следовательно, как утверждалось ранее, представляется важным, чтобы Америка тесно сотрудничала как с Францией, так и с Германией в деле создания Европы, которая в политическом отношении была бы жизнеспособной, Европы, которая сохраняла бы связи с Соединенными Штатами Америки, и Европы, которая расширяет границы общей демократической международной системы. Выбор между Францией или Германией не стоит в повестке дня. Как без Франции, так и без Германии не будет Европы, а без Европы не будет никакой трансевразийской системы.

В практическом плане все вышесказанное потребует постепенного перехода к совместному руководству в рамках НАТО, большего признания обеспокоенности Франции в отношении роли Европы не только в Африке, но также и на Ближнем Востоке, дальнейшей поддержки процесса расширения ЕС на восток, даже если при этом ЕС станет в политическом и экономическом плане более независимым мировым действующим лицом [Примечательно, что и в Финляндии, и в Швеции влиятельные деятели стали обсуждать возможность сотрудничества с НАТО. В мае 1996 года командующий финскими вооруженными силами, по сообщениям шведских СМИ, поднял вопрос о возможности определенного базирования НАТО на норвежской земле, а в августе 1996 года Комитет по обороне шведского парламента совершил действие, симптоматичное для постепенного дрейфа к более тесному сотрудничеству с НАТО в сфере безопасности, выдвинув рекомендацию о присоединении Швеции к Западноевропейской группе по вооружениям (ЗЕГВ), к которой принадлежат только члены НАТО]. Трансатлантическое соглашение в области свободной торговли, в защиту которого уже выступили ряд выдающихся лиде-

ров стран, входящих в Атлантический блок, может также уменьшить риск растущего экономического соперничества между более объединенным ЕС и США. В любом случае возможный успех ЕС в уничтожении столетиями существовавшего в Европе националистического антагонизма вместе с его разрушительными для всего мира последствиями стоит некоторого постепенного ослабления решающей роли Америки в качестве нынешнего арбитра Евразии.

Расширение НАТО и ЕС может служить средством для обретения Европой начинающего ослабевать чувства своего значительного предназначения, в то время как происходит укрепление - с выгодой как для Америки, так и Европы - демократических позиций, завоеванных в результате успешного окончания холодной войны. Ставкой в этих усилиях являются отнюдь не долгосрочные отношения с самой Европой. Новая Европа все еще приобретает форму, и если эта новая Европа останется в геополитическом плане частью «евроатлантического» пространства, то расширение НАТО станет необходимым. Кроме того, неосуществление расширения НАТО теперь, когда уже взяты обязательства, может разрушить концепцию расширения Европы и деморализовать страны Центральной Европы. Это может даже привести к возрождению скрытых или угасающих геополитических устремлений России в Центральной Европе.

Действительно, провал направляемых Америкой усилий по расширению НАТО может возродить даже более амбициозные желания России. Пока еще не очевидно - а исторические факты говорят о другом, - что российская политическая элита разделяет стремление Европы к сильному и длительному американскому политическому и военному присутствию. Следовательно, хотя установление основанных на сотрудничестве отношений с Россией, безусловно, желательно, тем не менее для Америки важно открыто заявить о своих мировых приоритетах. Если выбор необходимо сделать между более крупной евроатлантической системой и улучшением отношений с Россией, то первое для Америки должно стоять несравнимо выше.

По этой причине любое сближение с Россией по вопросу расширения НАТО не должно вести к фактическому превращению России в принимающего решения члена альянса, что тем самым приняло бы особый евроатлантический характер НАТО, в то же время низводя до положения второсортных стран вновь принятые в альянс

государства. Это открыло бы для России возможность возобновить свои попытки не только вернуть утраченное влияние в Центральной Европе, но и использовать свое присутствие в НАТО для того, чтобы сыграть на американско-европейских разногласиях для ослабления роли Америки в Европе.

Кроме того, очень важно, поскольку Центральная Европа войдет в НАТО, чтобы гарантии безопасности, данные России в отношении региона, действительно были взаимными и, таким образом, взаимно-успокаивающими. Запрет на развертывание войск НАТО и ядерного оружия на территории новых членов альянса может быть важным фактором для устранения законных волнений России, однако ему должны соответствовать равноценные российские гарантии, касающиеся демилитаризации таящего в себе потенциальную угрозу выступающего района Калининграда и ограничения развертывания крупных воинских формирований вблизи границ возможных будущих членов НАТО и ЕС. В то время как все вновь обретшие независимость западные соседи России хотят иметь с ней стабильные и конструктивные отношения, факт остается фактом: они продолжают опасаться ее по исторически понятным причинам. Следовательно, появление равноправного договора НАТО/ЕС с Россией приветствовалось бы всеми европейцами как свидетельство того, что Россия наконец делает долгожданный после развала империи выбор в пользу Европы.

Этот выбор мог бы проложить путь к более широкомасштабной деятельности по укреплению статуса России и повышению уважения к ней. Формальное членство в «большой семерке» наряду с повышением роли механизма ОБСЕ (в рамках которого можно было бы создать специальный комитет по безопасности, состоящий из представителей США, России и нескольких наиболее влиятельных стран Европы) откроют возможности для конструктивного вовлечения России в процесс оформления политических границ Европы и зон ее безопасности. Наряду с финансовой помощью Запада России, параллельно с разработкой гораздо более амбициозных планов создания тесных связей России с Европой путем строительства новых сетей автомобильных и железных дорог процесс наполнения смыслом российского выбора в пользу Европы может продвигаться вперед.

Роль, которую в долгосрочном плане будет играть Россия в Евразии, в значительной степени зависит от исторического выбора,

который должна сделать Россия, возможно еще в ходе нынешнего десятилетия, относительно собственного самоопределения. Даже при том, что Европа и Китай расширяют зоны своего регионального влияния, Россия несет ответственность за крупнейшую в мире долю недвижимости. Эта доля охватывает 10 часовых поясов, и ее размеры в 2 раза превышают площадь США или Китая, перекрывая в этом отношении даже расширенную Европу. Следовательно, потеря территорий не является главной проблемой для России. Скорее огромная Россия должна прямо признать и сделать нужные выводы из того факта, что и Европа, и Китай уже являются более могучими в экономическом плане и что, помимо этого, существует опасность, что Китай обойдет Россию на пути модернизации общества.

В этой ситуации российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колоссальных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы. В свою очередь, такая, в большей степени децентрализованная, Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии.

Россия с большей вероятностью предпочтет Европу возврату империи, если США успешно реализуют вторую важную часть своей стратегии в отношении России, то есть усилят преобладающие на постсоветском пространстве тенденции геополитического плюрализма. Укрепление этих тенденций уменьшит соблазн вернуться к империи. Постимперская и ориентированная на Европу Россия должна расценить предпринимаемые в этом направлении усилия как содей-

ствие в укреплении региональной стабильности и снижении опасности возникновения конфликтов на ее новых, потенциально нестабильных южных границах. Однако политика укрепления геополитического плюрализма не должна обуславливаться только наличием хороших отношений с Россией. Более того, она важна и в случае, если эти отношения не складываются, поскольку она создает барьеры для возрождения какой-либо действительно опасной российской имперской политики.

Отсюда следует, что оказание политической и экономической помощи основным вновь обретшим независимость странам является неразрывной частью более широкой евразийской стратегии. Укрепление суверенной Украины, которая в настоящее время стала считать себя государством Центральной Европы и налаживает более тесное сотрудничество с этим регионом, - крайне важный компонент этой политики, так же как и развитие более тесных связей с такими стратегически важными государствами, как Азербайджан и Узбекистан, помимо более общих усилий, направленных на открытие Средней Азии (несмотря на помехи, создаваемые Россией) для мировой экономики.

Широкомасштабные международные вложения во все более доступный Каспийско-Среднеазиатский регион не только помогут укрепить независимость новых государств, но и в конечном счете пойдут на пользу постимперской демократической России. Начало использования энергетических и минеральных ресурсов региона приведет к процветанию, породит в этом районе ощущение большей стабильности и безопасности и в то же время, возможно, уменьшит риск конфликтов наподобие балканского. Преимущества ускоренного регионального развития, финансируемого за счет внешних вложений, распространились бы и на приграничные районы России, которые, как правило, недостаточно развиты экономически. Более того, как только новые правящие элиты регионов поймут, что Россия соглашается на включение этих регионов в мировую экономику, они будут меньше опасаться политических последствий тесных экономических связей с Россией. Со временем не имеющая имперских амбиций Россия могла бы получить признание в качестве самого удобного экономического партнера, хотя и не выступающего уже в роли имперского правителя.

Для обеспечения стабильности и укрепления независимости стран, расположенных на юге Кавказа и в Средней Азии, США долж-

ны проявлять осторожность, чтобы не вызвать отчуждения Турции, и должны изучить возможность улучшения американо-иранских отношений. Турция, продолжающая чувствовать себя изгоем в Европе, куда она стремится войти, станет более исламской, назло всем проголосует против расширения НАТО и едва ли будет сотрудничать с Западом ради того, чтобы стабилизировать и включить советскую Среднюю Азию в мировое сообщество.

Соответственно Америка должна использовать свое влияние в Европе, чтобы содействовать со временем принятию Турции в Европейский Союз, и обратить особое внимание на то, чтобы относиться к Турции как к европейской стране, при условии, что во внутренней политике Турции не будет сделан резкий крен в исламском направлении. Регулярные консультации с Анкарой по вопросу о будущем Азии способствовали бы возникновению у этой страны ощущения стратегического партнерства с США. Америке также следует активно поддерживать стремление Турции построить нефтепровод из Баку в Джейхан (Ceyhan) на турецком побережье Средиземного моря, который служил бы главным выходом к энергетическим ресурсам бассейна Каспийского моря.

Кроме того, не в американских интересах навсегда сохранять враждебность в американо-иранских отношениях. Любое сближение в будущем должно основываться на признании обоюдной стратегической заинтересованности в стабилизации неустойчивого в настоящее время регионального окружения Ирана. Конечно, любое примирение между этими странами должно осуществляться обеими сторонами и не выглядеть как одолжение, которое одна сторона делает другой. США заинтересованы в сильном, даже направляемом религией, но не испытывающем фанатичных антизападных настроений Иране, и в итоге даже иранская политическая элита, возможно, признает этот факт. Между тем долгосрочным американским интересам в Евразии сослужит лучшую службу отказ США от своих возражений против более тесного экономического сотрудничества Турции с Ираном, особенно в области строительства новых нефтепроводов, и развития других связей между Ираном, Азербайджаном и Туркменистаном. Долгосрочное участие США в финансировании таких проектов отвечало бы и американским интересам [Ряд конструктивных предложений для достижения этой цели был выдвинут на конференции по проблемам

Америки и Европы, проведенной в феврале 1997 года в Брюсселе Центром по международным и стратегическим вопросам. Эти предложения включают широкий спектр инициатив, начиная от совместных усилий, направленных на проведение структурной реформы, предназначенной для сокращения государственных дефицитов, до создания расширенной европейской оборонно-промышленной базы, которая могла бы укрепить трансатлантическое сотрудничество в области обороны и повысить роль Европы в НАТО. Полезный список подобных и других инициатив, направленных на повышение роли Европы, содержится в издании: David C. Gompert and F. Stephen Larrabee, eds. *America and Europe: A Partnership for a New Era*. Santa Monica: RAND, 1997].

Необходимо также отметить потенциальную роль Индии, хотя в настоящее время она является относительно пассивным действующим лицом на евразийской сцене. В геополитическом плане Индию сдерживает коалиция Китая и Пакистана, в то время как слабая Россия не может предложить ей той политической поддержки, которую она оказывала ей в прошлом. Однако выживание демократии в Индии имеет важное значение в том плане, что оно опровергает лучше, чем тома академических дискуссий, понятие о том, что права человека и демократия - это чисто западное и характерное лишь для Запада явление. Индия доказывает, что антидемократические «азиатские ценности», пропагандируемые представителями стран от Сингапура до Китая, являются просто антидемократическими, но они не обязательно являются характерными для Азии. К тому же провал Индии нанес бы удар по перспективам демократии и убрал бы со сцены силу, способствующую большему равновесию на азиатской сцене, в особенности с учетом усиления геополитического превосходства Китая. Из этого следует, что постоянное участие Индии в дискуссиях по вопросу региональной стабильности, особенно по вопросу о судьбе Средней Азии, своевременно, не говоря о стимулировании развития более прямых двусторонних связей между военными сообществами Америки и Индии.

Геополитический плюрализм в Евразии в целом недостижим и не будет иметь устойчивого характера без углубления взаимопонимания между Америкой и Китаем по стратегическим вопросам. Из этого следует, что политика привлечения Китая к серьезному диалогу по

стратегическим вопросам, а в итоге, возможно, к трехсторонним усилиям, включающим также и Японию, является необходимым первым шагом в повышении интереса Китая к примирению с Америкой, что отражает те самые геополитические интересы (в частности, в Северо-Восточной и Средней Азии), которые действительно являются общими для двух стран. Кроме того, Америке надлежит устранить любые неясности в отношении приверженности США политике одного Китая, дабы не усугубить проблему Тайваня, в особенности после того, как Гонконг был поглощен Китаем. К тому же в собственных интересах Китая превратить это событие в успешную демонстрацию принципа, в соответствии с которым даже Великий Китай может допустить и гарантировать более широкое многообразие в своих внутренних политических урегулированиях.

Любая предполагаемая китайско-российско-иранская коалиция, направленная против Америки, вряд ли выйдет за рамки какого-то временного позирования по тактическим соображениям, для Соединенных Штатов важно строить свои отношения с Китаем таким образом, чтобы не подтолкнуть Пекин в этом направлении. В любом подобном «антигегемонистском» союзе Китай стал бы чекой. Он, вероятно, будет самым сильным, самым динамичным и, следовательно, ведущим компонентом. Такая коалиция могла бы возникнуть только вокруг недовольного, разочарованного и враждебного Китая. Ни Россия, ни Иран не располагают необходимыми средствами, чтобы стать центром притяжения для подобной коалиции.

Поэтому диалог между Америкой и Китаем по стратегическим вопросам, касающимся тех областей, которые обе страны хотят видеть свободными от господства других жаждущих гегемонов, настоятельно необходим. Однако для достижения прогресса диалог должен быть длительным и серьезным. В ходе такого общения можно было бы более мотивированно обсудить и другие спорные вопросы, касающиеся Тайваня и даже прав человека. Действительно, можно было бы достаточно откровенно отметить, что вопрос внутренней либерализации в Китае - это не только внутреннее дело самого Китая, поскольку только вставший на путь демократизации и процветающий Китай имеет перспективу привлечения к себе Тайваня мирным путем. Любая попытка насильственного воссоединения не только поставила бы американо-китайские отношения под угрозу, но и неизбежно ока-

зала бы негативное воздействие на способность Китая привлекать иностранный капитал и поддерживать экономическое развитие в стране. Собственные стремления Китая к региональному превосходству и глобальному статусу были бы поэтому принесены в жертву.

Хотя Китай превращается в доминирующую силу в регионе, он вряд ли станет такой силой в мире, и это не произойдет еще в течение долгого времени, а шизофренические страхи в отношении Китая как глобальной силы порождают у Китая манию величия, что, возможно, также становится источником самоисполняемого пророчества об усилении враждебности между Америкой и Китаем. Поэтому Китай не следует ни сдерживать, ни умиротворять. К нему следует относиться с уважением как к самому крупному развивающемуся государству в мире, и - по крайней мере пока - как к добивающемуся достаточных успехов. Его геополитическая роль не только на Дальнем Востоке, но и в Евразии в целом, вероятно, также возрастет. Следовательно, было бы целесообразно кооптировать Китай в члены «большой семерки» на ежегодном саммите ведущих стран мира, особенно после того, как включение России в эту группу расширило спектр обсуждаемых на саммите вопросов - от экономических до политических.

Поскольку Китай все активнее интегрируется в мировую систему и, следовательно, в меньшей степени способен и склонен использовать свое главенство в регионе в тупой политической манере, из этого следует, что фактическое возникновение китайской сферы влияния в районах, представляющих для Китая исторический интерес, вероятно, станет частью нарождающейся евразийской структуры геополитического примирения. Будет ли объединенная Корея двигаться в направлении подобной сферы, во многом зависит от степени примирения между Японией и Кореей (Америке следует более активно поощрять этот процесс), однако воссоединение Кореи без примирения с Китаем маловероятно.

На каком-то этапе Великий Китай неизбежно станет оказывать давление в целях решения проблемы Тайваня, однако степень включения Китая во все более связывающий комплекс международных экономических и политических структур также может положительно отразиться на характере внутренней политики Китая. Если поглощение Китаем Гонконга не окажется репрессивным, формула Дэн Сяопина для Тайваня «одна страна, две системы» может быть переде-

лана в формулу «одна страна, несколько систем». Это может сделать воссоединение более приемлемым для заинтересованных сторон, что еще раз подтверждает мысль о невозможности мирного воссоздания единого Китая без некоторой политической эволюции самого Китая.

В любом случае как по историческим, так и по геополитическим причинам Китаю следует рассматривать Америку как своего естественного союзника. В отличие от Японии или России, у Америки никогда не было территориальных замыслов в отношении Китая, и, в отличие от Великобритании, она никогда не унижала Китай. Более того, без реального стратегического консенсуса с Америкой Китай вряд ли сможет продолжать привлекать значительные зарубежные капиталовложения, так необходимые для его экономического роста и, следовательно, для достижения преобладающего положения в регионе. По той же причине без американо-китайского стратегического урегулирования как восточной опоры вовлеченности Америки в дела Евразии у Америки не будет геостратегии для материковой Азии, а без геостратегии для материковой Азии у Америки не будет геостратегии для Евразии. Таким образом, для Америки региональная мощь Китая, включенная в более широкие рамки международного сотрудничества, может быть жизненно важным геостратегическим средством - в этом отношении таким же важным, как Европа, и более весомым, чем Япония, - обеспечения стабильности в Евразии.

Однако, в отличие от Европы, демократический плацдарм в восточной части материка появится не скоро. Поэтому тем более важно, чтобы усилия Америки по углублению стратегических взаимоотношений с Китаем основывались на недвусмысленном признании того, что демократическая и преуспевающая в экономическом плане Япония является важнейшим тихоокеанским и главным мировым партнером Америки. Хотя Япония не может стать главенствующей державой в Азиатском регионе, учитывая сильную антипатию, которую она вызывает у стран региона, она может стать ведущей державой на международном уровне. Токио может добиться влияния на мировом уровне путем тесного сотрудничества с Соединенными Штатами в области решения современных мировых проблем, избегая бесплодных и потенциально контрпродуктивных попыток стать ведущей державой в регионе. Поэтому американское руководство должно помогать Японии двигаться в этом направлении. Американо-японское

соглашение о свободной торговле, в котором говорилось бы о создании общеэкономического пространства, могло бы укрепить связь между двумя странами и способствовать достижению указанной цели, и по этой причине следует совместно рассмотреть его выгоды.

Именно через тесные политические отношения с Японией Америка сможет более уверенно пойти навстречу стремлениям Китая в регионе, противодействуя при этом проявлениям его самоуправства. Только на этой основе может быть достигнут сложный трехсторонний компромисс, включающий в себя мощь Америки на мировом уровне, преобладающее положение Китая в регионе и лидерство Японии на международном уровне. Однако этот общий геостратегический компромисс может быть разрушен неразумным расширением военного сотрудничества Америки и Японии. Япония не должна играть роль непотопляемого американского авианосца на Дальнем Востоке, она также не должна быть главным военным партнером Америки в Азии или потенциально ведущей державой в Азиатском регионе. Ложно направленные действия в одной из вышеназванных областей могут отрезать Америку от континентальной Азии, ослабить перспективы достижения стратегического консенсуса с Китаем и таким образом подорвать способность Америки укрепить стабильность геополитического плюрализма в Евразии.

ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕЙ МИРОВОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ

В конце концов мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя.

Это связано не только с тем, что государства-нации постепенно становятся все более проницаемыми друг для друга, но и с тем, что знания как сила становятся все более распространенными, все более общими и все менее связанными государственными границами. Вероятнее всего, что экономическая мощь также станет более распределенной. Маловероятно, чтобы в ближайшие годы какое-либо государство достигло 30-процентного уровня мирового валового внутреннего продукта, который США имели на протяжении большей части нынешнего столетия, не говоря уже о 50%, которых они достигли в 1945 году. Некоторые расчеты показывают, что к концу нашего десятилетия США все равно будут располагать почти 20% мирового ВВП и

эта цифра, возможно, упадет до 10-15% к 2020 году, когда другие государства - Европа [Здесь уместно процитировать мудрый совет, данный моим коллегой по Центру международных стратегических исследований Энтони Г. Кордесманом в его работе «The American Threat to the United States» (February, 1997), представленной в виде выступления в армейском военном колледже, который предостерегал США против склонности изображать в устрашающем виде проблемы и даже народы. По его словам, «Иран, Ирак и Ливия представляют собой случаи, когда США создали из них врагов, не разработав при этом какого-либо приемлемого среднесрочного или долгосрочного эндшпиля для своей стратегии. Американские стратеги не могут рассчитывать на полную изоляцию этих стран, и не имеет смысла относиться к ним так, как если бы они были одинаковыми «государствами-мошенниками» или «государствами-террористами»... США существуют в морально сером мире, и им не удастся добиться успеха, разделяя его на черное и белое».], Китай, Япония - увеличат соответственно свои доли примерно до уровня США. Но мировое экономическое господство одной экономической единицы, по типу достигнутого в этом веке США, маловероятно, и это явно имеет чреватое серьезными последствиями военное и политическое значение.

Кроме того, весьма многонациональный состав и особенный характер американского общества позволили США распространить свою гегемонию так, чтобы она не казалась гегемонией исключительно одной нации. Например, попытка Китая добиться первенства в мире неизбежно будет рассматриваться другими странами как попытка навязать гегемонию одной нации. Проще говоря, любой может стать американцем, китайцем же может быть только китаец, что является дополнительным и существенным барьером на пути мирового господства, по существу, одной нации.

Следовательно, когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США. Таким образом, ключевой вопрос на будущее звучит так: «Что США завещают миру в качестве прочного наследия их превосходства?»

Ответ на данный вопрос частично зависит от того, как долго США будут сохранять свое первенство и насколько энергично они будут формировать основы партнерства ключевых государств, кото-

рые со временем могут быть более официально наделены законным статусом. В сущности, период наличия исторической возможности для конструктивной эксплуатации Соединенными Штатами своего статуса мировой державы может оказаться относительно непродолжительным по внутренним и внешним причинам. Подлинно популистская демократия никогда ранее не достигала мирового превосходства. Погоня за властью и особенно экономические затраты и человеческие жертвы, которых зачастую требует реализация этой власти, как правило, несовместимы с демократическими устремлениями. Демократизация препятствует имперской мобилизации.

В самом деле, имеющими важное значение в смысле неопределенности в отношении будущего вполне могут оказаться вопросы: могут ли США стать первой сверхдержавой, не способной или не желающей сохранить свою власть? Могут ли они стать слабой мировой державой? Опросы общественного мнения показывают, что только малая часть (13%) американцев выступает за то, что «как единственная оставшаяся сверхдержава США должны оставаться единственным мировым лидером в решении международных проблем». Подавляющее большинство (74%) предпочитает, «чтобы США в равной мере с другими государствами решали международные проблемы» [An Emerging Consensus - A Study of American Public Attitudes on America's Role in the World. College Park: Center for International and Security Studies at the University of Maryland, 1996. Заслуживает внимания, хотя это и не согласуется с вышесказанным, что исследования, проведенные указанным выше центром в начале 1997 года (под руководством ведущего исследователя Стивена Калла), также показали, что значительное большинство американцев поддерживают расширение НАТО: 62% - за (из них 27% - безоговорочно за) и только 29% - против (из них 14% - безоговорочно против)].

По мере того как США все больше становятся обществом, объединяющим многие культуры, они могут также столкнуться с тем, что все труднее добиться консенсуса по внешнеполитическим вопросам, кроме случаев действительно большой и широко понимаемой внешней угрозы. Такой консенсус был широко распространен на протяжении всей второй мировой войны и даже в годы холодной войны. Однако он базировался не только на широко разделяемых демократических ценностях, которые, как считала общественность, были под

угрозой, но и на культурной и этнической близости с жертвами враждебных тоталитарных режимов, главным образом европейцами.

В отсутствие сопоставимого с этим вызова извне для американского общества может оказаться более трудным делом достижение согласия по внешнеполитическим действиям, которые нельзя будет напрямую связать с основными убеждениями и широко распространенными культурно-этническими симпатиями, но которые потребуют постоянного и иногда дорогостоящего имперского вмешательства. Если хотите, два очень различных мнения о значении исторической победы США в холодной войне, вероятно, могут оказаться наиболее привлекательными: с одной стороны, мнение, что окончание холодной войны оправдывает значительное уменьшение масштабов вмешательства США в дела в мире, невзирая на последствия такого шага для репутации США; по другую сторону находится понимание, что настало время подлинного международного многостороннего сотрудничества, ради которого США должны поступиться даже частью своей верховной власти. Обе крайние точки зрения имеют своих сторонников.

Почти полвека назад известный историк Ганс Кон, бывший свидетелем трагического опыта двух мировых войн и истощающих последствий вызова тоталитаризма, опасался, что Запад может «устать и выдохнуться». В сущности, он опасался, что «человек XX века стал менее уверенным в себе, чем его предшественник, живший в XIX веке. Он на собственном опыте столкнулся с темными силами истории. То, что казалось ушедшим в прошлое, вернулось: фанатичная вера, непогрешимые вожди, рабство и массовые убийства, уничтожение целых народов, безжалостность и варварство» [Hans Kohn. *The Twentieth Century*. New York, 1949. P. 53].

Эта неуверенность усиливается получившим широкое распространение разочарованием последствиями окончания холодной войны. Вместо «нового мирового порядка», построенного на консенсусе и гармонии, «явления, которые, казалось бы, принадлежали прошлому», внезапно стали будущим. Хотя этнонациональные конфликты больше, возможно, и не угрожают мировой войной, они стали угрозой миру в важных районах земного шара. Таким образом, еще на какое-то время война, по-видимому, так и не станет устаревшим понятием. Вследствие того, что для более обеспеченных стран сдерживающим

фактором являются их более развитые технологические возможности саморазрушения, а также их собственные интересы, война может стать роскошью, доступной лишь бедным народам этого мира. В ближайшем будущем обедневшие две трети человечества не смогут руководствоваться в своих поступках ограничениями, которыми руководствуются привилегированные.

Следует также отметить, что до сих пор в ходе международных конфликтов и террористических действий оружие массового поражения в основном не применялось. Как долго может сохраняться это самоограничение, невозможно предсказать, однако растущая доступность средств, способных привести к массовым жертвам в результате применения ядерного или бактериологического оружия, не только для государств, но и для организованных группировок также неизбежно увеличивает вероятность их применения.

Короче говоря, перед Америкой как ведущей державой мира открыта лишь узкая историческая возможность. Нынешний момент относительного международного мира может оказаться краткосрочным. Эта перспектива подчеркивает острую необходимость активного вмешательства Америки в дела мира с уделением особого внимания укреплению международной геополитической стабильности, которая способна возродить на Западе чувство исторического оптимизма. Исторический оптимизм требует демонстрации возможностей одновременно заниматься и внутренними социальными, и внешними геополитическими проблемами.

Тем не менее возрождение западного оптимизма и универсальность западных ценностей зависят не только от Америки и Европы. Япония и Индия являются примерами того, что понятия прав человека и центральное значение демократического эксперимента действительны и в азиатских странах, как развитых, так и до сих пор развивающихся. Дальнейший успех в демократическом строительстве Японии и Индии, таким образом, также имеет огромное значение для сохранения большей уверенности в отношении политического будущего земного шара. Действительно, опыт этих двух стран, а также опыт Южной Кореи и Тайваня дают основания предполагать, что сохранение темпов экономического роста Китая приведет при наличии давления извне в пользу необходимости перемен и вследствие боль-

шей причастности к делам международного сообщества, возможно, к постепенной демократизации китайского строя.

Решение этих проблем является и бременем Америки, и ее уникальной обязанностью. С учетом реальности американской демократии эффективные действия неизбежно потребуют понимания ответственностью важной роли американского государства в формировании все более широкой системы стабильного геополитического сотрудничества, которая будет одновременно предотвращать возможность глобальной анархии и успешно препятствовать возникновению новой угрозы со стороны какой-либо из стран. Эти две цели - предотвращение анархии и появления державы-соперницы - неотделимы от определения более долгосрочной цели глобальной деятельности Америки: создания прочной сети международного геополитического сотрудничества.

К сожалению, до сегодняшнего дня усилия, направленные на то, чтобы четко сформулировать новую центральную и глобальную цель Соединенных Штатов после окончания холодной войны, были односторонними. Не удалось увязать потребность улучшения жизни людей с необходимостью сохранения центрального положения Америки в мировых делах. Можно выделить несколько таких попыток, предпринятых в последнее время. В первые два года пребывания у власти администрации Клинтона в выступлениях в поддержку «позитивного принципа многосторонних отношений» недостаточно принималось во внимание реальное положение в области расстановки сил. Позднее в качестве альтернативы основное внимание стало уделяться мнению, что Америка должна сосредоточить свои усилия на «распространении демократической системы» во всем мире, при этом уделялось недостаточно внимания тому, что для Америки по-прежнему большое значение имеет сохранение стабильности в мире и даже развитие практически целесообразных отношений с некоторыми странами (к сожалению, «недемократическими»), например с Китаем.

В качестве главной приоритетной задачи США призывы более узкого характера были еще менее удовлетворительными, например призыв к сосредоточению усилий на устранении существующей несправедливости в распределении доходов в мире, к формированию особых «зрелых стратегических партнерских отношений» с Россией или сдерживанию распространения оружия. Другие альтернативы, а

именно: Америка должна сконцентрировать свои усилия на защите окружающей среды или, в более узком плане, на борьбе с локальными войнами, также не учитывали основных реальностей, связанных со статусом мировой державы. В результате ни одна из указанных выше формулировок не отражала в полной мере необходимости создания минимальной геополитической стабильности в мире как основы для одновременного обеспечения более длительного существования гегемонии США и эффективного предотвращения международной анархии.

Короче говоря, цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войн. Продолжительная стадия постепенного расширения сотрудничества с ведущими евразийскими партнерами, стимулируемого и регулируемого Америкой, может также способствовать подготовке предварительных условий для усовершенствования существующих и все более устаревающих структур ООН. Тогда при очередном распределении обязанностей и привилегий можно будет учесть новую реалию расстановки сил в мире, столь изменившиеся с 1945 г.

Эта деятельность обеспечит и дополнительное историческое преимущество использования в своих интересах вновь созданной сети международных связей, которая заметно развивается вне рамок более традиционной системы национальных государств. Эта сеть, сотканная многонациональными корпорациями, неправительственными организациями (многие из которых являются транснациональными по характеру) и научными сообществами и получившая еще большее развитие благодаря системе Интернет, уже создает неофициальную мировую систему, в своей основе благоприятную для более упорядоченного и всеохватывающего сотрудничества в глобальных масштабах.

В течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудниче-

ства, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире. Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы.

Учебное издание

НОВИКОВ Сергей Степанович

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 26.07.19.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 18,60. Тираж 500 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.